

1952

29

1957

ЧИТ: ЗЯЛ

З А П И С К И

ОБЪ ОСАДЪ.

СЕВАСТОПОЛЯ.

9(0)15
1548

ЗАПИСКИ

ОБЪ ОСАДЪ

СЕВАСТОПОЛЯ

Н. БЕРГА.

62

СЪ ДВУМЯ ПЛАНАМИ.

54

Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина.

3369 3404 3369

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Цена вальда тома 2 руб. 50 коп. сер.

67

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАТКОВА И К^о.

1858.

63.3(2)47

9 (c) 15

1080

~~8548~~

к.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва, 23 августа 1857 г.

Ценсоръ Н. Фоль-Крузе.

VI.

Возвращеніе на Коварну. — Церковь перенесена изъ Михайловскаго собора въ Николаевскую батарею. — Открытіе торговаго отдѣленія въ батарею. — Замѣчательный ударъ бомбы. — Екатерининская улица въ это время. — Постройка моста съ Сѣверной стороны на Южную. — Боченокъ-бомба. — Бомбы на Сѣверной сторонѣ. — Черезъ часъ по ложкѣ. — Перегрузка спирту на фрегатъ Коварну. — Пожаръ транспорта Березани. — Последняя бомбардировка. — Почта. — Пожаръ Коварны.

Я воротился на фрегатъ вечеромъ, раздѣлся въ первый разъ послѣ того, какъ протылся со своими, легъ и проспалъ 16 часовъ сряду, на одномъ боку, не видя никакихъ сновъ.

Нечего говорить, что пораженіе на Черной грустно отозвѣдлось въ Севастополѣ. Утро 4-го августа — это были послѣднія минуты нашей жизни и нашей надежды. Къ вечеру все умерло... Мы стали прощаться съ Севастополемъ. То, чего не высказывали до тѣхъ поръ, что копилось въ продолженіи многихъ дней, — вырвалось наружу...

5-го августа неприятель открылъ новую бомбардировку об-
ласть нашихъ фланговъ, и продолжалъ ее, съ разными разста-
новками, до 11-го.

Въ Михайловскій соборъ (еще 2-го числа, въ часъ обѣды)
ударилъ бомба, пробилъ крышу, полъ, и разорвалась въ под-
валѣ, гдѣ хранилось 85 пудовъ свѣчей. Часть ихъ подняло
взрывомъ на воздухъ и разбросало кругомъ. Многія иконы по-
падали со стѣнъ и нѣсколько человѣкъ прихожанъ ранено. Въ
послѣдствіи довольно долго, на сосѣднихъ дворахъ и крышахъ,
находили свѣчи.

Это происшествіе заставило перенести церковь въ Нико-
лаевскую батарею, для чего очистили два каземата, въ ниж-
немъ этажѣ, не подалеку отъ главнаго входа. Но все-таки это
была весьма небольшая церковь, гдѣ никакъ не помѣщались
всѣ приходившіе молиться. Нѣкоторая часть постоянно сто-
яла въ дверяхъ и въ коридорѣ, между наружными арками и
стѣнкой.

Лавки также перешли въ Николаевскую батарею, немного
правѣе отъ церкви. Даже явилась надпись на черной доскѣ
бѣлыми буквами: *Торговое отдѣленіе*. Тамъ оставались до
конца купцы: Поповъ, торговавшій бакаліей; Гахъ — крас-
нымъ товаромъ; Коломейцевъ — галантерейными и офицер-
скими вещами; Кефели — краснымъ товаромъ, и Ветчян-
кина — краснымъ же товаромъ. Всѣ они выбрались только за
недѣлю до оставленія Севастополя.

Вскорѣ туда перешелъ и военный губернаторъ города,
вице-адмиралъ Новосильскій, жившій до того времени въ домѣ
Нахичова.

Николаевская батарея была, кажется, единственное зданіе
на всей Южной сторонѣ, котораго не пробивали бомбы ¹⁾. Мнѣ

¹⁾ Можетъ быть еще Александровская батарея имѣла такую же прочность.

случалось заходить къ пріятелю, занимавшему одинъ вышка-зематонъ въ нижнемъ ярусѣ батареи. У него собиралась въ вечерамъ большая компанія, играли на фортепьянахъ, пѣли, «тнули, Богъ ихъ прости, отъ пятидесяти — на сто», и нередко вошедшій новый гость возвѣщалъ, что надъ нами, на крышу упала бомба: мы никогда не слышали ни малѣйшаго звука. И такое зданіе, въ полверсты длиной, взлетѣло, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, на воздухъ, какъ одинъ небольшой камень!

Въ Корабельной подобное непробиваемое зданіе была единственно Павловская батарея.

Всѣ остальные стросія, какъ на Южной, такъ и въ Корабельной, бомбы пронизывали насквозь, отъ потолка до фундамента. Я помню одинъ замѣчательный ударъ бомбы въ Александровскія казармы: бомба упала на крышу главнаго корпуса, обращеннаго фасадомъ къ Южной бухтѣ, прошла 4 этажа, и остановилась въ подвалѣ, гдѣ ее не пустилъ дальше каменный полъ. Тамъ въ это время жило одно матросское семейство: мужъ и жена съ двумя дѣтьми. Мужа не было, а жена спала, вмѣстѣ съ малютками, въ углу, на кровати, и конечно ей, защищенной четырьмя потолками, не снилась смерть... бомба тихо подкатилась подъ кровать и подняла ее на воздухъ, при чемъ однимъ осколкомъ пробило два потолка вверхъ.

Я ходилъ нарочно въ казармы посмотреть на слѣды этого любопытнаго удара, и видѣлъ всѣ пробитыя. Въ одномъ этажѣ бомбъ попались на дорогѣ какіе-то сундуки, лежавшіе въ нѣсколько рядовъ, — и все это прорѣзала она, какъ листъ бумаги, только скрипнули однимъ общимъ скрипомъ всѣ 4 пола.

Страшнѣе и страшнѣе становилось въ Севастополѣ. Екатерининская улица опустѣла совсѣмъ. Это была на ту пору дорога бомбъ и ядеръ, которыя неслись вдоль ея, какъ бы

въ невидимой пастн. Пройдя по маленькой площадкѣ мимо дворца Государыни Екатерины ¹⁾, невольно поворачивалъ голову назадъ, въ улицу, и заглядывалъ въ эту пастъ. Уже никого не двигалось тамъ. Развѣ-развѣ гремѣла широкая одесситская телега, нагруженная турами, которыя везла на бастіонъ. Стоило любого сраженія прейтись въ эти дни по какой угодно улицѣ Севастополя.

Между тѣмъ черезъ главную бухту, отъ Николаевскихъ казармъ къ Михайловской батарее, повели мостъ. Это не было для насъ неожиданностью: постройка моста рѣшена была еще въ іюнь.

23 іюня генералъ-лейтенантъ Бухмейеръ (начальникъ инженеровъ) получилъ приказаніе главнокомандующаго отправиться для закупки дѣса на разныхъ пристаняхъ Новороссіи. Его закупили въ городѣ Херсонѣ и въ деревняхъ: Каховкѣ, Каменкѣ и Иваненковѣ, за 60 тысячъ руб. серебромъ, съ доставкой, всего 1,200 бревенъ, каждое въ 6 сажень длины и до 7-ми вершковъ толщины въ вершинѣ.

Первый транспортъ прибылъ на лошадяхъ 14 іюля и тогда же, для примѣра, сплоченъ первый плотъ. Къ августу стали подвозить матерьялы на волахъ, безостановочно, и 2 августа началась постоянная работа. Работало 40 саперъ и 60 армейскихъ солдатъ, всего 100 человекъ, дѣлая въ день около 10 плотовъ. Желѣзо для оковки приготовлялось въ кузницахъ: артиллерійскихъ, инженерныхъ и полковыхъ. 14 числа мостъ былъ конченъ. Онъ состоялъ изъ 6-ти участковъ, въ 14 плотовъ каждый (всѣхъ плотовъ съ пристанями было 86), имѣя въ длину 430 сажень и 20 сажень пристаней. Полотно было шириною въ 3 сажени ²⁾.

¹⁾ Остатки его можно видѣть въ Севастоп. Альбомѣ, на рисункѣ № 24.

²⁾ Въ Севастопол. Альбомѣ рисунокъ 17-й.

Это былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ плотовыхъ мостовъ, какіе когда-либо наводились для переправы войскъ. Онъ изумилъ быстротою постройки даже нашихъ европейскихъ учителей, которые всѣми мѣрами старались помѣшать его наведенію, пуская по немъ и вмѣстѣ по стоящимъ вокругъ кораблямъ около 500 навѣсныхъ ядеръ въ сутки; но не причинили ему почти никакого вреда. Я слышала, что въ мосту, подъ конецъ осады, оказалось только 27 пробитыя. Хоть бы вчетверо столько! Ядро дѣлало въ полотно едва замѣтную дыру — и больше ничего.

15 августа, въ Успеневъ день, послѣ обѣдни, мость открытъ и освещенъ — и по немъ пошли и повѣвали цѣлыми толпами. Странно было слышать топотъ лошадей и громъ телегъ посреди бужты, надъ зыбью волнъ, никогда не носившихъ на себѣ такого пояса. Огромныя бревна, торчавшія изъ-подъ полотна, скоро покрылись длинными свѣтлозелеными космами подводной травы, и въ этихъ космахъ, похожихъ на красивую, расчесанную на двѣ стороны бороду, гуляла постоянно мелкая рыба, какъ будто въ лѣсу, играя на солнцѣ подобно блестящимъ клинкамъ. Я часто засматривалась на игры этой рыбки и на волненіе зеленыхъ бородъ, которые выростали у богатыря съ каждымъ часомъ длиннѣе и длиннѣе.

Сначала по мосту пускали съ билетами, но это оказалось неудобно и задерживало длинные обозы у пристаней. Стали пускать такъ. Было, говорить, забавное происшествіе съ однимъ билетомъ: какой-то матросъ попался на мосту офицеру, приставленному смотрѣть за порядкомъ. — «Билетъ есть?» — Есть! — «Давай сюда!» — Матросъ вынулъ со-страпанную имъ самимъ записку, въ которой было сказано, что «по приказанію саперскаго адмирала Бухмеріуса дозволяется такому-то проходить черезъ мость во всякое время.»

Съ 16-го на 17-е число взлетѣвъ у непріятеля пороховой погребъ на Камчатскомъ редутѣ. Говорятъ, этотъ взрывъ сдѣланъ былъ бомбой, пущенной съ Будимевоѣ батареи ¹⁾; и вотъ какимъ образомъ. Надо знать, что отъ извѣстнаго до извѣстнаго часа выпускалось съ каждой батареи определенное число снарядовъ. Командиръ батареи, лейтенантъ Будичевъ, спросилъ ночью, поздно, когда уже думалъ прекратить стрельбу: «сколько послано бомбъ по спускѣ флаговъ?» — Ему отвѣчали: 9. — «Валая 10-ю для четнаго числа!» — и это четное число поднадо погребѣ!

Вскорѣ послѣ этого взрыва, который занималъ насъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, былъ найденъ во рву, за 3-мъ бастиономъ, дубовый боченокъ, обитый желѣзными обручами и начиненный разнымъ горючимъ матеріаломъ. Это былъ первый гостинецъ въ этомъ родѣ ²⁾. Въслѣдствіи непріятель куда възрѣдка подобныя боченки на 1-й и 2-й бастионы и на Малаховъ курганъ, но эти снаряды не причиняли большого вреда. Кромѣ того, еще позже, Французы пускали къ намъ кошки съ мелкими гранатами, числомъ отъ 10 до 15 гранатокъ. Мы придумали въ этомъ родѣ большія жестяныя коробки, куда вкладывалось отъ 20 до 30 гранатъ.

23 августа непріятель поставилъ на Камчатскомъ редутѣ двѣ мортиры и началъ пускать бомбы по судамъ, расположеннымъ противъ Сѣверной балки, гдѣ находился, какъ уже извѣстно читателямъ, и нашъ фрегатъ «Коварна». Первая бомба перелетѣла черезъ насъ и упала за гауптвахтой. Я помню, съ какимъ удивленіемъ смотрѣли мы на эту первую гостью Сѣвернаго берега. Намъ не вѣрилось, что это бомба. «Да не

¹⁾ Батарея, начинающая 3-е отдѣленіе, отъ Доловой балки вправо.

²⁾ Очеркъ его приложенъ къ Морскому Сборнику. 1853, октябрь, № 10.

ядро ли? спрашивали мы у матросовъ. — Какое ядро: разорвалась, отъчалъ вахтенный.

Черезъ часъ прилетѣла другая и упала тамъ же. Матросы разглядѣли уже и батарею: «съ Камчатка память!» сказали они намъ.

Это случилось въ обѣдъ. Потомъ бомбы стали падать вокругъ фрегата. Къ ужину вахтенный офицеръ уже изучилъ полетъ новыхъ бомбъ и замѣтилъ, что ихъ пускаютъ черезъ часъ. Мы прибѣгли къ этому аптечное выраженіе: «черезъ часъ по ложкѣ», и послѣ ужина вышли на палубу наблюдать за новыми посетительницами. Такъ-какъ прописываемый рецептъ былъ извѣстенъ, то намъ не стоило никакого труда приготовиться къ выжиданію въ надлежащую минуту.

Мы стали смотрѣть въ сторону Камчатки: тамъ чертили по небу сотни бомбъ; нѣкоторыя взрывались выско, и намъ часто казалось, что вотъ жалуетъ на фрегатъ, но вахтенный офицеръ говорилъ, что нѣтъ. «Вотъ къ намъ, такъ къ намъ!» сказалъ онъ вдругъ, и не ошибся: бомба взвилась совершенно вертикально (въ этомъ и было главное ея отличіе отъ другихъ, подымавшихся болѣе или менѣе косвенно), и ту же минуту стала выше и ярче всѣхъ, и скоро повисла у насъ въ зенитѣ. Мы невольно придвинулись къ гротъ-мачтѣ. Бомба достигла высшей точки, будучи отъ насъ больше нежели въ верстѣ, и потомъ начала опускаться, взявъ немного направо и гудя съ каждымъ мгновѣніемъ сильнѣе и страшнѣе. Чувствовалось, что несетъ нѣчто разрушающее; съ гуломъ смѣшивался рѣзкій свистъ и какъ-бы трескъ... вотъ, вотъ она въ трехъстахъ, въ двухъстахъ саженахъ отъ насъ, яркая, зыблущаяся звѣзда — и потомъ вдругъ что-то свиснуло мимо борту и въ буйтѣ закипѣла вода... невозможно уловить конца полета: точнѣе его кто перерывалъ, обрѣзывалъ и бомба куда-то терлась...

Все бомбы въ этотъ разъ ложились очень близко отъ фрегата, направо, или налево, но одна занукала насъ неожиданно: ставши въ зенитѣ, она не повернула икнула, а ринулась прямо на насъ. Мы прилегли къ гротъ-мачтѣ. Бомба ударила подлѣ бушприта и отбила обѣ головы у золотого орла. Фрегатъ долго качался.

Но что всего страннѣе: въ этотъ самый день, когда къ намъ стали падать бомбы, кому-то вздумалось сгрузить на фрегатъ слишкомъ 200 бочекъ адирту, принадлежавшаго морской провизантмейстерской части, а потомъ перебрала къ намъ и самая провизантмейстерская часть. Въ каютъ-компаниі устроили присутствіе, поставили зеркало и начали заниматься.

Разумѣется, чиновники не знали, что перевозжаютъ подлѣ бомбы и ядра, и когда увидѣли, что на фрегатѣ также не безопасно, какъ и въ городѣ, принялись толковать между собою: нельзя ли кого попросить, чтобы ихъ свези оттуда на Сѣверную, или еще подальше.

Въ моей каютѣ было слышно всѣ бесѣды чиновниковъ. Однажды какой-то изъ нихъ сказалъ: «какъ быть съ запутаннымъ дѣломъ 45-го года?» — Э, братецъ, отвѣчалъ другой: стобѣтъ теперь безпоянаться о такнхъ пустякахъ: дѣла лежать въ бочкахъ, на берегу, — попала бомба и сожгла бочку, гдѣ былъ 45-й годъ, вотъ и все!

Собственно, бумаги лежали на фрегатѣ; чиновникамъ и въ голову не приходило, что скоро участь, предоставленная ими одному 45-му году, постигнетъ всѣ запутанные и незапутанные года.

24 августа, утромъ, открылась послѣдняя, страшная бомбардировка, какой, конечно, не было нигдѣ и никогда. Весь Севастополь (Южная и Корабельная стороны) потонули въ дыму, который поднимался сначала рѣдкими бѣлыми столбами,

но потомъ слился въ одноъ шрое, сплошное облако, и три дни сряду висѣло это облако надъ городомъ. Солнца на Южной сторонѣ вовсе не видѣли; толь оно и свѣтило на небѣ. Иногда, орудія непрерывнаго, ровнаго гула, раздвѣлялись потрясающіе залпы многихъ орудій. Это были такіе громы, что мы, нашедся уже достаточно привыкшіе ко всему подобному, не могли выдерживать и выскакивали изъ палатокъ посмотреть, что это такое: не разверзается-ли земля? И это еще въ лагерь, за нѣсколько верстъ отъ Севастополя! Что жъ было тамъ? Конечно все, что выдумала наука разрушеній, пошло въ дѣло. Но сколько бы я ни рассказывалъ, я не передамъ почти никакого понятія о томъ, что мы тогда видѣли и слышали.

Вечеромъ того-же дня (24 августа) въ 6 часовъ, мы пили съ однимъ офицеромъ чай въ капитанской каютѣ фрегата. Вдругъ раздался ударъ бомбы. «Какъ будто въ Березань¹⁾?» сказалъ онъ. Мы подошли къ порту²⁾ и увидѣли, что надъ Березанью дѣйствительно идетъ дымъ: обыкновенное явленіе послѣ паденія бомбы. Судно загорается всегда, но пожаръ тушатъ ведромъ воды, если бомба ударитъ въ одно дерево и нѣтъ по близости сада, или чего-нибудь другаго, способствующаго усиленію пламени. Мы отошли отъ порта и снова стали пить чай. Черезъ нѣсколько минутъ взглянули опять: дымъ не унимался. Все кругомъ засуетилось. На корабль Чесмы, стоявшемъ рядомъ съ Березанью, начали готовить помпы. Около транспорта явились катера и лодки, для принятія людей и груза; вслѣдъ за тѣмъ прибыли два парохода и стали вблизи. Дымъ валилъ около часу, перекинувшись черезъ бухту чернымъ

¹⁾ Транспортное судно, стоявшее неподалеку отъ насъ, вправо, если глѣдѣть на Севастополь.

²⁾ Квадратное отверстіе, въ родѣ окна, противъ котораго ставится орудіе. Число портовъ завѣсляетъ отъ числа орудій.

выпнутымъ столбомъ. Потомъ хлснуло пламя и прежде всего обхватило ванты фокъ-мачты. Мы поднялись на палубу. Было часовъ 8, когда пламя вошло въ свою силу и всё поняли, что судно должно погибнуть. Тогда нѣсколько катеровъ бросились завозить якорныя цѣпи, чтобы отдѣлить Березань отъ Чесмы и Маріи. Но цѣпи не подавались и Березань сыпала столбы искръ на Марію, которая стояла у нея подъ вѣтромъ. Все на кораблѣ пришло въ движеніе: десятки ведеръ опускались въ море, и потомъ поднимались вверхъ и обливали борта. Уже огромныя якорныя цѣпи перебиты, канаты завезены... однако желтѣютъ отъ огня бѣлые бока бортовъ; искры липнутъ къ вантамъ... но вотъ тихо двинулся корабль, буксируемый пародомъ, и выплылъ въ безопасное пространство.

Всѣ обратились къ пожару. Удивительное зрѣлище! Уже ванты фокъ-мачты обгорѣли и повисли съ высоты огненными лѣстницами, по которымъ перебѣгало и струилось золото пламени. Съ воздухомъ произошло что-то особенное: какой-то матовый, близкій къ вечернему, свѣтъ разлился повсюду. Имъ озарилось все небо съ его звѣздами, которыя, казалось ушли еще дальше въ глубь и мерцали чуть замѣтными синими огоньками. Имъ озарился и берегъ, съ толпящимся народомъ, и бѣлыя стѣны 4-го номера, и фигуры людей въ катерахъ; и ближніе корабли, обрисовавшіеся на темномъ фонѣ ночи во всѣхъ подробностяхъ: ярко стояли въ высотѣ бѣлые столбы ихъ мачтъ, какъ бы раскаленные, и отчетливо чертились въ воздухѣ переплеты вантовъ, гдѣ глазъ разглядывалъ каждую петлю. Тѣмъ же особеннымъ свѣтомъ озарились и далекія горы съ ихъ батареями и разнообразными зданіями. Прибавьте къ этому трескъ пламени, шумъ множества веселъ, крики народу, и рѣзкій свистъ ядеръ и бомбъ, которыя стали падать чаще и чаще...

Какъ обыкновенно бываетъ при большихъ пожарахъ, лѣсныя

птицы пробудились явленіемъ этой мимой зары. Два стада кулибговъ кружили все время надъ пламенемъ, то пропадая въ облакахъ дыма, то являясь опять, озаренные огнемъ, и зыблясь въ воздухѣ подобно пушечному капральству...

Часу въ 40-мъ запылала гротъ-мачта и бизань-мачта.

Транспортъ горѣлъ до утра и сгорѣлъ весь, по мѣдную бочку. Отправивъ на другой день въ лагерь, я увидѣлъ на водѣ одно черное, дымящееся дивце. Кое-гдѣ перебѣгалъ еще огонь.

На обратномъ пути мнѣ вдумалось захватить въ 4-й номеръ, къ доктору Тарасову, который находился тамъ при госпиталѣ.

Когда я сталъ спускаться отъ Сѣвернаго укрѣпленія подъ гору, въ берегъ ударили два прицѣльные ядра, подлѣ самаго 4-го номера. Это была новость: прицѣльныхъ ядеръ до тѣхъ поръ черезъ бухту не летало.

Поворотивъ къ батарее, я увидѣлъ передъ самыми воротами свѣжую дыру, сдѣланную ядромъ. «Откуда это?» спросилъ я у часоваго. — А вотъ сейчасъ непріятель поставилъ 2 орудія на Забалканской батарее; всего только и сдѣлалъ выстрѣловъ десятокъ⁴⁾. — Я взглянулъ черезъ бухту: едва была видна небольшая батарея. Черезъ минуту показался бѣлый клубъ, и почти въ тоже мгновеніе ядро свиснуло надъ нами и пробило ворота.

Я прошелъ къ Тарасову. Послѣ трехъ первыхъ словъ онъ

4) Постановка этой батареи дорого стоила Французамъ: имъ совершенно уничтожили рабочихъ выстрѣлами съ 1-го и 2-го бастионовъ. Письма говорили, что у нихъ платилось тройное жалованье тѣмъ, кто шелъ туда работать, только едва ли кто-нибудь получилъ это жалованье: если за нихъ и приходили, то немногіе. Однакоже Французы взяли свое: когда ослабѣлъ огонь окрестныхъ нашихъ верховъ, — батарея возникла вдругъ, какъ фениксъ.

защиты мнѣ о новыхъ ядрахъ. «А вѣдь вамъ придется уѣзжать съ Коварны, сказалъ онъ потому: перебрали-бы-мы въ Северное укрѣпленіе: тамъ есть у моего пріятеля палатка, — хотите, я напишу ему и онъ отдастъ вамъ ее охотно.»

— Напишите!

Онъ написалъ тогда же. Пріятель, о которомъ говорилъ Тарасовъ, былъ уже извѣстный мнѣ человекъ, командиръ парохода Херсонесъ, Иванъ Григорьевичъ Рудневъ, большой хозяинъ. Его предусмотрительность приготовила, на всякій случай, подлѣ Севернаго укрѣпленія, палатку, или скорѣе помѣстительный балаганъ, который дождался его съ командой, если бы оказалась надобность оставить пароходъ.

Простившись съ Тарасовымъ и раздумывая о предстоящемъ переездѣ, я пошелъ тихо берегомъ, по направленію къ знаковой балкѣ (лошадь моя была отпущена съ кучеромъ еще прежде). Ядра съ Забалканской батареи безпрестанно лепили въ берегъ и неслышно врѣзывались въ суда. Я чувствовалъ, что действительно пришла пора убраться съ фрегата, а между тѣмъ все-таки не хотѣлось. Я любилъ Коварну и привыкъ къ ней, какъ не привыкалъ ни къ одному дому, и потому, размышляя о переездѣ, колебался: то переезжалъ, то снова располагалъ остаться.

Когда я прибылъ на фрегатъ, мнѣ показали двѣ свѣжихъ пробитны, сдѣланныя Забалканскими гостями. Одно ядро пропеслось надъ палубой, пробивъ оба борта, а другое ударило въ чанъ съ водой, въ кухню. Его насилу отыскали и тотчасъ свѣсили: оказалось пудъ и 23 фунта.

На слѣдующій день, 26 августа, я имѣлъ странное предчувствіе: мнѣ пришло въ голову: что, если фрегатъ загорится въ то время, когда я бываю въ лагерь? Правда, эта мысль беспокоила меня и прежде, еще до открытія непріате-

лемь mortarной батареи на Камчаткѣ, потому что бомбы, хѣтъ и рѣдко, а все таки залетали къ намъ съ другихъ батарей, преимущественно съ Херсонеса, однако я, подумавъ, тутъ же забывалъ объ этомъ и не дѣлалъ никакихъ распоряженій.

На этотъ же разъ мысль о пожарѣ представилась мнѣ гораздо ярче. Собравшись въ лагерь, я клякнулъ человѣка и далъ ему приказаніе, въ случаѣ несчастія, спасать прежде всего мои бумаги. Потомъ я вышелъ изъ каюты и поднялся на верхъ, чтобы сѣсть въ лодку и ѣхать... какъ вдругъ вспомнилъ, что часть моихъ бумагъ заперта въ кушеткѣ, и тутъ же подумалъ: неужели, однако, фрегатъ загорится именно сегодня?... Я готовъ былъ сѣсть въ лодку, но что-то тянуло меня назадъ: я не выдержалъ, воротился въ каюту, досталъ бумаги и выложилъ ихъ наружу, на комодъ. Эта странная минута спасла мнѣ тотъ свертокъ, о которомъ я упомянулъ въ началѣ моихъ записокъ.

Потомъ я сѣлъ на двойку и быстро переѣхалъ небольшое, весьма знакомое пространство бухты, не замѣтивъ, какъ двойка ткнулась въ доски пристани. Я былъ очень разсѣянъ. Впрочемъ помню, что когда я сталъ выходить, гдѣ-то далеко свистѣло ядро. Это былъ мигъ; въ слѣдующій мигъ я опять не слышалъ ничего; въ головѣ бродили разные мысли; я ступилъ на пристань, ядро щелкнуло сзади въ доски, но я этого не замѣтилъ: мнѣ показалъ кучеръ, подававшій лошадей. Я молча оглянулся, безъ малѣйшаго страху, потомъ остановилъ глаза на палаткѣ, гдѣ жила мой кучеръ: она вся была изорвана осколками бомбъ. Черезъ минуту, недалеко впереди, упала новая бомба. Все это, съ припоминаніемъ вчерашняго, убѣдило меня, что время переѣзжать съ фрегата. Но прежде всего я рѣшился заняться судьбою кучера: мнѣ пришло на мысль устроить его въ Св-верномъ укрѣпленіи, при жандармскомъ батальонѣ, котораго

командиръ мнѣ былъ хорошо знакомъ, и потому я отдумалъ бѣжать въ лагерь, а поднялся прямо, въ крѣпость.

Жандармскій капитанъ жилъ въ одной комнаткѣ длиннаго барака, принадлежавшаго почтѣ. Онъ привялъ меня подружески и согласился въ ту же минуту пристроить моего кучера и лошадь. Я вышелъ оттуда совершенно въ другомъ настроеніи духа. «Дай зайду на почту: нѣтъ ли чего мнѣ?»

Я уже описалъ во 2-й главѣ этого отдѣла особенный баракъ, гдѣ хранились посылки. Съ той поры онъ не измѣнился ни чуть. Такіе же ворода лежали на столахъ, на лавкахъ и на полу. Я прошелся вдоль комнаты, безъ всякой надежды что-нибудь отыскать, какъ вдругъ на меня взглянула посылка на мое имя изъ-за границы. Я даже узналъ руку пріятеля, которая надписывала адресъ. Нечего говорить, что подобныя вещи занимали въ Севастополѣ во сто разъ больше, нежели гдѣ-нибудь. Я отыскалъ чиновника, спавшаго тутъ же, за тюками. Онъ надѣлъ вице-мундиръ, вистѣвшій подлѣ, на стулѣ, спросилъ мою фамилію и выдалъ посылку безъ всякаго затрудненія.

Я уже вовсе отложилъ поѣздку въ лагерь, воротился на фрегатъ и вскрылъ посылку: это были книги, и я сталъ ихъ тотчасъ разрѣзывать и читать.

Такъ читалъ я вплоть до обѣда, не слыша свисту ни старухъ, ни новыхъ ядеръ. Пообѣдавши очень весело, вмѣстѣ со всѣми (большею частію мнѣ приходилось обѣдать одному), я опять спустился къ себѣ въ каюту, сѣлъ у моего столика и снова сталъ читать, не раздѣваясь, потому-что хотѣлъ въ 3 часа бѣжать къ Рудневу. Я часто поглядывалъ на часы: стрѣлка вступила на половину втораго... вдругъ раздался ударъ и затѣмъ взрывъ. Я находился въ какомъ-то странномъ, сонно-послѣобѣденномъ настроеніи духа. Я и не пошевелился и не

думалъ пойти посмотрѣть, что тамъ такое. Къ тому же паденіе бомбъ было дѣло знакомое. Сколько падало ихъ къ намъ и на окрестныя суда... сгорѣла одна Березань, и то дымящель болѣе часу... стало-быть все успѣли спасти... эти мысли пробѣжали во мнѣ мгновенно, или, лучше сказать, были со мною всегда. Я забылъ о выпруженномъ спиртѣ и продолжалъ спокойно читать и разрѣзывать книгу... немного погодя послышались чья-то стоны и потомъ крики матросовъ: «воды! воды! горимъ!» Но и тутъ я не пошевелился и ожидалъ, что будетъ дальше. Крики увеличивались. Я услышалъ явственно быстрое бѣганье матросовъ по лѣстницамъ — и все-таки сидѣлъ безъ движенія. Истинно была странная минута и я до сихъ поръ не могу ее понять. Нѣтъ сомнѣнія, что я могъ бы спасти по крайней мѣрѣ половину моихъ вещей, если бы подумалъ объ этомъ заранѣе, но я не думалъ ни о чемъ, и не воображалъ, что мы въ опасности. Черезъ минуту ко мнѣ вбѣжалъ мой человекъ, въ сюртукѣ, надѣтомъ въ одинъ рукавъ: «мы горимъ: надо спасать вещи!» — Пойдемъ, взглянемъ прежде на пожаръ, сказалъ я ему все еще спокойный, однако же схватилъ свертокъ бумагъ, выложенный поутру, а человекъ мой ввалъ попавшюся подъ руку шкатулку (думая вѣроятно, что тамъ деньги, а тамъ было нѣсколько кусковъ сахара и четверть фунта чаю), и мы выбѣжали изъ каюты и поднялись на верхъ. Пламя яилось со стороны бака рѣкою (бомба попала въ спиртъ); матросы бѣжали на середину, бросивъ тушить. Увидѣвъ это, я вдругъ потерялся; не помню, какъ сбѣжалъ по трапу на двойку; человекъ мой очутился рядомъ со мною; мы оба, стоя на ногахъ, смотрѣли на негорѣвшюю часть фрегата, гдѣ находилась каютъ-компанія и моя каюта; люжнаторъ ея глядѣлъ на насъ своимъ глазомъ. «Позвольте мнѣ сбѣгать туда, сказалъ мой человекъ: можетъ, и что и спасу!» Я подумалъ, что онъ погонится за какимъ нибудь

вадеромъ и какъ-разъ останется въ огнѣ, а потому и рѣшился обогать въ каюту-самъ. Я снова пришелъ въ себя. Но не было никакой возможности подняться на фрегатъ: матросы, одинъ за другимъ, съпались по трапу ¹⁾ на двойку и на стоявшую рядомъ съ ней шаланду ²⁾ и катеръ; лѣзли кучами въ портъ, ухвативъ каждый что попало: какую-нибудь подушку, койку, старую куртку, сундучишка... одинъ матросъ (и я не могу забыть этого умолятельнаго зрѣяща), приставленный смотрѣть за церковною утварью, не подумалъ о своемъ добрѣ, а схватилъ образъ, ризы, паникадыло и книги, и со всемъ этимъ священнымъ имуществомъ, едва едва обхватывая его руками, пробираясь въ шаланду. Мы были осѣнены внезапно ликомъ Спасителя... черезъ мигъ на фрегатъ уже не было никого. Я свободно забѣжалъ по трапу, спустился съ одной лѣстницы, думая уже не о бумагахъ, а о своихъ штудерахъ... хотѣлъ было спуститься на вторую, но меня охватило горячимъ дымомъ, я кинулся назадъ, пробѣжалъ палубу, уже совсѣмъ пустую, и снова явился на двойкѣ. Пламя било изъ половины портовъ; загорѣлись ванты и штагъ. Мы тихо отчалили, буксируя катеромъ и двойкой шаланду. О, какъ долгогъ показался намъ этотъ небольшой переѣздъ, столько всемъ знакомый! Неприятель открылъ учащенную стрѣльбу, и ядра, въ переѣзку съ бомбами, ныряли поминутно около насъ въ воду. Народъ толпился у берега. Я замѣтилъ моего дучера, который искалъ меня глазами... и вотъ мы вышли на берегъ; я грустно оглянулся назадъ: фрегатъ пылалъ весь, и зеленое пламя

¹⁾ Трапъ былъ обыкновенный; парадный сбить за нѣсколько дней передъ тѣмъ залетѣвшимъ на насъ ночью пароходомъ Грозный, при чемъ одного солдата бросило съ парохода къ намъ на палубу, но онъ сталъ на ноги и не ушибся нисколько.

²⁾ Шаланда была подведена, чтобы сгружать спиртъ, но успѣли сгрузить только 5 бочекъ.

спирта начало взрывать дубами на направлении к мысу. Я не мог смотреть на дубовую массу. Это была не Бе-резина, где мы хладнокровно следили все моменты пожара, с часами в руке. На досках Коварны я провел много таких минут, как не будет никогда. Я велел тотчас выр-гать дым; меня била медленность вчерашней...

УП.

Переездъ въ лагерь. — Врывъ шаланды ночью. — 27-е августа. — Приступъ. — Оставленіе Севастополя. — Переходъ войскъ на Сѣверную. — Уборка моста. — Затопленіе кораблей. — 28 августа. — Пожаръ города. — Затопленіе пароходовъ. — Последніе врывы. — Севастополь послѣ пожара. — Сѣверное укрѣпленіе въ это время. — Вступленіе непріятеля въ городъ. — Переходъ Главнаго штаба въ Орта-Каралеазъ и потомъ въ Бахчисарай.

—

Когда мы повзвали, и я увидѣлъ себя въ моей тележкѣ, тутъ только я почувствовалъ, что у меня осталась всего на-все одна эта тележка. Смотря въ огонь пожара, я видѣлъ только огонь, гибель и больше ничего. Столько было различныхъ, тревожныхъ чувствъ, быстро смѣнявшихъ одно другое, что какъ-то не пришлось осмотрѣться и подумать, что въ этомъ огнѣ гибнетъ у меня все: и мой Севастопольскій дневникъ, и расудки, стоившіе мнѣ большихъ трудовъ и перенесенія опасностей; гибнуть письма друзей и многое другое,

что пишется однажды в жизни, чему нет возврата, как молодости... Но тут, когда суета пожара, выстрелы и опасность остались позади, и я натисся в моей обжигавшей тележке по пустыному берегу: все это припомнилось до малейших мелочей. Картина пожара так и стояла перед моими глазами. Я спускался в каюту... вот она, милая моя каюта: направо комод, направо койка, прямо столик и люминатор... Я беру тетради, штудера... и опять, и опять повторялось передо мной то же самое... мне было невыразимо грустно!

Я вошел в палатку одного из моих товарищей, А. Я. Коробяца, с которым обыкновенно вместе работал. «Что это вас не было утром?» спросил он; и рассказала все. В соседних палатках услышали мои рассказы, и скоро вокруг меня собралась большая кучка добрых товарищей. Они признали во мне самое живое участие. Я никогда не забуду их братских услуг. Кто предлагал теплую шинель, кто бѣлья, кто звал ночевать, и я много почувствовал себя богатым...

А Коварна между тем дымилась и дымилась. Я вывел моих друзей из палатки и показал им на этот дым, для одного меня краснорѣчивый. Вечером мы увидѣли зарево. Фрегат горѣлъ до утра.

Ночью того же дня, в 12-мъ часу, двѣ большія шаланды, нагружаясь порохомъ на Павловскомъ мыскѣ, отчалили къ Графской пристави и когда стали къ ней подплывать, въ одну шаланду попала ракета — и все это поднялось на воздухъ. Варывъ былъ такъ силенъ, что не только въ ближайшихъ домахъ на Южной, но даже и въ Корабельной, за бухтой, полопались стекла. На Графской повалило статуй и приподняло одно бомбическое орудіе, лежавшее на самолѣ

берегу. Даже на Сиверной сторонѣ отозвался этотъ взрывъ: въ 4 номерѣ отворило нѣсколько дверей въ домахъ и одну ближайшія ко входу кровати ¹⁾. ✓

Вою ночь неприятель пускалъ ракеты. Одна какимъ-то необыкновеннымъ случаемъ достигла въ вершину врана ²⁾ и зажгла его. Мы никакъ не могли объяснить себѣ до утра, что это за факелъ горитъ въ воздухѣ, и освѣщаетъ Севастополь.

Вся эти пожары, взрывы, и даже этотъ странный факелъ были грустными предвѣстниками дѣла, ожидаемой развязки. Все казалось, вѣдникомъ къ тому, чтобы намъ оставить Севастополь. На водѣ, вѣдникомъ читалось одно и то же.

Утромъ, 27-го августа, какъ будто еще усилились разрушительные громы, но въ 12 часовъ все стихло. Нашъ лагерь пришелъ въ движеніе: тамъ и тамъ съдвигая коней. Нѣсколько всадниковъ уже несло по дорогамъ города — Неприятель пошелъ претупить.

Многіе изъ нашихъ поднялись на гору, гдѣ стоялъ Инкерманскій телеграфъ, а я отправился въ Голландію ³⁾, спустился внизъ, въ кусты, и сталъ смотрѣть. Прямо противъ меня, черезъ буиту, были видны 1-й и 2-й номеръ и Малая курганъ, — для незнающихъ мѣста: горы, порѣзанные траншеями и загроможденныя валами батарей. Дальше — тянулась равнина, покрытая камнями и кустами, и по ней,

¹⁾ Это послѣднее разсказывалъ мнѣ майоръ Охотскаго полка, В. К. Мельникъ, находившійся въ минуту взрыва въ 4-мъ номерѣ.

²⁾ Машина, для постановки на корабль лачты. Она похвѣдалась на одномъ изъ береговъ Доковой бухты. Издали вранъ пошелъ на бабу, востромъ обвѣнать свай.

³⁾ Балка близъ Кандищенской горы, скользящая къ рейду и покрытая хуторами.

скорый шагъ, немного нагнувшись впередъ, или колонны Французовъ или Великобританцевъ. У меня теперь еще захватываетъ духъ, когда воображу себя картину неудержимаго, одушевляющаго движения этихъ массъ. Вѣтеръ дулъ мнѣ въ лицо¹⁾, волны орошали и ударялись, что придавало имъ еще болѣе быстрой и легкой походки. Наши бомбы ложились въ ихъ ряды, вавывая пыль, но мнѣ и мнѣ безпободно-грабры Французы.

Я смотрѣлъ пристально, стараясь разгадать, что дѣлается на Малаховомъ, но дымъ орудій застилалъ все. Вотъ немного прояснѣло: идутъ и идутъ синіе ряды; стелются по равнинѣ наши бомбы... на Малаховомъ бой; видно двѣ линіи ружейныхъ огней... и опять дымъ, соединенный съ пылью. Еще темнѣе даль. Все слялось. Едва замѣтно волнообразное движеніе массъ.

Но здѣсь я оставлю свои наблюденія. Я только хотѣлъ набросить легкій очеркъ штурма, какинъ онъ казался наблюдающему съ Сѣверной стороны. Обыкновенно думаютъ о сраженіяхъ, что все это видно какъ на ладони, какъ потомъ нарисуютъ имъ на картинкѣ, и рѣдкому приходитъ на мысль взять въ расчетъ разстояніе, длину боювыхъ линій; рвы, горы, зданія, и что все же неизбежно въ битвѣ — дымъ и пыль, покрывающіе все. Такъ что, кто подойдетъ ближе, увидитъ меньше всего и равно ничего не разскажетъ потомъ какому нибудь Горацію Вернету.

Перенесемся въ непріятельскій лагерь за нѣсколько времени назадъ.

Мы уже не видимъ гвардейскаго генерала, который коман-

¹⁾ Вѣтеръ въ этотъ день былъ очень силенъ. Онъ проносилъ въ морѣ большое волненіе и воспрепятствовалъ непріятельскимъ кораблямъ сдѣлать выходы въ море и действовать по городу, за одно съ сухопутными батареями. Это можно видѣть въ рапортѣ Пеллессе военному министру.

довалъ атакой 6-го юня. Боскэ опять изучаетъ дѣятельность передъ Малаховымъ курганомъ и окружающими его батареями.

Французы подошли своими апрошами на 30 метровъ къ Малаховой башнѣ и съ трудомъ выносятъ огонь нашихъ верковъ. Все заговорило о штурмѣ. Даже Ниель, который считали немного перышительнымъ, требовалъ приступа.

22 августа (3 сентября) собрался у главкома французской арміи советъ изъ генераловъ: Шлеа, Боскэ, Тири, Мартемпре, Фроссара и Английскаго генерала сэръ Гарри Джонса. Предложено штурмовать городъ въ самомъ скоромъ времени, но дня не назначено.

Генералу Боскэ ввѣрено командованіе войсками праваго фланга атаки.

Воротаясь съ совѣта въ свою Главную квартиру, онъ составилъ тотчасъ планъ предполагаемыхъ дѣйствій и сообщилъ его секретно генераламъ Берѣ и Фроссару.

Планъ былъ слѣдующій: сначала открыть атаку праваго фланга (нашего лѣваго) неприятельскихъ укрѣпленій, ударивъ въ одно время на 3 пункта: на Малый редантъ (2-й бастионъ), на Куртину, посредствомъ которой редантъ соединяется съ Малаховымъ и со второю оборонительною линіею, известною подъ именемъ Черныхъ верковъ (Генрикова батарея съ окрестными валами) и на самый Малаховъ.

Справа пойдетъ дивизія Дюлака, имѣя въ резервѣ бригаду Мароля, (изъ дивизіи д'Орелля), и батальонъ гвардейскихъ стрѣлковъ.

Въ центрѣ двинется дивизія де-Ламоттъ-Ружа.

¹⁾ Мы считали отъ батареи Пачфинова до головы ближайшей французской сапы 12½ сажень.

Слѣва — дивизія Макъ-Магона, имѣя въ резервъ бригаду Вимперна, въ дивизіи Каму, и 2 батальона гвардейскихъ зву-авовъ.

Гвардія (главнѣйшій резервъ) займетъ старыя французскія и русскія траншеи, около редута Брансьона (бывшій Кампел-сидъ).

Такъ-какъ ей предстоитъ нанести рѣшительный ударъ, для чего она должна двинуться въ массу, — то и сдѣлано между траншеями сообщеніе въ 40 метровъ ширины (около 18-ти сажень), замаскированное турями и земляными валомъ.

Двѣ легкихъ батареи 5-й дивизіи 2-го корпуса (майоръ Сутт) стануть у Лайкастерской батареи. Четыре другихъ въ резервъ, у редута Викторія.

Имъ для прохода можетъ служить тотъ же путь, который назначенъ для гвардіи.

Кромѣ того приготовлены отряды саперъ, въ 60 человекъ каждый, подъ начальствомъ одного батальоннаго командира и 3-хъ офицеровъ, дабы идти во главѣ атакующихъ колоннъ, съ лѣстницами и ломатами въ фукахъ. Они облегчаютъ войскамъ переходъ черезъ рвы и траншеи.

Наконецъ, при каждой колоннѣ слѣдуетъ 50 артиллеристовъ, подъ командой капитана, или поручика. Артиллеристы, въ минуту занятія войсками батарей, заклепываютъ орудія, или обращаютъ ихъ въ сторону непріятеля, смотря что будетъ удобнѣе и выгоднѣе.

Атака 3-го отдѣленія предоставлена Англичанамъ, такъ-какъ они имѣли свои верки противъ этой мѣстности.

Атака лѣваго фланга поручена генералу де-Саллю.

Таковъ былъ планъ Боске (принятый и утвержденный впоследствии главнокомандующимъ).

Днемъ приступа генералъ Пеллессье назначилъ 8-е сентября (у насъ 27-е августа), но это было известно только четырнадцать лицамъ во всей армии.

Добы, ослабевъ, передъ штурмомъ, какъ можно болѣе, огнемъ нашихъ верховъ, открытыя домы были открыты бомбардировкою города и Корабельной. Эта послѣдняя, самая страшная бомбардировка, началась, какъ видно, 24-го августа (5-го сентября) утромъ и продолжалась безостановочно. Днемъ были сильнѣе прицѣплены орудия, почти непрерывно. Противъ Малахова кургана, во время ночи, ставились поспѣшно одна или двѣ батареи; болѣе всего 15-ти орудійная команда Камчатскихъ редутовъ и Малахову, но въ помощь ей вывозили около 20-ти полевыхъ орудій.

Вотъ перечень всѣхъ французскихъ и англійскихъ батарей и орудій, действовавшихъ въ эти дни.

У Французовъ, на лѣвомъ флангѣ, была 51 батарея — 346 орудій, кои были расположены такимъ образомъ:

Противъ 4-го бастиона 19 батарей — 129 орудій.

Противъ 5-го бастиона 19 батарей — 124 орудія.

Противъ 10-го номера 13 батарей — 83 орудія.

На правомъ флангѣ было 34 батареи — 267 орудій.

Сверхъ того редуты: «5-е ноября» и «Канроберовъ» имѣли 4 батареи — 14 орудій¹⁾.

Итого, на правомъ и на лѣвомъ флангахъ, у Французовъ 72 батареи — 627 орудій.

У Англичанъ на лѣвомъ флангѣ было 17 батарей — 74 орудія.

На правомъ 15 батарей — 108 орудій.

Итого 32 батареи — 179 орудій.

¹⁾ Эти 4 батареи въ послѣднюю бомбардировку не участвовали.

Всего у Французов и Англоамериканцев — 806 орудий.

Дивизию войск инженерной артиллерии по 100 выстрелов в сутки на каждую, составит 80 тысяч выстрелов; но неприятель двавд дивизионами. Наши счетчики, поставленные на раз-
наде артиллерии, не могли считать и сбивались, поэтому
считалось за 100 тысяч выстрелов в сутки¹⁾.

26-го августа (7-го сентября), после полудня, Боке со-
брал у себя всех дивизионных, бригадных, полковничьих
и артиллерийских генералов своего корпуса и объявил им,
что приступить назначен завтра 27-го августа (8-го сентября),
в 12 часов дня.

В день приступа всем быть в полной парадной форме.

Сигнала никакого не будет. Часы корпусных и дивизион-
ных командиров должны быть поставлены по часам главно-
командующего.

Большая часть войск этих распоряжений оставались для
нас неизвестными до последней минуты, но некоторые из
них мы знали и потому стали ждать штурма.

Самая бомбардировка, какой не было до тех пор, ясно го-
ворила, к чему надо готовиться.

В это время на южных пунктах нашего левого фланга,
то есть во всей Корабельной и на Пересыпке, едва ли находи-
лось 20 тысяч штыков.

Половина всего народа была постоянно на 1-й линии, а дру-
гая в резерв, на 2-й, и части за домами Корабельной и
другими урытиями.

¹⁾ Надо заметить, что выстрелы неприятеля во время осады оказывались оче-
дливо, для чего наряжались особые команды людей, по числу человек
на пункт, дабы один покрывал другого и не было никаких лишних показаний.
До последней бомбардировки счет велся довольно точно.

1-я линия войск дѣлилась на 3 части: одна треть стояла на банкетахъ, въ ружьи; другая испытывала поврежденія, а треть отдыхала, и такъ чередовались. Двѣ же половины всего войска чередовались разъ въ недѣлю, то-есть бывшая на 1-й линіи уходила въ резервъ на 2-ю, а 2-я становилась на мѣсто 1-й.

Поступившему въ резервъ солдату дозволялось переменить бѣлье и выкупаться, даже требовалась отъ него всевозможная чистота. На 1-й же линіи войска всю недѣлю не раздѣвались.

Таковъ былъ вообще порядокъ, введенный начальникомъ лѣваго фланга генералъ-лейтенантомъ Хрулевымъ; но разумеется въ послѣдніе три — четыре дня много переменялось, смотря по надобности.

Иногда, преимущественно на 4-мъ отдѣленіи, въ случаѣ ночныхъ усиленныхъ работъ, весь резервъ, или иначе вторая линія, являлась на помощь первой.

На 5-мъ отдѣленіи, по ночамъ, двѣ трети резерва постоянно приходили на работу на 1-ю линію.

Словомъ, можно сказать, не только исполнялось въ точности все, что было предписано, но даже дѣлалось гораздо больше.

Войска, съ 26-го на 27-е, на лѣвомъ флангѣ находились слѣдующія:

На 3-мъ отдѣленіи, на 1-мъ участкѣ, иначе на Пересыпкѣ, отъ лѣваго фаса 4-го бастиона до батарей Перекомскаго, включительно, — Охотскій полкъ (до 1200 ч.) подъ командой полковника Малевскаго, онъ же и начальникъ участка.

На 2-мъ, или Центральномъ участкѣ, отъ батарей Перекомскаго до праваго фаса 3-го бастиона, — сводный резервный Минско-Волыскій батальонъ (около 500 человекъ) на батареѣ лейтенанта Артѣхова, подъ командой майора Маслова; и Качатскій полкъ (около 900 ч.), подъ командой подполковника

Артемьева (онъ же и начальникъ участка), на батареяхъ лейтенантовъ: Потемкина, Мотрова, Месина и Паволога, и капитана 1-го ранга Владисова.

На 3-мъ участкѣ, или на самомъ 3-мъ бастионѣ ¹⁾ — Владиславскій полкъ (около 1,100 или 1,200 ч.), подъ командой подполковника Мезенцова, онъ же и начальникъ участка.

На 4-мъ, или Левомъ участкѣ, отъ 3-го бастиона до батарей лейтенанта Макалинскаго (прежде бывшей Яновскаго) — Суздальскій полкъ (до 1,100 ч.), подъ командой полковника Дарагана; и наконецъ на батареяхъ лейтенанта Прокофьева (прежде бывшей Вудашева), Якутскій полкъ (до 900 ч.), подъ командой полковника Вельба, онъ же и начальникъ участка.

Кромѣ того, на 3-мъ отдѣленіи, находилась 43-я дружина Курскаго ополченія ²⁾.

Въ резервѣ 3-го отдѣленія стоялъ Селенгинскій полкъ, расположенный слѣдующимъ порядкомъ: 1-й сводный батальонъ ³⁾ (около 450 ч.) сзади 3-го бастиона, у такъ называемой Люблинской стѣнки, фронтомъ къ 4-му бастиону, подъ командой майора Торнау. 2-й сводный батальонъ того же полка (около

¹⁾ Такъ обыкновенно называли на мѣстѣ эту часть, а собственно это былъ только исходящій уголъ 3-го бастиона. Въ городѣ, вѣроятно, все 3-е отдѣленіе называли 3-мъ бастиономъ.

²⁾ Въ дружинѣ въ это время считалось, круглымъ числомъ, отъ 800 до 1000 человекъ. — Всѣ эти цифры, (я разумѣю всю книгу) требуютъ конечно, проверки. Я могу сказать только одно, что собралъ ихъ на мѣстѣ, отъ людей, которымъ нельзя было много ошибиться. Цифры войскъ на Мадлоховскѣ курганѣ я имѣлъ возможность проверить тщательнѣе другихъ.

³⁾ Это значитъ, составленный изъ 2-хъ обмѣнованныхъ батальоновъ, 1-го и 3-го, а 2-й сводный батальонъ составляется изъ 2-го и 4-го. Такимъ образомъ изъ четырехъ-батальоннаго состава въ полку дѣлается двойной-батальонный. Роты въ этихъ батальонахъ также сводныя. — Всѣ люди, бывшіе въ Севастополѣ сначала осады, имѣли въ это время двойной-батальонный сводный составъ.

450 ч.) по Камчатской стене¹⁾, фронтом к Диковому оврагу, под командой майора Пршевлянского.

Кроме того, между 3-м и 2-м отделением стояла 40-я дружина Курекаго ополчения, а между 3-м и Малаховым 53-м.

Все 3-е отделение, по части работ и по артиллерии, подчинялось капитану 1-го ранга Порезешину 1-му, а войска отдаления зависели от генерала-адъютанта Пискова.

На 4-м отделении находилась следующая войска:

На батарее Жерве — Егерский В. К. Николаевича полкъ, который называли врато: «полкомъ Его Высочества» (около 420 ч.).

Командовал батареей лейтенантъ Левинскій-Роговъ (самъ Жерве былъ въ это время раненъ).

На Малаховомъ курганѣ: отъ Горжи вверхъ до Реданта²⁾, Замосскій полкъ (около 300 ч.), отъ Реданта до Тильной обороны — Модлинскій полкъ (до 280 ч.); отъ Тильной обороны — Прагскій полкъ³⁾ (до 300 ч.).

Кроме того, на работахъ внутри бастиона, были Сивцы, которыхъ часть, утромъ 27-го августа, за нѣсколько минутъ до штурма, отправилась на 2-ю ливню и встрѣтилась у Горжи съ 47-ю дружиной Курекаго ополченія — и тутъ начался штурмъ.

¹⁾ Такъ назывались двѣ оборонительныя стѣны, выстроенныя по приказанію генерала Хрулева, одна Люблинскій полкомъ, а другая Камчатскій, съ тѣмъ цѣлю, чтобы 3-й бастионъ, въ случаѣ занятія неприятелемъ правого и лѣваго фасада 3-го отдѣленія, не потерялъ своей самостоятельности, и войска, находящаяся на немъ, могла, подъ защитою этихъ стѣнокъ, отразить нападеніе и не разсѣяться.

²⁾ На 4-мъ отделеніи, вправо отъ Малахова къ батарее Жерве, былъ небольшой редантъ, который и носилъ это имя.

³⁾ Въ 3 полка 15-й резервной дивизіи.

Въ потерю д. к. мнѣше работали роты Люблинскаго полка ¹⁾, съ поручикомъ Павловымъ, а также ополченцевъ и, передъ самымъ приступомъ, явился тулемецъ Эриванецъ, съ прапорщикомъ Антоновымъ.

Отъ Малахова кургана до Рогатки стоялъ Муромскій ровъ (до 500 ч.). Батареей Рогатки, въ 26 орудій (12 крепостныхъ, 4 полевыхъ, двѣ 5-ти, пушечныя мортиры, двѣ 2-хъ полевыхъ и 6 малыхъ полунудовыхъ мортиръ) — командовалъ лейтенантъ Никитинъ.

Всего гарнизону на Малаховомъ курганѣ и на батарее Жерве, съ 25-го по 27-е Августа, было 1,450 человекъ. На одномъ Малаховомъ 880 ч. ²⁾

Въ резервъ 4-го отряда находилась 9-я пѣхотная дивизія. Потомъ пришла 47-я дружина Курвского ополченія и егерская бригада 4-й пѣхотной дивизіи (наши Шлессбургскій и Ладожскій).

Все это было подчиняемо, по части работъ, капитану 1-го ранга Керну и капитанъ-лейтенанту Карпову, которые сѣняли другъ друга черезъ неделю. Въ послѣднюю неделю командовалъ Карповъ.

Артиллеріей командовалъ лейтенантъ Лазаревъ.

¹⁾ Изъ нихъ, при штурмѣ, захвачено въ плѣнъ 81 человекъ. Всего въ мнѣхъ взято въ плѣнъ до 300 человекъ (Люблинцы, Эриванцы и ополченцы). На Малаховомъ курганѣ, на батарее Жерве и у Рогатки взято до 250 ч., а во всемъ Севастополѣ — 22 штабъ и оберъ-офицера, 11 енкаровъ и 630 человекъ мнѣхъ чинговъ. (Смѣшавъ отъ нашихъ плѣнныхъ, бывшихъ у Французовъ и видѣвшихъ подробные списки).

²⁾ Записано со словъ разныхъ лицъ, командовавшихъ тогда отрядами на Малаховомъ. Показанія ихъ всѣхъ, (собранныхъ въ разныя времена) были совершенно сходны. Значитъ, эти цифры повторялись въ продолженіе дни всѣми, какъ нѣбашія для бастиона важное значеніе, и, безъ сомнѣнія, — вѣрны.

Начальникомъ войскъ 4-го отдѣленія былъ генералъ-майоръ Буссау.

На 5-мъ отдѣленіи:

Отъ Рогатки до 2-го бастиона, по стѣнкѣ, стояли 2 батальона Олонецкаго полка. 2 другіе батальона того же полка на самомъ 2-мъ бастионѣ.

На Лабораторной батарее и по стѣнкѣ, соединяющей 2-й бастионъ съ 1-мъ — Полтавскій полкъ.

Отъ Лабораторной батареи до 1-го бастиона и на самомъ 1-мъ бастионѣ — Алексопольскій егерскій полкъ.

Въ траншеѣ отъ 1-го бастиона до бунты — 48-я дружина Курскаго обмоченія.

Въ резервѣ, на склонѣ Ушаковой балки, — Забалманскій полкъ и нѣсколько правѣ Кременчугскій.

5-е отдѣленіе подчинялось капитану 1-го ранга Миярюкову и капитанъ-лейтенанту Ильинскому. Помощникомъ у нихъ былъ 1-й артиллерійской бригады поручикъ Вроченскій.

Войсками командовалъ вмѣсто заболѣвшаго генералъ-адъютанта князя Урусова, генералъ-майоръ Сабашинскій.

Орудій на всемъ лѣвомъ флангѣ было около 325, а именно: на 3-мъ отдѣленіи до 130. ¹⁾

¹⁾ Мы знаемъ въ подробности количество и калибръ орудій только 2-го участка 3-го отдѣленія:

На батарее Пиколова было 42 орудія (40 24-хъ-фунтовыхъ, одно бомбическое и одна мортира).

На батарее Палеолога: 5 орудій (4 24-хъ-фунтовыхъ и одна мортира).

На батарее Усова — 32 орудія (все 24-хъ-фунтовыхъ).

На батарее Катруцы 7 орудій (6 24-хъ-фунтовыхъ и одна 5-ти-пудовая мортира).

На батарее Хотиминка 10 орудій (4 бомбическія и 6 небольшихъ фалькеттовъ).

На 4-ю — 63.

На 8-ю — съ небольшимъ 100.

На этомъ послѣднемъ отдѣленіи оставались почти тѣ же орудія, каки были при штурмѣ 6-го іюня, только прибавилась небольшая батарея Скарятина, около бухты, за траншеей, гдѣ поставлено 2 пудовыхъ и 2 полупудовыхъ единорога и двѣ мортиры. Еще дальше, на косогоръ устроена батарея въ 3 пушки-карронады, и за нею еще батарея, въ 3-же пушки-карронады, 24-хъ фунтоваго калибра, для обстрѣливанія Скарятинской батареи. Обѣ послѣднія батареи могли дѣйствовать только картечью.

Наконецъ, около Аполлоновой балки, стояло 3 орудія средняго калибра (фунтовъ въ 18). Эта батарея уже входила во 2-ю оборонительную линію.

Кромѣ того на лѣвомъ, или восточномъ углу Лабораторнаго двора устроена батарея въ 2 полупудовые единорога; направо отъ нея батарея въ двѣ пушки-карронады, 24-хъ фунтоваго калибра, и позади, на 2-й линіи, Генрихова батарея въ 6 орудій.

Рядомъ съ Генриховой батареей, за валомъ, принадлежавшимъ ко 2-й линіи 4-го отдѣленія, поставлено было 7 орудій (3 крѣпостныхъ, въ амбразурахъ, коихъ приготовлено всего на-все 11; и 4 полевыхъ на барбетъ, немного позади.)

Но большая часть этихъ орудій, къ концу дня, переставали дѣйствовать, мерлоны осыпались, а иногда и вовсе были сры-

На батареѣ Артюхова 5 орудій (4 24-хъ фунтова и одна мортира. Кромѣ того было одно полевое, которое, въ минуту нападенія, ставило на барбетъ).

(Записано со словъ тогдашняго начальника участка. Одинъ офицеръ, находившійся на томъ-же отдѣленіи, увѣрилъ меня, что на Ціаконовой и Усовой батареяхъ было только по 12-ти орудій).

важны непріятельскими выстрѣлами. Все это чинилось по ночамъ, съ немовѣрными усиліями и потерей людей; наконецъ не стало доставать рукъ, и притомъ перевѣсъ артиллерійскаго огня со стороны осаждающихъ былъ такъ великъ, что нѣкоторыя батареи прекращали стрѣльбу нагѣренно, какъ вовсе бесполезную.

И этигъ-то перевѣсомъ, не въ орудіяхъ, а въ снарядахъ, взялъ непріятель. А штыкомъ его мы не боялись.

Войска убывали у насъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ; можно сказать, таяли, какъ снѣгъ.

Потери на обомъ флангахъ, въ послѣдніе три дня, были несмысленная: изъ строя выбывало около 4-хъ тысячъ человекъ въ сутки.

На одномъ 2-мъ участкѣ 3-го отдѣленія, съ утра 26-го къ 11 часамъ ночи, въ Камчатскомъ полку, изъ 900 человекъ осталось только 700. Изъ своднаго Мишко-Вольскаго батальона (500 ч.) осталось около 300 ч. Когда этотъ батальонъ воротился на Сѣверную, въ немъ было только 50 человекъ.

Болѣе другихъ, однакоже, страдали 2-й бастионъ и Малаховъ курганъ, въ особенности Малаховъ.

Еще въ среду, 25 августа, начальникъ 4-го отдѣленія, капитанъ-лейтенантъ Карповъ, писалъ въ Главную квартиру, что курганъ пришелъ въ самое крайнее положеніе и требуетъ усиленія въ рабочихъ и прислугѣ къ орудіямъ¹⁾. При этомъ Карповъ предсказывалъ, что если не пришлютъ рабочихъ и оставить все идти такимъ-же порядкомъ, то курганъ возьмутъ въ явномъ. (Это такъ и случилось.)

¹⁾ У орудій 4-го отдѣленія не доставало прислуги человекъ до полтораста. Почти то же было и на другихъ отдѣленіяхъ лѣваго фланга.

Съ 25-го на 26-е, ночью, огонь непріятельскихъ батарейъ былъ въ особеннѣе силѣ. На батареѣ лейтенанта Панфилова, съ двухъ выстрѣловъ бомбами, убито въ одной амбразурѣ 25 человекъ.

Впрочемъ такіе случаи повторялись въ эти дни на разныхъ батареяхъ.

Къ утру 26-го, курганъ былъ въ худшемъ состояніи, чѣмъ наканунѣ. Это было *первое* такое утро во всю осаду. Обыкновенно къ утру поврежденія исправлялись и батареи глядѣли свѣжѣе, чѣмъ ввечеру.

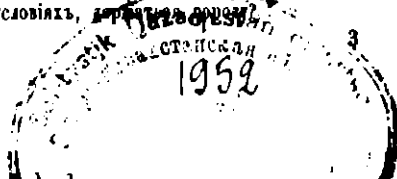
Изъ 63-хъ орудій Малахова кургана (я считаю мортиры и полевые орудія) осталось не подбитыми на переднемъ фасѣ только 8, и 14, обращенныхъ къ городу, которыя хоть и могли дѣйствовать, но въ этотъ день не стрѣляли вовсе.

Кромѣ того оказался недостатокъ въ бомбахъ и гранатахъ. На батареѣ Жерве хотя и были бомбы, но безъ трубокъ. Ядеръ было довольно: отъ 120 до 160 на орудіе ¹⁾.

Ходили слухи и ходятъ до сихъ поръ, что Малаховъ «проѣзжали, прообѣдали.»

Здѣсь справедливо только то, что въ это время на курганѣ дѣйствительно *обѣдали*, какъ и на всѣхъ другихъ батареяхъ, потому что былъ часъ обѣда. Но обѣдала только часть войскъ, часть спала, обнявши ружья (спали также, какъ обѣдали,

¹⁾ Не должно забывать замѣтить, что снаряды вообще доставлялись на батареи въ самомъ ограниченномъ числѣ, не только въ это время, но и въ началѣ осады. Некоторые батарейные командиры умѣли экономить такъ, что у нихъ были всегда, про черный день, и бомбы, и картечь, и все. А другіе не умѣли этого дѣлать. Много значилъ и чинъ начальника артиллеріи на отдѣленіи. Капитанъ 1-го ранга скорѣе выспрашивалъ снаряды у командующаго всей артиллеріей въ Севастополь, чѣмъ лейтенантъ. Спрашиваясь, можно-ли было, при такихъ странныхъ условіяхъ,

вовсе не тайкомъ, а регулярно, въ одни и тѣ-же часы, чередуясь по командамъ, чтобы ночью бодрствовать *вслѣжъ*.) А третья часть стояла на банкетахъ и могла ежеминутно призвать къ ружью какъ обѣдающихъ, такъ и спящихъ. Минуту нападенія спать было невозможно: нельзя же было для этого не спать и не обѣдать.

Обо всемъ этомъ хорошо разсуждать, сидя въ мягкихъ креслахъ, а еслибы заглянуть строгій судья, хоть на одно мгновение, въ тотъ смертельный огонь, въ какомъ Малаховцы жили постоянно, — то вѣрно-бы сталъ снисходительнѣе.

Взять Малаховъ не потому, что обѣдали, а потому, что противъ полутора тысячъ усталыхъ, изнуренныхъ солдатъ шло боѣе десяти тысячъ самаго отборнаго войска. Это такъ просто. Когда же прибыли подкрѣпленія, мы не могли отбить Малахова по причинѣ замкнутой горжи. О недостаткѣ артиллерійскихъ снарядовъ уже было сказано.

Что же касается до того, былъ-ли порядокъ и бдительность на курганѣ, это покажетъ слѣдующее почти «почасовое» описаніе послѣдняго дня, сдѣланное по вѣрнымъ источникамъ.

26-го числа, днемъ, часа въ 4 послѣ обѣда, видѣли съ Малахова движеніе войскъ и обозовъ около дома Уптона и вообще противъ 5-го бастіона, къ морю и отъ моря. ¹⁾

Въ началѣ ночи, съ 26-го на 27-е августа, было замѣчено съ кургана, что противъ 3-го бастіона подвезена артиллерія и что-то блестятъ при лунѣ, какъ будто латы.

Объ этомъ тотчасъ дали знать генералу Хрулеву, на Павлов-

¹⁾ Это была военная хитрость Пеллессе: онъ двигалъ Пьемонтскія войска, дабы заставить насъ думать, что приступъ будетъ съ нашего праваго фланга и чтобы мы стянули туда свои войска. Но это не достигнуто: мы остались на прежнихъ мѣстахъ.

скій мысок¹⁾, и онъ послалъ своего ординарца, подпоручика Негребецкаго, къ начальнику 3-го отдѣленія Перелешину 1-му, сказать, чтобы онъ принялъ мѣры предосторожности.

Негребецкій прибылъ туда въ 11 часовъ ночи и нашелъ у Перелешина начальниковъ двухъ участковъ (3-го и 2-го), полковника Мезенцова, и подполковника Артемьева. Последний только-что пришелъ просить у Перелешина одну, или двѣ роты Владимірскаго полка, для очищенія рва въ своемъ участкѣ, передъ батареей лейтенанта Артюхова. Перелешинъ назначилъ одну роту.

Услыжавъ донесеніе Негребецкаго, подполковникъ Артемьевъ отправился на свой участокъ и снялъ съ банкета 1-ю роту Камчатскаго полка, приказавъ ей, въ случаѣ штурма, быть готовой идти на 3-й бастионъ.

Всѣмъ за первымъ донесеніемъ, генералъ Хрулевъ получилъ съ Малахова второе, что противъ живннй головы кургана слышна у непріятелей работа.

Утромъ 27-го, въ 8-мъ часу, замѣчено съ Малахова сильное движеніе въ непріятельскихъ траншеяхъ, о чемъ дано знать Хрулеву²⁾.

1) Хрулевъ, въ началѣ іюня мѣсяца, перебралъ въ Павловскую батарею.

2) Это движеніе было приготовленіемъ къ бою. Войскъ вооружались. Итъ прочя слѣдующій приказъ генерала Боскѣ:

-Солдаты 2-го корпуса и резерва!

7-го іюня (26 мая) важъ досталась честь нанести первые удары въ сардіе Русской арміи. 16 Августа (4-го) вы восторжествовали надъ ихъ всемогательными силами. (Такъ называли Французы нашу армію, находившуюся на Сѣверной сторонѣ.) Сегодня ваша твердая рука, столь извѣстная непріятелю, наноситъ Русскимъ послѣдній, смертельный ударъ, исторгая у нихъ живннй верковъ, обороняющихъ Малаховъ; между тѣмъ какъ наши товарищи, Англичане, в 1-й корпусъ, произведутъ атаку Большаго реданта и Центрального бастиона.

Въ 9 часовъ начальникъ 4-го отдѣленія послалъ къ генералу Хрулеву адъютанта своего лейтенанта Вульфберта, съ донесеніемъ, что сборъ Французскихъ войскъ въ траншеяхъ противъ кургана несравненно болѣе противъ обыкновеннаго.

Хрулевъ отправилъ Вульфберта къ князю Васильчикову, котораго тотъ встрѣтилъ на мосту черезъ Южную бухту ¹⁾. Васильчиковъ послалъ его въ Главную квартиру за подкрѣпленіемъ.

Въ 10 часовъ ²⁾ увидѣли съ Малакова, какъ за Камчатскій редутъ прошла неприятельская артиллерія, полемъ, а не траншеями.

Вскорѣ послѣ этого прилетѣло на курганъ 3 бочки: одна разорвалась на Гласисной батарее, отчего обсыпался брустверъ; другая въ серединѣ кургана; третья не разорвалась.

Въ 11 часовъ капитанъ-лейтенантъ Карповъ послалъ къ Хрулеву съ однимъ юнкеромъ донесеніе, что неприятель подносить къ кургану лѣстницы и доски.

Лишь только юнкеръ отиралися, какъ пріѣхалъ на Мала-

Это будетъ одинъ всеобщій приступъ, армія противъ арміи! Это будетъ долгопамятная побѣда, которая убиваетъ юныхъ орловъ Франціи. Ребята, впередъ! Малаковъ и Севастополь — наши! и да здравствуетъ Императоръ!»

¹⁾ Первый мостъ черезъ Южную бухту былъ построенъ въ половинѣ сентября 1854, на тендерѣхъ и другихъ судахъ. Я говорю о немъ въ первомъ отдѣлѣ Записокъ, на стран. 53. — 28 марта, 1855, въ бомбардировку, неприятель потопилъ 6 тендеровъ. Тогда выстроилъ новый мостъ на платформахъ и бочкахъ. Изображеніе послѣдняго можно видѣть въ Севастоп. Альбомѣ, рисунокъ 1-й.

²⁾ Въ это время у Французовъ было уже все готово.

Генералъ Боскѣ прибылъ на свой постъ, въ 6-ю паралель, самую ближайшую къ намъ.

Главнѣйшій французской арміи пріѣхалъ со штабомъ на Камчатскій редутъ.

ховъ флигель-адъютантъ Воейковъ. Карповъ повелъ его по батареямъ и желая показать, какъ все это, вслѣдствіе пробоинъ и другихъ поврежденій, сдѣлалось рыхло и непрочно, толкнулъ плечомъ одинъ мерлонъ на Редантъ и свалилъ его въ ровъ.

Потомъ они воротялись къ башнѣ и вошли въ блиндажъ ¹⁾, гдѣ Карповъ отдалъ Воейкову докладную записку о бѣдственномъ состояніи кургана, для передачи ея главнокомандующему. Воейковъ положилъ ее въ карманъ... вдругъ раздался варывъ и за тѣмъ крикъ на курганѣ: «Французы!»

Карповъ сказалъ только Воейкову: «ступайте, вамъ теперь здѣсь нечего дѣлать!» ²⁾ а самъ выскочилъ изъ блиндажа и велѣлъ ударить тревогу, но барабанщикъ былъ убитъ. Тревогу протрубилъ уже гарнизъ.

Карповъ вѣбжалъ на Гласисную батарею и увидѣлъ, что три густыя колонны неприятелей идутъ къ лѣвому флангу кургана и нѣсколько Французовъ уже пробираются ровомъ къ Реданту.

За тѣмъ грянуло на курганѣ 6 выстрѣловъ: три изъ нихъ сдѣланы были со Штурмовой батареею, начальникомъ артиллеріи 4-го отдѣленія, лейтенантомъ Лазаревымъ, собственно-ручно; одинъ комендоромъ; потомъ раздался выстрѣлъ съ лѣваго флага Гласисной батареею, сдѣланный юнкеромъ Колчакомъ, изъ 68-ми-фунтоваго орудія, мелкой картечью съ ядромъ, и наконецъ, шестой, съ Рогатки, навѣсно картечью изъ подбитаго орудія, поставленнаго на-попа.

¹⁾ Въ эту минуту прибылъ юнкеръ, посланный къ Хрулеву, и сказалъ, что подкрѣпленіе будетъ.

²⁾ Воейковъ, обнявъ саблю, прошелъ по кургану благополучно и спустился внизъ. Черезъ часъ, или около того, онъ смертельно раненъ, при отбитіи кургана.

Это были единственные в тот день и *последніе* наши выстрѣлы съ Малахова кургана...

Карповъ сбѣжалъ опять внизъ и увидѣлъ на батарее Панафирова трехцвѣтный Французскій флагъ ¹⁾. Черезъ нѣсколько минутъ Французы показались на лѣвомъ флангѣ Гласисной батареи, а наши, послѣ небольшой стычки (въ которой пали командиръ Модлинскаго полка, полковникъ Аршеневскій, одна изъ первыхъ жертвъ, и майоръ того же полка Кованько) отступили съ этого пункта вправо, въ числѣ 60 человекъ, съ поручикомъ Анкудовичемъ, и спустились внизъ, ко входу въ башню.

Карповъ, увидя ихъ и замѣтивъ, что Французы еще не овладѣли Гласисной батареей, уприсялъ Анкудовича воротиться.

Въ эту минуту, шагахъ въ 15-ти отъ башни, появился генералъ Буссау, съ маленькой шкатулкой въ рукахъ, окруженный кучкой ополченцевъ (человѣкъ 12), побросавшихъ ружья и взявшихся за палки и топоры.

Буссау былъ совершенно безоруженъ и кидалъ въ непріятелей камнями... вдругъ пуля ударила его въ грудь и онъ упалъ...

Французы уже были на Гласисной батарее и стрѣляли отсюда по нашимъ. На башнѣ также развѣвался ихъ трехцвѣтный флагъ.

Спустя нѣсколько мгновеній послѣ того, какъ палъ Буссау, по той же маленькой площадкѣ пробѣжалъ лейтенантъ Лазаревъ, схватясь рукой за животъ и молча расклаиваясь съ Карповымъ. Вѣроятно, онъ прощался съ нимъ на-всегда: пуля

¹⁾ Вотъ точка (батарея Панафирова) гдѣ непріятель показался прежде всего. Впрочемъ, мы ожидали этого, частью по близости непріятельской сапы, частью потому, что въ этой батарее была брешь. — Инженеръ-поручикъ Орда видѣлъ не флагъ, а знамя, съ золотымъ орломъ, которое могло явиться послѣ.

ударилъ ему въ животъ и вышла въ правый бокъ. (Это случилось въ то время, когда онъ стрѣлялъ со Штурмовой батареи ¹⁾).

¹⁾ Мы можемъ поспѣдовать за Лазаревымъ: онъ пошелъ по направленію къ Горжи, теряя болѣе и болѣе силы, и близъ самой Горжи, когда наши отступали и Французы были уже въ нѣсколькихъ саженяхъ, встрѣтилъ нижевернаго поручика Орду, который уходилъ вмѣстѣ со всѣми. «Проведите меня пожалуйста въ спокойное мѣсто!» сказалъ онъ Ордѣ. Спокойнаго мѣста нигдѣ не было, да и не до того было Ордѣ: онъ снѣшнѣе убраться по добру по здорову и могъ считать себя почти внѣ опасности: 5 шаговъ — и онъ за курганомъ... Французы наступаютъ. . а тутъ просить о помощи раненный товарищъ! Доброе сердце одолѣло мгновенно всякія другія размышленія. Онъ взялъ подъ руку Лазарева и отвелъ въ первый взглянувшій на него блиндажъ, положилъ на койку и перевязалъ ему рану его-же носовымъ платкомъ. Въ томъ-же блиндажѣ очутился саперный подпоручикъ Поздроевъ, 3 солдата Ериванскаго полка и 1 саперъ 6-го батальона. Кроме того 4 солдата тавло-равеннскихъ. Здоровымъ конечно хотѣлось уйти, но выслушавши, они увидѣли, что Малаховъ уже занятъ непріателемъ и нашихъ не видно. Французы выбѣли на брустверъ у Горжи и открыли огонь. Разумѣется, нашимъ пришлось воротиться въ блиндажъ. Они прятались и просидѣли такъ до 2-ихъ часовъ по полудни. Перестрѣлка гремѣла неутомимо. Слышно было наше приближающееся ура. Французы отбѣжали назадъ и првлегли за разными блиндажами и траверсами. Потомъ опять раздалось *vive l'empereur!* И Французы посипали къ Горжѣ. (Кажется это былъ моментъ, когда отбивая курганъ генералъ Лисенко, о чемъ будетъ сказано ниже). Солдаты стали проситься у офицеровъ пострѣлять изъ блиндажа. Офицерамъ этого не хотѣлось, но они разрѣшили, махнувъ рукой. Противъ входа въ блиндажъ лежали Арабы (*l'igailleux indigènes*) съ темными, звѣрскими лицами, одѣтые въ свои красивые бѣлые плащи. Такое сосѣдство было вовсе непріятно: еслибъ они замѣтили выстрѣлы, то всѣмъ-бы нашимъ не одобровать. Этотъ народъ шутить не любить. Да и вообще, въ такую минуту, рѣдко даетъ пощадю любая нація. Къ счастью, никто не замѣчалъ, откуда сыплются пули. Арабы только похватывались, кто за бокъ, кто за ногу, а иной и вовсе растаивался по землѣ ни пикнувъ. Такъ наши стрѣляли болѣе часу. Вдругъ въ окошко влетѣло два ядра съ нашихъ батарей, или спорѣе съ парходовъ, и одно ранило здороваго солдата осколкомъ щепы. Наверху послышался шумъ и топотня; земля сыпалась на головы (Французы ставили на блиндажъ мортиры), блиндажъ гондвалъ ходонемъ; наши думали, что ломаютъ крышу и добиваются до нихъ. Состояніе духа было не совсѣмъ ладно. Особенно грустилъ бѣдняга Орда,

Минуть через 10, съ праваго фланга Гласиспой батареи, отступило нашихъ только 8 человекъ, изъ тѣхъ 60-ти, которые воротились туда съ поручикомъ Анкудовичемъ. Все остальное легло и самъ Анкудовичъ (оставленъ замертво, но послѣ поднять. Ему отняли руку и онъ черезъ нѣсколько времени выздоровѣлъ).

Карповъ встрѣтилъ ихъ у самаго спуска, рядомъ со своимъ блиндажемъ, совершенно изотравившихся. Слѣдомъ за ними бѣжали 4 Француза. Карповъ старался удержать нашихъ, объясняя имъ, что изъ восьмеро, а тѣхъ только четыре, но они ничего не слышали. Французы нагрянули и переколоти ихъ всѣхъ. Безъ сомнѣнiя, досталось-бы и Карпову, но онъ получилъ въ эту минуту ударъ сверху и повалился безъ чувствъ... Французы пробѣжали мимо.

Все это видѣли трое Модлинскихъ солдатъ, бывшіе неподалеку; они подошли къ Карпову, подняли его и отнесли въ его блиндажъ. Двое изъ нихъ были при этомъ смертельно ранены пулями, однако же, пока въ нихъ еще держалась жизнь,

бывшій въ 5-ти шагахъ отъ спасенiя. Вдругъ вбѣжали къ нимъ 3 зуава, какъ будто ихъ кто втолкалъ. Одного Ериванцы посадили на штыки, у другаго выбили ружье и связали ему руки; 3-й убѣжалъ и вѣроятно далъ знать своимъ: немного спустя явился офицеръ съ 6-ю волжжерами и спросилъ нашихъ, есть-ли между ними офицеръ. Орда подошелъ къ нему и сказалъ, что онъ офицеръ. «Вы сдаетесь?» спросилъ Французъ. Орда обернулся къ солдатамъ и спросилъ, наѣрены-ли они сдаться? Они согласились и положили ружья. Французы тотчасъ обратили вниманiе на раненныхъ, и убравши ихъ, повели Орду, Ноздреева и троихъ солдатъ на Камчатскій редутъ, черезъ батарею Панфилова, траншеями, набитыми народомъ, который провожалъ нашихъ вѣсными взглядами, бранью, а мимо даже замахивались штыками. Офицеры, бывшіе тутъ-же, брали ихъ за руки и тихо втолкали штыки въ сторону. — Лезаревъ впоследствии выздоровѣлъ совершенно.

Что-же случилось съ поручикомъ Ордой на Камчатскомъ редутѣ, въ Главной французской квартирѣ и послѣ, любопытные могутъ прочесть въ 1-й книжкѣ Инженернаго журнала, за 1857-й годъ.

они думали только о битвѣ, и положивъ Карпова, затѣяли съ неприятелемъ пересорядку изъ блиндажа. Карповъ, почувшисъ, нашель ихъ въ самой жаркой дѣятельности... но скоро двое ослабѣли и выпустили ружья, только одинъ долго еще мстиль за своихъ товарищей, посылая Французамъ пулю за пулей...

Малыховъ былъ занятъ. Вокругъ башни и дальше, у орудій, а частію и межъ траверсами, происходила обыкновенная рѣзня и свалка, подобная всѣмъ другимъ, когда противники сойдутся близко и въ тѣсотѣ. Тутъ есть дѣло не только прикладами, пальцами и камнями, но и пустыми руками и даже зубами... ополченцы ударили въ топоры...

То наши пробивались впередъ, и Карповъ слышалъ изъ блиндажа приближающіяся крики ура; то снова они удалялись и замолкали (это было, по всей вѣроятности, отбитіе Панфировой батареи Прагскимъ полкомъ, подъ командой полковника Фрейнда, раненаго при этомъ въ обѣ руки). Вдругъ блиндажъ загорѣлся; Карповъ выскочилъ и ту же минуту былъ схваченъ шестью французскими солдатами, руки назадъ и за шиворотъ. Одинъ замахнулся на него штуцернымъ тесакомъ (sabre-baïonette). Карповъ молча опустилъ голову, но кто-то закричалъ, и солдаты выпустили его, а къ нему подошли двое офицеровъ и объявили, что онъ плѣнный ¹⁾.

¹⁾ Послѣдуемъ за Карповымъ на Камчатскій редутъ, куда послали его, въ сопровожденіи одного солдата.

Проедя отъ своего блиндажа по направленію къ батарее Панфирова, подлѣ траверсовъ, ближайшихъ къ башнѣ, Карповъ замѣтилъ, что вокругъ лежить болѣе убитыхъ Французовъ, нежели Русскихъ. Только подлѣ орудій лежали одни Русскіе, рядами, а Французовъ тамъ почти не было.

Миновавъ батарею Панфирова, Карповъ пошелъ, по указанію солдата, мимо траншей, полеми, и видѣлъ, какъ наша картечь поражала Французовъ, скрытыхъ въ траншеяхъ. Картечь, какъ замѣтно, ложилась со 2-го бастиона в сѣ стороны, подошедшихъ къ Кленовымъ

Бой кипѣлъ кругомъ. Въ одно время съ занятіемъ Малахова, Французы бросались на батарею Жерве (кажется 1-й и 3-й зуавскіе полки и гвардейскій стрѣлковый батальонъ), отгѣс-

Близъ Камчатскаго редута Карповъ встрѣтилъ 4-хъ Русскихъ офицеровъ, которыхъ вези туда-же. Всѣ они вмѣстѣ прибыли на Камчатскій редутъ и были представлены главнокомандующему. Онъ спросилъ, офицеры-ли, и велѣлъ имъ дать отдохнуть. Ординарцы его предложили имъ вина и сигаръ. Въ эту минуту, какъ замѣтили наши, на Камчатскомъ редутѣ не оказалось снарядовъ: все было выстрѣлено. Бой сильно кипѣлъ еще на всѣхъ линіяхъ. Городъ и верки были въ дыму. Французы, поглядывая на часы, говорили: «вотъ ужь 5-я часть, а все нѣтъ конца!» — Когда какой-то запыхавшійся офицеръ прабѣжалъ съ извѣстіемъ, что отбитъ 2-й бастионъ, — кто-то изъ штабъ-офицеровъ замѣтилъ: «Русскіе скоро выгонятъ насъ и отсюда!» Нѣкоторые говорили, что на Малаховѣ держится еще одна часть укрѣпленій, и наши поняли изъ описанія, что это башня.

Отдохнувши, плѣнные пошли дальше, въ сопровожденіи четырехъ Французовъ; спустился въ Доковой оврагъ и увидѣли направо, противъ 3-го бастиона, лежація колоны Арабовъ, отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ человекъ. Вдругъ въ середину ихъ упала бомба и разорвалась. Одна колонна разбѣжалась въ разные стороны и потомъ уже не собиралась.

Плѣнныхъ повели Доковой балкой, мимо Англійскаго перевязочнаго пункта, гдѣ къ нимъ стали тѣсниться кучки Англичагъ, не совсѣмъ дружелюбно, такъ что Французы должны были ихъ отгонять.

Потомъ наши поднялись на гору, мимо какой-то батареи, и подошли къ Киленбалкѣ, противъ Миярюкова хутора, который былъ весь разоренъ. На хуторѣ находился Французскій перевязочный пунктъ, и туда собирались всѣ Французы, раненные въ Корабельной. Наши ядра летѣли на хуторъ, рикошетируя черезъ бугоръ.

Затѣмъ плѣнные повернули Киленбалкой вправо, мимо Англійскаго лагеря, и пришли въ лагерь Боскѣ. Было часовъ 6. Плѣнныхъ принялъ адъютантъ Боскѣ, капитанъ Дамьеръ, приказалъ дать имъ обѣдать и обошелся съ ними самымъ учтивымъ образомъ. Они нашли тамъ еще 18 человекъ русскихъ офицеровъ, а вскорѣ привелъ туда-же лейтенанта Панфилова и поручика Орду. Кромѣ того постоянно приводили нашихъ солдатъ и матросовъ, взятыхъ въ Корабельной и на Южной.

28-го, утромъ, всѣхъ плѣнныхъ, собравшихся у Боскѣ, отправили, въ сопровожденіи жандармовъ, въ Главную квартиру французской арміи, гдѣ они прибыли до 29-го.

низи егерей В. К. Мухомла Николаевича и стали заклепывать орудія. Командиръ полка, полковникъ Китаевъ, былъ раненъ, и кромѣ того перебито много офицеровъ. Команду принялъ штабсъ-капитанъ князь Гингляттъ. Онъ привелъ въ порядокъ отступившіе батальоны и молодецки сбросилъ непріятеля въ ровъ.

На 3-й бастионъ ударили Англичане.

Начальникъ отдѣленія Перелешинъ, обойдя всю линію своихъ верковъ, воротился, въ половинѣ 12-го, въ свой блиндажъ, и найдя тамъ полковника Мезенцова, завелъ съ нимъ разговоръ о разныхъ разностяхъ... вдругъ вбѣжалъ сигнальщикъ съ словами: «штурмъ! Французы!»

Перелешинъ, подпоясавъ живо саблю и схвати въ лѣвую руку трубу, а въ правую револьверъ, бросился къ блиндажу генерала Павлова (откуда открывался Малаховъ и Камчатка) и увидѣлъ, что Французы бѣгутъ въ большихъ массахъ къ кургану... Спустя нѣсколько мгновеній на немъ явился трехцвѣтный флагъ, потомъ упалъ опять... бѣжавшія массы остановились, колебались немного — и снова ринулись вперед... на курганѣ явилось два флага.

Въ эту минуту Перелешину сказали, что непріятель атакуетъ и его отдѣленіе (видѣть атаки, за множествомъ траверсовъ и валовъ, было не возможно).

Перелешинъ, взявъ своего ординарца, матроса Зарубина, побѣжалъ на 3-й бастионъ и тотчасъ встрѣтилъ нѣсколько солдатъ Владимірскаго полка, отступавшихъ съ бастиона къ батарее Усова. «Куда вы?» спросилъ онъ ихъ. — Сдѣлано такое распоряженіе, — отвѣчали солдаты. «Какое распоря-

29-го, въ половинѣ дня, послали ихъ въ Камышь и оттуда перевезли на корабль Шарлемань, который отвезъ ихъ въ Константинополь.

женіе — пошли впередъ! » крикнулъ Перелешинъ, но все было напрасно: солдаты не слушались и уходили. Бросивъ ихъ, Перелешинъ приближалъ на правую сторону 3-го бастиона и подлѣ первыхъ траверсовъ увидѣлъ еще кучку Владимірскихъ солдатъ, которые стрѣляли впередъ. Ничего нельзя было за ними видѣть, но не оставалось никакого сомнѣнія, что непріятель ворвался въ бастионъ и находится очень близко. Пули свистали и наши солдаты падали... протѣсьнясь сквозь толпу, Перелешинъ дѣйствительно увидѣлъ Англичанъ, шагать въ 15-ти, много 20-ти, и крикнулъ своимъ: «ребята, впередъ!» но никто не тронулся ни шагу. Тогда Перелешинъ, надѣясь увлечь солдатъ своимъ примѣромъ, бросился впередъ, за нимъ послѣдовалъ его ординарецъ, матросъ Зарубинъ и еще одинъ солдатъ изъ кучки, но вся кучка осталась безъ движенія. Одинъ англійскій солдатъ прицѣлился въ Перелешина почти въ упоръ, но тотъ навелъ на него револьверъ и вѣроятно сконфузилъ: англійская пуля оторвала у храбраго капитана только два пальца на лѣвой рукѣ, въ которой онъ держалъ трубу. Едва почувствовавъ, что онъ раненъ, Перелешинъ оставилъ спокойно револьверъ въ Англичанина, цѣлилъ долго, но также промахнулся... Потомъ, показывая солдатамъ свою разбитую руку, онъ звалъ ихъ снова впередъ, и все-таки никто не двинулся. Тогда Перелешинъ зашелъ за одинъ траверсъ, направо, вмѣстѣ съ ординарцемъ и солдатомъ, и перевязалъ наскоро галстугомъ руку. Англичане подошли въ это время ближе и нѣсколько изъ нихъ очутились за тѣмъ самымъ траверсомъ, за которымъ, съ другой стороны, стоялъ Перелешинъ. Взглянувъ навскось, онъ увидѣлъ красные мундиры, которыхъ какое мгновеніе прибывало больше и больше. Покамѣстъ Перелешинъ перевязывалъ себѣ руку, бывшіе при немъ матросъ и солдатъ, затѣвали перекидываться съ непріателемъ черезъ траверсъ камнями, но оттуда камней летѣло несравненно боль-

ше. Наши принуждены были выйти из-за траверса. Перелешинъ, протѣснившись опять сквозь кучку Владимірцевъ, которые все стояли на томъ же мѣстѣ и стрѣляли, спустился въѣво горжевымъ рвомъ и увидѣлъ новую кучку Владимірскихъ солдатъ, сидѣвшихъ во рву, подъ защитою вала. Съ ними были и офицеры. Перелешинъ сталъ ихъ усовѣщивать и всячески подукать, чтобы они шли на выручку товарищей. Была-ли это другая кучка, или другая минута, только солдаты вскочили и полѣзли прямо на валъ — все мгновенно измѣнилось, и эта храбрая кучка, вѣроятно сейчасъ же погибшая за валомъ, одушевила всѣхъ и положила начало спасенію бастиона ¹⁾).

Но въ этотъ удивительный мигъ, въ этотъ критическій переломъ битвы, я долженъ воротиться минутъ за 10 назадъ, на батарею Никонова, гдѣ подъ особымъ навѣсомъ только-что сѣло обѣдать пѣсколько офицеровъ Камчатскаго полка.

Стѣять описать оригинальный навѣсъ храбрыхъ защитниковъ 3-го бастиона. Мы отдохнемъ хотя на минуту подъ этимъ навѣсомъ отъ кровавыхъ впечатлѣній.

Навѣсъ капитана Никонова былъ сторожень изъ досокъ и покрытъ слоемъ фашиванку для защиты отъ пуля. Онъ имѣлъ аршинъ 5 въ длину и аршина 4 въ ширину, и примыкалъ одной стороною къ валу, двумя къ бляндажамъ, а четвертая выходила внѣтъ батареи. Около этой послѣдней стороны, въ предохраненіе отъ осколковъ и отъ чего случится, поставлены

¹⁾ Перелешинъ, двинувъ черезъ валъ Владимірцевъ, пошелъ къ генералу Павлову просить, чтобы поддержали этотъ натискъ, какъ увидѣлъ, что Селенгинцы уже идутъ... Чувствуя сильную слабость отъ истеченія крови, Перелешинъ уже не могъ воротиться на бастионъ, а отправился прямо къ Павлову, доложилъ ему обо всемъ случившемся и сдѣвъ отдаленіе капитану 1-го ранга Никонову, спустился къ Южной бухтѣ, берегомъ, мимо Александровскихъ казармъ, и дойдя до артиллерійскихъ складовъ, сѣлъ въ лодку и перѣѣхалъ на ближайшій паромъ Бессарабію.

были въ одинъ рядъ туры, насыпанные землей, и кому-то вздумалось посадить туда георгины. Чтò значить георгины во всякомъ другомъ мѣстѣ! онъ сталъ давно довольно-пошлымъ цвѣткомъ, но тамъ, на бастіонѣ, эти вещи получали советъ иное значеніе. Кругомъ закоптѣлыя лица, дымъ, выстрѣлы, разрушеніе и смерть — и тутъ же взглядъ встрѣчаетъ живой цвѣтокъ, смѣло простирающій въ воздухъ свои тонкіе, изящные стебли... на ту пору эти многоцѣнные стебли были въ полномъ цвѣту. За такой оригинальной оградой видѣлось два стола, одинъ простой, для обѣда, а другой ломберный, для игры въ карты, и нѣсколько длинныхъ скамеекъ. Играли большею частію въ ералашъ ¹⁾). Кроме того, подъ тѣмъ же навѣсомъ, умывались, писали приказы и раздавали жалованье. Словомъ, это былъ очень важный пунктъ всего участка. Разумѣется, досчатая крыша не могла защитить отъ бомбы, или ядра; она плохо защищала и отъ пули. Однажды пуля, пробивъ доски, упала прямо на ломберный столъ, когда офицеры играли въ карты. Всѣ захохотали, а пуля пошла за марку. Въ другой разъ доложили офицерамъ, что бомба съѣла ихъ жаркое. Впрочемъ, въ это время на бомбы приносилось

¹⁾ Здѣсь можно кстати упомянуть, что у непріятелей замѣчены были свои развлечения. Всякое воскресенье, послѣ 4-хъ часовъ, на бугрѣ, между главными англійскими лагеремъ и редутомъ Викторіа, собиралась большая толпа народу, болѣе тысячи человекъ, снимали мундиръ и играли въ чихарду. Наши вздумали однажды послать имъ съ 3-го бастіона «мячикъ» — 5-ти фунтовую бомбу, но такъ-какъ разстояніе было очень велико (болѣе 4-хъ версты) то и зарядили мортиру, вмѣсто 10-ти фунтовъ, 12-ю фунтами пороху, на авось: разорветъ, такъ разорветъ, а можетъ и долетитъ. Бомба хлопнула прямо въ ѣргодъ: кто прилетѣлъ, кто побѣжалъ; а когда ее разорвало, чихарда пошла опять своимъ порядкомъ. Мы послали еще «мячикъ», — та-же исторія! Съ этихъ поръ (съ половинъ іюля) всякое воскресенье посылали играющимъ пару «мячиновъ»; но только пару, чтобы показать, что имъ видимъ ихъ потѣху, могли бы помѣшать, но не мѣшаемъ.

много и несправедливых жалобъ. Больше ничего не случилось подъ этимъ счастливымъ навѣсомъ, который былъ устроенъ моряками и сталъ называться «Морскимъ», съ того времени, какъ неподалеку отъ него явился другой навѣсъ, поставленный офицерами Камчатскаго полка и названный «Сухопутнымъ».

Сухопутный былъ мѣсто счастливъ. Однажды, именно 6-го августа, ударила въ него бомба, пронесла крышу и разбила столъ, за которымъ играли въ карты: прапорщикъ Пётровскій, штабсъ-капитанъ Михайловскій, капитанъ Второвъ, поручикъ Дмуховскій, подпоручикъ Пѣпель и прапорщикъ Дымовскій. Когда раздался взрывъ, на мѣстѣ навѣса явилась куча мусору и досокъ. Денщикъ Пётровскаго подбѣжалъ къ начальнику участка, подполковнику Артемьеву, упалъ на колѣни и закричалъ: «ваше высокоблагородіе, спасите барина!» Артемьевъ, игравшій подъ Морскимъ шалашомъ, бросился къ Сухопутному навѣсу, или, лучше сказать, къ мѣсту, гдѣ былъ навѣсъ за минуту передъ тѣмъ; велѣлъ разбросать землю и доски, и вытащить оттуда офицеровъ. Первый показался Дымовскій, жестоко израненный: ему оторвало правую ногу выше колѣна и правую руку выше локтя, навскось, такъ-что, какимъ-то страннымъ случаемъ, уцѣлѣлъ большой палецъ. Дымовскій былъ въ полномъ присутствіи духа и говорилъ какъ здоровый. Онъ вынулъ лѣвой рукой саблю и сказалъ горько: «не случилось тебѣ больше послужить!» и съ этими словами взмахнулъ ею и отсѣкъ себѣ оставшійся на правой рукѣ палецъ.

Другіе офицеры, засыпанные обломками навѣса, были также переранены, только легче, и выздоровѣли все до одного.

И съ этой минуты не стало «Сухопутнаго» шалаша; жилъ и дышалъ только одинъ «Морской» со своими георгинами, и отслужилъ службу до конца.

Подъ нимъ-то собрались было офицеры пообѣдать, (а объ-

дали они хорошо, это можно заключить отчасти изъ того, что покойница Прасковья Ивановна любила этотъ участокъ, въ часъ обѣда, больше всѣхъ).

За обѣдъ съѣли: капитанъ 1-го ранга Никоньевъ, подполковникъ Артемьевъ, поручикъ Ивановъ, прапорщикъ Олендзскій, лейтенантъ Саковичъ и мичманъ Штеверъ. X

Подали щи, и лишь только были опустошены нѣкоторыя тарелки, какъ вдругъ вбѣжалъ флейщикъ Камчатскаго полка, съ словами: «Малаховъ взятъ! У непріятеля вѣтрянка ходитъ!»¹⁾

Всѣ вскочили и бросились къ своимъ постамъ.

Подполковникъ Артемьевъ, подпоясывая саблю, послалъ своего ординарца утѣрь-офицера Христенку за первой ротой Камчатскаго полка (которую онъ снялъ съ банкета въ 11 часовъ ночи, о чемъ сказано выше), а самъ побѣжалъ на 3-й бастионъ и дорогой узналъ, что убитъ полковникъ Мезенцовъ²⁾, упреждавшій Артемьева въ появленіи на бастионѣ какой-нибудь минуты.

Камчатская рота явилась тутъ же. Это было то счастливое мгновеніе, когда Владимірцы, возбужденные Перелешинымъ, перескочили черезъ валъ; ихъ было очень мало; имъ нужна была помощь — и съ этой-то помощью, (которая важна только въ извѣстное мгновеніе) подошелъ лихой и распорядительный Артемьевъ. Велѣвъ ударить наступленіе, онъ крикнулъ: «съ Богомъ, ребята, въ штыки!» Всѣ кинулись; къ Камчатской ротѣ и бывшимся уже впереди Владимірцамъ присоединились и тѣ, которые перестрѣливались съ непріателемъ съ самаго начала, на правой сторонѣ бастиона; — завязался рукопашный бой... одинъ англійскій солдатъ выстрѣлилъ въ Артемьева

¹⁾ Онъ принялъ это за сигналъ.

²⁾ Двумя пулями въ грудь. Портретъ его въ Художествен. Листѣ 1857, № 12.

въ 10-ти шагахъ, но пуля скользнула по лѣвому плечу, не тронувъ кости. Этого солдата Владиміръ подняли на штыки. Юнкеръ Филиповъ, увидавъ, что Артемьевъ раненъ, подбѣжалъ и паскоро перевязалъ ему руку своимъ шейнымъ платкомъ. Артемьевъ снова явился передъ солдатами. Они бились, какъ только можно было биться въ такой тѣснотѣ и при такихъ малыхъ силахъ... минута была роковая... ряды нашихъ пустѣли больше и больше... Англичанъ прибывало, и нѣкоторые уже сидѣли на орудіяхъ и заклепывали ихъ... Еще нѣсколько мгновений — и прощай 3-й бастионъ! но въ эту роковую минуту явилось отъ Любанской стѣны 3 роты Селенгинцевъ и тогда только наши почувствовали возможность ударить въ штыки — ринулись и мигомъ опрокинули непріятеля въ ровъ.

При этомъ натискѣ взято полтораста человекъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ одинъ раненный полковникъ ¹⁾ и нѣсколько офицеровъ.

Попавъ снова подъ ружейный и артиллерійскій огонь, Англичане отступили въ безпорядкѣ къ своимъ траншеямъ.

Подполковникъ Артемьевъ, поднявшись на валъ, распорядился войсками до тѣхъ поръ, пока непріятель не оставилъ своихъ покушеній на 3-й бастионъ ²⁾.

Было около половины втораго, когда Артемьевъ явился въ блиндажъ генерала Павлова и доложилъ ему объ отбитіи штурма, прося позволенія идти съ Камчатскимъ и Селенгин-

¹⁾ По фамиліи Гаммондъ. У него было 9 штыковыхъ ранъ, одна изъ нихъ по черепу.

²⁾ «Траншеи были до того завалены тѣлами, говоритъ генералъ Сиксонъ въ депешѣ своей отъ 28 августа (9 сентября), что я не могъ предпринять вторичной атаки, въ которую готовились-было Горцы (highlanders), подъ командой сэра Коллинъ-Кешбеля, уже сформировавшаго свои резервы, кои должна была поддержать 3-я дивизія генерала сэра Вильяма Эйра».

скимъ полкомъ на помощь Малахову кургану, отъ батареи Жерве, съ которой непріятель былъ уже сброшенъ.

Павловъ не согласился. «Лучше перевяжите свою рану!» сказалъ онъ Артёмьеву.

Поручикъ Ивановъ, съ деньщикомъ, приступили къ перевязкѣ, схвативъ съ неубраннаго стола прованское масло. Въ 4 часа была сдѣлана другая надлежащая перевязка вольнымъ фельдшеромъ Титомъ Степановымъ ¹⁾, который служилъ на 3-мъ отдѣленіи по своей охотѣ. Артёмьевъ, придя къ нему и увидя тамъ англійскаго полковника, просилъ Тита Степанова перевязать напередъ полковника, а потомъ ужъ его, такъ-какъ тотъ и чиномъ, и ранами старше, да къ тому же и гость; но Титъ Степановъ не согласился, отшучиваясь и говоря, что свой во всякомъ чинѣ нужиѣе, особенно такой, какъ онъ ¹⁾,

1) Титъ Степановъ Саложенковъ, Петербургскій 2-й гильдіи купецъ, прибылъ въ Севастополь въ половинѣ іюля, 1855, и просилъ назначить его на какой-либо изъ бастионовъ, въ должность фельдшера, причѣмъ представлялъ медицинское свидѣтельство, что онъ можетъ исправлять эту обязанность. Его послали на 3-е отдѣленіе, гдѣ онъ и оставался до послѣдняго дня, являясь нешедя всюду, гдѣ только нужна была его помощь. Онъ перевязывалъ раненныхъ подъ самымъ сильнымъ огнемъ. 24-го августа былъ контуженъ камнемъ въ правое плечо, а 27-го раненъ осколкомъ бомбы въ лѣвую ногу, но въслѣдствіи выздоровѣлъ совершенно и нынѣ живетъ опять съ родными въ Петербургѣ. Онъ имѣетъ солдатскій георгіевскій крестъ и три медали: Севастопольскую, за компанію и особую, за храбрость.

2) Титъ Степановъ въ особенности любилъ Артёмьева, и всякій разъ, послѣ сильной перестрѣлки, взрыва, или чего-нибудь такого, спрашивалъ прежде всего объ немъ: Василій Дмитричъ живъ? — Живъ! — Ну, слава Богу!

Артёмьева любилъ также и солдаты, какъ добраго, попечительнаго, расторопнаго и смѣлаго начальника.

Вотъ одинъ изъ тысячи случаевъ, доказывающій эту беззатѣнную, трогательную привязанность простаго человека.

Артёмьевъ стоялъ за траверсомъ. Вдругъ по ту сторону упала бомба. Одинъ солдатъ, находившійся подлѣ него, заслонилъ собою своего командира,

и все-таки перевязалъ прежде подполковника, а потомъ полковника. Англичанинъ оправился скоро, какъ ни въ чемъ не бывалъ.

На лѣвомъ фасѣ 3-го отдѣленія войска наши (полки Суздальскій, подъ командой полковника Дарагана и Якутскій, подъ командой полковника Велька) отразили Англичанъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, и здѣсь непріятель не могъ проникнуть въ наши ретраншаменты.

То же самое было и на штурмовыхъ батареяхъ ¹⁾, исключая двухъ: Артюхова и Потемкина, гдѣ Англичапе вскочили на брустверь и поваляли стѣнки у орудій, но тутъ же опрокинуты за валъ Минско-Волынскимъ батальономъ и Камчатскимъ полкомъ.

Опять загремѣлъ освобожденный бастионъ и загремѣлъ еще громче.

Лейтенантъ Прокофьевъ ²⁾ повернулъ свои орудія на Малаховъ и началъ стрѣлять, выпуская послѣдніе заряды. Говорятъ, одна изъ его гранатъ взорвала пороховой погребъ, влѣво отъ кургана (что былъ варывъ, это вѣрно). Французы бросились оттуда толпами, такъ-что генералъ Макъ-Магонъ насилу ихъ воротилъ.

и пригнувъ осторожно его голову къ самой стѣнкѣ, наложилъ на нее ладонь — и такъ замеръ. Когда бомба разорвалась и осколки пронеслись мимо, солдатъ пустилъ руку, взглянулъ въ лицо Артемьеву и спросилъ самымъ простодушнымъ тономъ, какъ-бы нянька у дитяти: «живъ-?»

Въ Севастополѣ случилось не разъ, что солдаты и матросы, кучами, мгновенно, выдѣлись заслонить собою любимаго начальника. Одинъ сказывалъ мнѣ, что его поваляли четверо солдатъ и легли на него, въ ту минуту, когда подлѣ должна была разорваться бомба.

¹⁾ Такъ назывались батареи по правую руку отъ 3-го бастиона.

²⁾ Командиръ самой крайней батареи 3-го отдѣленія, надъ Доковой балкой, противъ батареи Жерве, которая была по ту сторону балки.

Этот взрывъ, съ нѣсколькими послѣдующими, произвелъ то дѣйствіе, что непріятель не рѣшился насъ преслѣдовать, опасаясь встрѣтить всюду мины и фугасы, которыхъ, собственно, почти не было. Войскà порывались, но Пелиссэ не пустилъ.

Совершенно въ одно время съ описанными атаками, дивизіи генерала Дюлака двинулась на 2-й бастионъ, и быстро отгнала нашихъ...

Генераль Сабашиевскій (начальникъ войскъ 5-го отдѣленія) говорилъ въ это время съ капитаномъ Генеральнаго штаба Черняевымъ, присланнымъ къ нему отъ Хрулева съ предложеніемъ, не смѣнить ли 8-ю дивизію 4-й, чтобы дать той отдохнуть.

«Ни за что не разстанусь съ 8-й дивизіей, сказала Сабашиевскій, особенно въ такое время; если ее возьмутъ, я уйду самъ!»

Въ эту минуту доложили, что поданъ обѣдъ (вотъ другой обѣдъ, нѣсколько не помѣшавшій дѣлу).

«Давайте лучше закусьмъ!» сказалъ генераль Черняеву... вдругъ на 2-мъ бастионѣ ударили тревогу.

1-й батальонъ Забалкаускаго полка, подъ командой полковника Нейдгардта¹⁾, бросился впередъ, на помощь Олоонецкому полку, расположенному по стѣнкѣ, отъ Рогатки до 2-го бастиона, а генераль Сабашиевскій, взявъ весь Кременчугскій полкъ, состоявшій подъ командой майора Ваггаузена (который тутъ же раненъ пулей въ ногу); 2 батальона Бѣлозерскаго полка, подъ командой майора Ярошевича (также раненъ, въ 2 часа, но остался до конца на своемъ мѣстѣ) и одинъ баталь-

¹⁾ Пропалъ безъ вѣсти.

онъ Забалканцевъ, пошелъ мимо стѣнки отъ 1-го бастиона ко 2-му, въ колоннахъ къ атакѣ, съ барабаннымъ боемъ ¹⁾).

Французы уже хозяйничали на бастионѣ, но увидя приближеніе нашихъ резервовъ, поспѣшно заклепали орудія и отступили, оставивъ въ нашихъ рукахъ 29 штабъ и оберъ-офицеровъ ²⁾ и потерявъ убитыми и ранеными около полтораоста человекъ.

Генералъ Сабашинскій тотчасъ разсыпалъ стрѣлковъ по багетамъ, въ 6 шеренгъ, и велѣлъ имъ открыть усиленный ружейный огонь, при двухъ небольшихъ мортирахъ, оставшихся незаклепанными. Кромѣ того ему содѣйствовала 3-хъ (2-хъ) орудійная Лабораторная батарея.

Французы, отойдя шаговъ 200, построились опять, и бросились снова на бастионъ, пользуясь лѣстницами, оставленными во рву послѣ перваго нападенія, и едва не вскочили на валъ.

У нихъ убитъ при этомъ генералъ Сень-Поль, командиръ 1-й бригады дивизіи Дюлака, и тяжело раненъ генералъ Биссонъ, командиръ 2-й бригады той же дивизіи.

Французы предпринимали послѣ этого еще 4 атаки, но всѣ разы отбиты Сабашинскимъ.

Во всѣ эти стычки оказалъ необыкновенную расторопность прапорщикъ Черноглазовъ, 48-й дружины Курскаго ополченія, ходившій болѣе восьми разъ, со своей командой, за патронами, подъ самымъ сильнымъ огнемъ.

Сабашинскому, при отбитіи атакъ, значительно помогали

¹⁾ Немного позже, часа въ 2, явился къ нему съ Лабораторной батареею одинъ батальонъ Подтавскаго полка, подъ командой подполковника Групики.

²⁾ Въ томъ числѣ полковника Дюшюи, командира 57-го линейнаго полка, и подполковника Маньяна, пачальника штаба 4-й дивизіи 2-го корпуса.

пароходы ¹⁾, подошедшіе къ Киленбалкѣ: Херсонесъ, прибывшій прежде всѣхъ, и потомъ Владиміръ и Одесса.

Часа въ 3, со стороны Камчатскаго редута, показалось 6 новыхъ колоннъ. Это была резервная бригада Мароля.

Спустившись въ ровъ передъ Малаховымъ курганомъ, они прошли сзади оборонительной стѣны, достигли 2-го бастиона и кинулись на валы.

Одинъ зуавскій офицеръ, красивый молодой человекъ, въ свѣжомъ, блестящемъ мундирѣ, съ саблей на темлякѣ, держа въ одной рукѣ пистолеть, а въ другой камень, вскочилъ на брустверь, и за нимъ «А бородача-зуава» съ ружьями и камнями въ рукахъ. Офицеръ, явись на брустверь, выстрѣлялъ въ генерала Сабашинскаго, почти въ упоръ, но не попалъ, и потомъ бросилъ камень; зуавы также кинули въ нашихъ камнями, но тутъ же всѣ пятеро повалились, пробитые пулями нашихъ солдатъ, которые подошли къ нимъ очень близко и выстрѣлили совершенно спокойно, какъ въ мишень. Офицеръ и два солдата упали внутрь бастиона, а два другіе скатились въ ровъ.

Генераль Сабашинскій командовалъ людьми: «на валы!» и велѣлъ стрѣлять въ непріятеля, уже толпившагося во рву, и бросать туда чѣмъ попало: ядрами, гранатами, камнями и осколками. Минуть 5 продолжалась эта страшная битва — Французы не выдержали, выскочили изъ рва и бросались бѣжать по полю, подвергаясь нашему огню. Немногіе достигли

¹⁾ Дислокація пароходамъ въ день штурма дана была слѣдующая: Одессъ, Херсонесу и Владиміру идти къ Киленбалкѣ, для обстрѣливанія ея и Забалканской батареи. Крымъ и Эльборусъ должны были стать противъ Ушаковой башни, для дѣйствія по непріятелю, еслибы онъ прорвался сквозь линію нашихъ верховъ, между 2-мъ бастиономъ и Малаховымъ курганомъ. Громоносець и Бессарабія должны были помѣститься въ Южной бухтѣ, для дѣйствія по непріятелю, еслибы онъ явился у Малаго моста.

во его ближайшаго плацдарма, бывшаго оттуда въ 41-й сажени. Все легло «какъ краснѣй мажъ». Генералъ Сабашинскій говорилъ, что «съ тѣхъ поръ, какъ живетъ, не видывалъ ничего подобнаго».

Въ этой стычкѣ Французы потеряли своего главнаго начальника генерала Мароля, который, въ минуту свалки, пропалъ неизвѣстно куда, и найденъ уже на другой день, утромъ, во рву передъ 2-мъ бастіономъ, покрытый множествомъ глубокихъ ранъ. Другой генералъ, храбрѣйшій изъ храбрыхъ, какъ его называли Французы, — Понтеве, также раненъ смертельно.

Послѣ этого пораженія непріятель уже не возобновлялъ атаки на 2-й бастіонъ.

На 1-й бастіонъ вовсе не было нападенія.

Дивизія де-Ламоттъ-Ружа бросилась изъ центра 6-й параллели на куртину, въ одно время съ движеніемъ Дюлака на 2-й бастіонъ.

Ей должно пробѣжать довольно большое пространство.

Войскá двинулись на куртину массой и тотчасъ овладѣли батареей Генриха, и заклепавъ орудія, прорвались за вторую линію. Отважный 11-й полкъ, съ полковникомъ Шаброномъ, достигъ Корабельной...

На Павловскомъ мыскѣ ударили тревогу.

Генералъ Хрулевъ былъ тогда въ одномъ изъ казематовъ Павловской батареи, вмѣстѣ со своими ординарцами и генералами Лысенкой и Рененкампомъ. Они готовились обѣдать. Хрулевъ первый увидалъ штурмъ, вбѣжалъ въ столовую и сказалъ: «штурмъ! на коней!» Всѣ бросились...

Въ уллицахъ Корабельной стояла тогда егерская бригада 4-й дивизіи. Хрулевъ собралъ ее и повелъ на Малаховъ. Наши встрѣтили Французовъ въ Слободкѣ, погнали ихъ въ штыки (это былъ 11-й полкъ Шаброна) и гнали вплоть до Рогатки, переколовъ человекъ 300. Хрулевъ, замѣтивъ отступленіе нашихъ отъ Малахова, послалъ, еще находясь въ Корабельной, ординарца своего ротмистра Макарова сказать генералу Лисенкѣ, чтобы онъ шелъ съ резервами отбивать курганъ Макаровъ по-скакалъ. Хрулевъ продолжалъ движеніе и отразивъ непріятелей къ 1-й нашей линіи (къ Рогаткѣ), самъ съ бригадой остановился у 2-й, вѣтво отъ Малахова, и велѣлъ начать перестрѣлку. Вскорѣ открыла огонь на томъ же пунктѣ легкая батарея графа Тышкевича ¹⁾). Потомъ явился батальонъ Сѣв-

¹⁾ Въ послѣдствіи явилась передъ Малаховымъ 4-я легкая батарея 17-й артил. бригады, подъ командой капитана Глазенаха. Она пострадала жестоко. Командиръ и 4 офицера были убиты. Последнему офицеру, прапорщику Романовичу, пуля прошла сквозъ шею; онъ выбылъ изъ строя, но остался живъ. Прислуга была также почти вся перебита. Потерявъ своихъ офицеровъ, участвовавшіе солдаты не упали духомъ. Командовалъ старшій унтеръ-офицеръ. Видя, что лошадей не стало и батарея подвергается опасности достаться непріятелю, онъ послалъ верхового за лопадями въ обозъ на Сѣверную (вереть въ одинъ конецъ). Лопадей привели и орудія были выручены, но людей, изъ 70-ти человекъ слишкомъ, воротилось только 20.

Кромѣ этой батареи дѣйствовало еще нѣсколько легкихъ батарей въ разныхъ пунктахъ, но я не имѣлъ случая узнать объ нихъ обстоятельно. Вотъ нѣкоторыя подробности о движеніи батареи графа Тышкевича. Прежде всего должно замѣтить, что 4 орудія его батареи оставались во всѣ дни послѣдней бомбардировки на прежнемъ мѣстѣ, за стѣнкой, вправо отъ Генриховой батареи (гдѣ стала вся 5-я батарея 11-й бригады послѣ 27-го мая, о чемъ уже сказано), а 4 отправлены генераломъ Хрулевымъ въ паркъ, за Аполлонову балку, для сохраненія людей и лошадей. Съ этими-то послѣдними 4-мя орудіями, Тышкевичъ, по тревогѣ на Павловскомъ мыскѣ, двинулся лѣвымъ берегомъ Аполлоновой балки и потомъ, мимо Ушаковой балки, къ Генриховой батарее, съ намѣреніемъ соединиться съ теми своими орудіями, кои стояли у стѣнки. Но поравнявшись съ Ушаковой балкой, Тышкевичъ увидѣлъ, что наши сбѣги съ первой линіи и бѣгутъ, разсыпавшись, за вторую, а Фран-

скаго полка, подъ командой майора Львова. Стѣнцы нѣсколько разъ покушались перебѣжать пространство, отдѣлявшее ихъ отъ 1-й линіи, дабы вскочить на Малаховъ съ того угла, откуда вскочили Французы, но это оказалось не возможнымъ по причинѣ перекрестнаго огня съ лѣваго фаса кургана и съ 1-й линіи, изъ-за Рогатки. Стѣнцы ложились рядами...

Въ это время Хрулеву дали знать, что генералъ Лысенко, двинувшій къ Горжѣ охотниковъ Елецкаго (?) полка, смертельно раненъ. Хрулевъ поскакалъ къ Малахову и найдя передъ нимъ часть 9-й дивизіи, сѣлъ съ лошади и повелъ солдатъ 6-ти-ряднымъ строемъ, ибо иначе было нельзя: проходъ, оставленный въ Горжѣ, имѣлъ не болѣе 3-хъ сажень въ ширину¹⁾. Все это мѣсто было завалено трупами. Брустверь за ровомъ устьянъ алжирскими стрѣлками, которые, стрѣляя, можно сказать, выбирали на выборъ.

пузы наступаютъ, стрѣляя изъ ружей на-ходу. Генрихова батарея была уже ими захвачена, а равно и 4 орудія Тышкевича, находившіяся за стѣнкой. Когда же отступавшіе солдаты замѣтили стройноподвигавшуюся батарею, мгновенно оправившись и окруживъ орудія, тронулись рядомъ съ ними впередъ. Французы остановились и потомъ начали отступать за первую линію, гдѣ и засѣли, а наши, преслѣдуя ихъ, засѣли по сю сторону стѣны и такъ оставались довольно долго, едвали не до вечера, раздѣляемые другъ отъ друга толщиной бруствера. Всякій, отбѣжавшій туда или сюда, непременно погибалъ. Иные смѣльчаки подымаясь и стрѣляли въ противника въ упоръ, сверху черезъ валъ.

4 орудія Тышкевича построились первоначально противъ Генриховой батареи, гдѣ простояли около получаса, а потомъ, по приказанію Хрулева, соединились съ другими 4-мя орудіями той-же батареи, кои Тышкевичъ нашелъ не заклепанными и открылъ огонь изъ всѣхъ восьми.

¹⁾ Этотъ-то проходъ обыкновенно и называли *Горжей*. Собственно «горжей» называется задняя часть укрѣпленія, откуда входить. Севастополь вообще отличался неточностію какъ въ фортификаціонныхъ названіяхъ, такъ и во многомъ другомъ, что однако-же нисколько не мѣшало дѣлу. — Ровъ направо и назво отъ Горжи былъ глубиною сажени 3, а брустверь за ровомъ имѣлъ въ вышину 2½ сажени, и въ толщину 2 сажени.

Хрулевъ шелъ впереди всѣхъ; едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ (до Горжи оставалось сажень 10) какъ пуля оторвала ему палецъ на лѣвой рукѣ; зажавъ рану, онъ прошелъ еще, какъ вдругъ былъ контуженъ въ голову гранатой... чувствуя, что не можетъ идти далѣе, генералъ велѣлъ своему ординарцу, штабсъ-капитану Павлову, скакать къ Сабашинскому, чтобы онъ явился принять отъ него команду. Павловъ поскакалъ, но дорогою сбить съ лошади пулей въ лобъ ¹⁾). Хрулевъ, не дождавшись Сабашинскаго и поручивъ командованіе прибывшему съ куртины капитанъ-лейтенанту Ильинскому, сѣлъ на лошадь и поддерживаемый двумя ординарцами, корнетомъ Янковскимъ и юнкеромъ Владыкинскимъ, съ двумя жандармами напередѣ, понесся маршъ-маршемъ на Павловскій мысокъ. На пути ему встрѣтился Вульфертъ, возвращавшійся изъ Главной квартиры, куда былъ посланъ за подкрѣпленіемъ, какъ сказано выше. Хрулевъ остановилъ его словами: «будетъ подкрѣпленіе?» — Азовцы и Одесцы.²⁾ идутъ уже по мосту, отвѣчалъ Вульфертъ и поскакалъ далѣе.

Войскá на Малаховомъ курганѣ, по отбытіи Хрулева, частію разбрелись по домикамъ, разсыпавшимъ вокругъ, частію стояли въ нестройныхъ кучахъ передъ Горжей и не двигались ни туда, ни сюда, какъ обыкновенно бываетъ съ потерявшимися и сконфуженнымъ солдатомъ.

Капитанъ-лейтенантъ Ильинскій сталъ совѣтоваться съ окружающими его офицерами: флигель-адъютантомъ, ротмистромъ Воейковымъ, ротмистромъ Макаровымъ и капитаномъ Генеральнаго штаба Чернявымъ, — что дѣлать? Рѣшили послать къ главнокомандующему и просить войскъ и начальника. Вдругъ, со стороны батарей Жерве, показался генералъ

¹⁾ Умеръ черезъ нѣсколько дней въ Смирнополь.

²⁾ Оставлены на Южной сторонѣ.

Юферовъ. «Вотъ намъ начальникъ! сказали всѣ: ваше превосходительство, примите команду!»

— Съ большимъ удовольствіемъ, сказалъ онъ грустно, очень разстроенный и страдая отъ полученной незадолго передъ тѣмъ раны. Условились распорядиться такимъ образомъ: Юферовъ, набравъ охотниковъ, двинетъ ихъ съ горжи, а Воейковъ поведетъ другихъ справа, отъ батареи Жерве; Ильинскій же думая ударить слѣва, отъ куртины. «Только слѣзьте вы съ лошади, сказалъ онъ Воейкову, а то не долго на ней усидите!» (Воейковъ былъ на большой лошади. Ильинскій, совѣтуя ему слѣзть, самъ оставался верхомъ и такъ пробылъ до конца, оговариваясь тѣмъ, что у него лошадь маленькая, казацкая, не такъ видная.) Воейковъ послушался, слѣзъ и пошелъ пѣшкомъ къ назначенному ему пункту, а Ильинскій поѣхалъ къ своему, влѣво, но еще не доѣхавъ до куртины услышалъ, что Юферовъ убитъ (это случилось спустя часъ, или около, того, по отъѣздѣ Хрулева). Ильинскій ту же минуту воротился къ горжѣ и тамъ узналъ, что и Воейковъ также убитъ ¹⁾...

Заговоренный отъ пуля, со своимъ лихимъ конькомъ, Ильинскій остался опять старшимъ на курганѣ и развѣзжалъ спокойно между убитыми, которыхъ прибывало съ каждой секундой

¹⁾ Собственно онъ былъ раненъ. Говорили, что набравъ человекъ 15 охотниковъ, онъ сталъ ихъ звать впередъ. Лѣзть съ такой кучкой на тысячи — дѣло больше чѣмъ отважное. На валахъ, за ровомъ, залегли французскіе стѣбли и выжидали своихъ жертвъ. Наши солдаты, сколько ни было въ нихъ смѣлости, видя рѣшительную гибель, стояли какъ вкопанные. Одинъ сказалъ Воейкову: «а ну-ка, ваше благородіе, поди самъ!» Онъ бросился и тутъ-же пораженъ пулей въ грудь на влѣвъ въ спину. Пуля повредила позвоночный хребетъ. Воейковъ жаль двое сутокъ, не чувствуя большихъ болей, говорилъ какъ здоровый и надѣялся подняться. На третью сутку сего не стало. Это былъ прекрасный офицеръ, любимый всѣми. Портретъ его въ Художественномъ Листкѣ, 1856, № 9.

больше и больше. У Горжи образовался чистый брустверь изъ мертвыхъ тѣлъ. Идти впередъ по той же дорогѣ, гдѣ легли эти храбрцы, — не было никакой возможности. Тогда ротмистръ Макаровъ поскакалъ къ главнокомандующему, въ Николаевскую батарею.

Князь находился въ квартирѣ начальника штаба севастопольскаго гарнизона. Макаровъ доложилъ ему обо всемъ, и онъ назначилъ командовать войсками генералъ-лейтенанта Мартинау, который тотчасъ и отправился, но не дойдя до кургана, раненъ пулей въ плечо, еще въ улицѣ Слободки, близъ дома Тулубьевой...

Говорили, что подъ конецъ, гораздо позже появленія Мартинау, ходили отбивать Малаховъ 2 роты саперъ, съ полковникомъ Генрихомъ, который при этомъ раненъ. Кромѣ того, еще позже, штылся ворваться въ горжу пластуны, около ста чел., подъ командой сотника Гульского, но чтò значили эти сотни тамъ, гдѣ ничего не могла сдѣлать цѣлая дивизія?..

Между тѣмъ Хрулевъ принялся къ воротамъ Павловской батареи, гдѣ былъ снятъ съ сѣдла докторомъ Дземишкевичемъ и ординарцемъ своимъ унтеръ-офицеромъ Степановымъ. Дземишкевичъ сдѣлалъ тотчасъ перевязку и отвелъ генерала на ботъ, который и перевезъ его на Сѣверную.

Вслѣдъ за нимъ отправили одного полковника, все толковавшего о Французахъ и просившаго найдти ботъ. Долго не находили. Полковникъ чуть не плакалъ. Наконецъ ботъ нашли, онъ отплылъ и уже былъ на серединѣ бухты, какъ вдругъ надъ нимъ разорвалась бомба и однимъ осколкомъ снесла полковнику голову.

Все, чтò я описалъ на столькихъ страницахъ, произошло почти въ одно время; разница между «главными атаками» заключалась въ какихъ-нибудь минутахъ.

Генералъ Боскэ слѣдилъ за ходомъ битвы изъ 6-й параллели.

Бросивъ отсюда взглядъ на всѣ три пункта, атакованные Французами:

Дивизія Дюлака отступила отъ 2-го бастиона.

Де-Ламоттъ-Ружъ держится передъ куртеной, на 1-й линіи.

Дивизія Макъ-Магона отражаетъ Русскихъ отъ кургана.

Это могъ быть 2-й часъ дня.

Замѣтивъ колебаніе Дюлака и де-Ламоттъ-Ружа, Боскэ послалъ приказаніе майору Сути, (на редутъ Викторію) чтобы онъ сдѣлалъ со своею артиллеріей къ Киленбалочной бухтѣ и открылъ огонь по пароходамъ, которыхъ дѣйствіе было гибельно для войскъ, направленныхъ ко 2-му бастиону.

Орудія понеслись въ галопъ, прямо, полемъ, и стали на берегу, но пароходы засыпали ихъ картечью и гранатами.

У Сути перебита нога. Капитанъ Рапателъ, принявшій послѣ него команду, пораженъ смертельно. Больше двухъ третей офицеровъ и прислуги не стало. Но павшихъ смѣняють прибывающіе вновь. Батарея удержалась; пароходы принуждены удалиться. Когда они двинулись, въ Херсонесъ попала бомба съ бывшаго Волынскаго редута и разбила въ машинѣ подтрубокъ, передающій паръ въ золотники ¹⁾, послѣ чего пароходъ остановился, и бросивъ якорь, началъ подавать сигналы въ Севастополь, но долго никто не являлся на помощь. Французы замѣтивъ, что пароходъ подбитъ, спустили къ водѣ своихъ стрѣлковъ и начали (по выраженію разскащика) «строчить по пароходу штуцерами». Дѣло было плохо. Наконецъ явился Крымъ и вывелъ своего пріятеля изъ-подъ огня батарей и штуцеровъ.

¹⁾ При этомъ все машинное отдѣленіе быстро наполнилось паромъ, такъ-что машинисты и котелгары едва успѣли выскочить, жестоко обожженные. Трое изъ нихъ бросились въ бассейнъ, полный водой, и на другой день умерли. Остальные выздоровѣли довольно скоро.

« Вот ужъ точно я подаль руку доброму товарищу, какъ, можетъ быть, никому не подавалъ! » рассказывалъ потомъ командиръ Херсонеса, описывая свою встрѣчу съ командиромъ Крыма, когда тотъ вступилъ къ нему на палубу, гдѣ страшно было пробыть одну минуту — и пріатели спокойно обнялись на этой страшной палубѣ!

Боскѣ поднялся на валъ траншеи, чтобы лучше слѣдить за дѣйствіемъ направленной имъ батареи, какъ вдругъ бомба разорвалась въ нѣсколькихъ шагахъ впереди его и одинъ большой осколокъ пронесся мимо лица начальника штаба 2-го корпуса, сбилъ пагонь съ эполета майора Балайда, личнаго адъютанта Боскѣ и ударилъ самого Боскѣ въ правый бокъ, немного ниже плеча.

Чувствуя, что принужденъ будетъ оставить поле битвы, онъ приказалъ генералу Сиссею увѣдомить объ этомъ главнокомандующаго, а также и генерала Дюлака, какъ старшаго по немъ.

Долго спорили между собою офицеры его штаба, кому нести генерала, а онъ все еще не переставалъ распоряжаться. Его отвесли на Ланкастерскую батарею, гдѣ оказана ему первая помощь.

Быль 3-й часъ.

Главнокомандующій французской арміи велѣлъ подать сигналъ на лѣвый флангъ генералу де-Саллю, чтобы онъ начиналъ атаку.

Главнымъ пунктомъ атаки былъ избранъ 5-й бастионъ.

На немъ находилось 2 батальона Подольскаго полка, подъ командой полковника Аленикова и часть Бѣлостокскаго полка, подъ командой майора Долгова.

Орудій было, считая и мортиры, — 28.

На окружающихъ его батареяхъ и редутахъ находились слѣдующія войска:

На редутъ Шварца — Житомирскій полкъ (до 1,300 ч.); орудій съ мортирами до 12-ти.

На редутъ Бѣлкина — батальонъ Подольскаго (400 ч.) орудій съ мортирами 28.

На Охотнической (или Бутакова) батарее — до 10-ти орудій.

На батарее Швана (Чесменскій редутъ) до 30-ти орудій.

На Ростиславскомъ редутъ до 30-ти орудій.

На всемъ же 1-мъ отдѣленіи (5-й и 6-й бастионы, редуты: Шварца, Ростиславскій, Бѣлкина, Чесменскій; батареи: Охотническая, Шемякина и № № 7, 8, 9 и 10) — считалось до 280 орудій.

Неприятель на этомъ флангѣ расположился такъ:

Двѣ бригады дивизіи Левальяна, подъ командой генераловъ Трошу и Кустова, помѣстились въ задней паралели верковъ, прозванныхъ Французами «*Второе Мая*» въ память дня, когда они отбили у насъ эту позицію ⁴⁾.

Вправо оттуда (отъ неприятеля вправо) двѣ бригады дивизіи д'Отмара, генералы Ниоль и Бретонъ, — противъ 4-го бастиона.

Генераль де-Салль находился со штабомъ въ центрѣ бывшихъ Шварцовыхъ ложементовъ.

Еще въ 9-мъ часу утра (27-го августа) было замѣчено съ редута Бѣлкина, что Французы перепрыгиваютъ изъ заднихъ траншей въ среднія (всѣхъ было 3 паралели, образованныя изъ нашихъ ложементовъ). Бѣлкинъ открылъ по нимъ огонь картечью изъ всѣхъ орудій, могущихъ стрѣлять въ эту сторону

⁴⁾ По нашему «Шварцовы ложементы». Дѣло съ 19 на 20 апрѣля, страница 110.

(изъ 8-ми орудій) — и перепрыгивашье прекратилось. Однако человекъ до 300-тъ успѣло перемѣститься въ среднюю параллель, неся на себѣ туры и мѣшки съ землей.

Въ исходѣ 2-го часа Французы бросились на редутъ Шварца (ихъ разделяло отъ него разстояніе въ 45 шаговъ) — съ редута не успѣли выстрѣлить картечью. Непріятель ворвался въ ретраншементы частію черезъ амбразуры, частію въ отверстіе потерны, и тотчасъ заклепалъ 2 орудія.

Это былъ 9-й стрѣлковый батальонъ, подъ командой майора Рожье.

Наши, въ числѣ 100 человекъ (Житомирскаго полка), находившихся на первой линіи, (остальные до 1,200 скрывались сзади, за редутомъ Швана) отступили ко 2-й линіи и тамъ удержались, отстрѣливаясь изъ-за стѣнки. Когда подошелъ Минскій полкъ, съ генераломъ Хрущевымъ, стрѣлявшіе соединились съ нимъ и опрокинули неприятели штыками за брустверь, захвативъ до 100 человекъ въ плѣнъ. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ.

Въ то время, когда Французы бросились на редутъ Шварца, Бѣлкинъ успѣлъ ударить по нимъ картечью изъ 8-ми орудій: заднія ряды неприятели смѣшались. Генералъ Трошю сталъ приходить въ порядокъ разстроенныя колонны и вдругъ пораженъ картечью въ ногу; множество офицеровъ выбыло изъ строя...

Неприятель рѣшился ту же минуту атаковать редутъ Бѣлкина, наносившій имъ такой вредъ: Французы устремились на него лощиной, мимо 5-го бастиона (который вредитъ имъ не могъ, ибо картечь проносилась надъ ихъ головами) и собрались, въ числѣ 2-хъ тысячъ, у обрыва, дабы оттуда вскочить въ ровъ редута, отстоявшій отъ послѣднего на 12 сажень.

Бѣлкинъ имѣлъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ залегли Фран-

цугы, фугасъ изъ 4-хъ гнѣздъ, въ 16 пудовъ пороху, съ электрическимъ проводникомъ. Фугасъ этотъ былъ заложенъ въ началѣ осады: надежды на него было не много. Однакоже, давши неприятелю собраться гуще на этомъ пунктѣ, сообщили искру: фугасъ влетѣлъ и Французовъ уцѣлѣло только 200 человекъ; имъ оставалось броситься впередъ ко рву: въ эту минуту 5-й бастионъ ударялъ картечью — и въ ровъ вскопало живыхъ только 84 человекъ. Бѣлкинъ послалъ туда подпоручика морской артиллеріи Назарова съ 6-ю матросами, вооруженными ружьями, а самъ Назаровъ взялъ съ собой пистолетъ, давно испорченный и нестрѣлявшій. Когда наши подошли, Французы положили ружья и сдались: 6 офицеровъ и 78 нижнихъ чиновъ. Назаровъ привелъ ихъ всѣхъ на редутъ. Въ это время французскія батареи открыли снова огонь, прекращенный въ минуту стычки.

Тѣмъ все и кончилось, и кончилось какнхъ-нибудь въ полчаса.

Нѣкоторые изъ взятыхъ Французовъ были пьяны. У пленныхъ и убитыхъ находили кофейники и ишки съ провизіей: колбасами, галетами, кофеемъ, ромомъ и табакомъ ¹⁾).

42-й и 46-й линейные полки сѣгнули подать помощь войскамъ, отступавшимъ отъ 5-го бастиона. Генералъ Ривѣ (начальникъ штаба 1-го корпуса) хотѣлъ двинуть еще бригаду Бретона, но въ траншеяхъ было такъ тѣсно, что оба эти генерала не могли никакъ пройти впередъ, чтобы явиться во главѣ колоннъ, и въ нетерпѣніи выскочили изъ траншей: Ривѣ пораженъ въ ту же минуту картечью въ ногу, а Бретонъ пулей въ голову.

¹⁾ На львомъ нашемъ флангѣ почти вовсе не замѣчено пьяныхъ: это была самая трезвая атака. Самая пьяная была атака 11 февраля, на Волынской редутъ. 26 мая также было много пьяныхъ. 6 июня меньше и наконецъ 27 августа еще меньше.

Колонны отступили. —

4-й часъ...

Дивизія д'Отмара готовится къ новой атакъ. Бригада Сардинцевъ, подъ командой генерала Чизальдини, ожидаетъ знака броситься на четвертый бастионъ... но главнокомандующій французской арміи велѣлъ имъ остаться на мѣстахъ и сосредоточилъ свое вниманіе на Малаховомъ курганѣ, видя ясно, что занявъ его, онъ занимаетъ городъ.

Малаховъ курганъ сдѣлался для насъ неприступенъ.

2 батальона гвардейскихъ зуавовъ, бригада Вимпфена, батальонъ гвардейскихъ волжскихъ и нѣсколько ротъ гвардейскихъ гренадеръ двинулись на помощь Макъ-Магону. Туда же повернули и войска, отраженные отъ 2-го бастиона и Куртины. Такимъ образомъ въ одномъ этомъ пунктѣ сосредоточилось около 15-ти тысячъ Французовъ.

А мы имѣли только 20 во всей Корабельной, и то въ началѣ дѣла!

Спустя немного времени ввезено на курганъ 8 когорновыхъ мортиръ и нѣсколько полевыхъ орудій (къ утру 28-го было 12).

И только одинъ Малаховъ остался не отбитымъ¹⁾.

Но случилось, что и тамъ, среди лякующихъ тысячъ, долго держалась небольшая кучка Русскихъ, застигнутыхъ въ башнѣ. Это были солдаты Модлинскаго полка, всего 30 человекъ, съ 3-мя офицерами: поручикомъ Юніемъ, подпоручиками: Данильченко и Богдзевичемъ и двумя кондукторами морской артиллеріи: Дубининымъ и Венецкимъ.

Командиръ Модлинскаго полка, полковникъ Аршеневскій приказалъ имъ защищать находящіяся въ башнѣ снаряды, между

¹⁾ Не были атакованы на обоихъ флангахъ: 1-й бастионъ, батарея Николова, Пересышка; батарея Шемякина, №№ 7, 8, 10 и Александровская батарея.

которыми было до 35-ти тысяч патроновъ. Когда Французы вскочили на курганъ (а это было такъ быстро, какъ только можно зажечь свѣрную спичку, по выраженію одного очевидца) — кучка оборонявшихся башню не успѣла присоединиться къ отступающимъ войскамъ и скрылась въ среднее отверстіе: родъ каменной арки, передъ которой была потерна — глубокая яма, заграждавшая входъ, куда нельзя было проникнуть иначе, какъ пробираясь по стѣнкѣ по одному ¹⁾). Поставивъ въ самыя двѣряхъ (т. е. въ аркѣ) нѣсколько солдатъ съ длинными абордажными пиками, (разумѣется скрытыхъ за стѣнкой, такъ что высывались только пики) и начавъ стрѣльбу изъ ружей, наши сдѣлались почти неприступны.

Сперва Французы не замѣчали вреда, наносимаго башней и не знали, откуда сыплются пули. Непріятельскія резервы проходили смѣло передъ самыми дверями и вдругъ какой-нибудь солдатъ схватывался за ногу и оттанцовывалъ на одной ногѣ въ сторону... Но когда пылъ битвы въ передней части кургана сталъ утихать, тогда обратили вниманіе и на башню. Пятеро зуавовъ бросились смѣло въ арку, но двое изъ нихъ посажены были на пики, а трое убѣжали. Больше не вбѣгало никого. Французы начали стрѣлять въ двери и въ отверстія бойницъ. Наши заложили бойницы подушками и чѣмъ попало. Остались для непріятели одни двери. Пули врывались туда пѣлыми роями, но поражали немногихъ и то, болѣею частію, рикошетомъ отъ стѣнъ. Макъ-Магонъ приказалъ обложить башню фашишиномъ и зажечь, чтобы выкурить нашихъ, какъ они выкуриваютъ Арабовъ, но потомъ спохватился, что огонь можетъ дойти до порховыхъ погребовъ (тогда не одобровать-бы

¹⁾ Въ какомъ положеніи была тогда Малахова башня, можно видѣть въ Севастоп. Альбомѣ на рисункѣ № 33-й. Арка, изъ которой наши стрѣляли, — видна посрединѣ.

и Французамъ!) и велѣлъ потушить уже сильно занявшійся фашинникъ: Послѣ этого невріятель хотѣлъ пробить потолокъ, но это заняло-бы много времени. И безъ того было около 6-ти часовъ вечера. Наконецъ кто-то догадался поставить на ближайшемъ траверсѣ орудіе (разумѣется, подъ прикрытіемъ туровъ и монтелета) — и пустить въ двери гранату. Первую мы забили; вторая разорвалась и переранила осколками почти половину защитниковъ. Тогда нарочно Юлій послалъ кондуктора Венецкаго парламентаремъ. Онъ выставилъ въ двери ружье съ навязанной на штыкъ своей-же рубашкой, которой часть пошла на перевязку раны: Французы прекратили огонь. Венецкій вышелъ и сказалъ офицеру, готовившему 3-ю гранату: «мы ваши ильняны!» — Давно-бы пора! — отвѣчалъ тотъ сердито: возьмите вашихъ солдатамъ положить ружья!

Было близь 7-ми часовъ. нашихъ храбрецовъ повели на Камчатскій редутъ, гдѣ французскіе офицеры встрѣтили ихъ съ большимъ уваженіемъ.

Между тѣмъ нашимъ войскамъ велѣно поддерживать перестрѣлку у горля, а впередъ не ходить.

На Павловскій мысокъ послано приказаніе: «заклепать орудія Павловской батареи и сбросить», что и было тотчасъ исполнено ординарцемъ генерала Хрулева, унтеръ-офицеромъ Степановымъ. Онъ едва нашелъ для этого людей: помогали какіе-то писаря¹⁾.

Въ 6-мъ часу сдѣлано распоряженіе объ отступленіи.

Нѣкоторыя части войскъ должны были перейти на Южную по малому мосту, или черезъ Пересыпку, начавъ движеніе: одни пошли въ 7 часовъ, другіе въ 10 и даже въ 11, дабы потомъ переправиться большимъ мостомъ на Сѣверную.

¹⁾ Сброшено 17 крепостныхъ орудій.

Для переправы остальных войск, не переходивших на Южную, были подведены пароходы къ Павловскому мыску и къ Аполлоновой банкѣ.

Но дабы неприятель не вдругъ замѣтилъ наше отступленіе, войска, уходя, оставили на бастионахъ рѣдкую цѣпь, по 100 человекъ отъ полка, чтобы поддерживать перестрѣлку до тѣхъ поръ, пока не придуть команды матросовъ для взрыва пороховыхъ погребовъ.

Таково было распоряженіе на правой половинѣ Корабельной.

Въ остальныхъ пунктахъ произведено отступленіе нѣсколько иначе, что зависѣло вообще отъ командующихъ разными частями.

Одесскій полкъ оставался въ Слободѣ до 7-ми часовъ утра слѣдующаго дня.

Но никто не вѣрилъ, что велѣно отступить: всѣ готовились биться, пока ляжетъ послѣдній. Когда пошли, многие плакали...

И вотъ, къ 11-ти часамъ ночи, войска, направленные къ большому мосту, собрались на Николаевской площади, въ ротныхъ колоннахъ и какъ случилось. Было необыкновенно тѣсно. Вправо отъ моста, на мыскѣ, и въ разныхъ пунктахъ сада столпилось множество возовъ, телегъ, полуфурковъ, всевозможныхъ экипажей; тутъ же стояла и артиллерія, обреченная на потопленіе...¹⁾ Конечно всѣмъ и каждому хотѣлось спасти какъ можно болѣе; иные думали о какихъ-то накопившихся головахъ сахару... но просьбы и молебны раздавались тщетно: приказано пропускать только войска. Вдругъ кому-то вздума-

¹⁾ Легкая артиллерія Слободки, вѣвшая лошадей, (2 или 3 батер.) сброшена съ Малаго моста. Нѣсколько орудій спасъ на пароходѣ поручикъ Врочекскій.

лось сказать, что мостъ лопнулъ. Но такое равнодушіе ко всему, кромѣ Севастополя, такое омертвѣніе царствовало въ рядахъ, что никто этимъ не смутился. «Ну лопнулъ, такъ лопнулъ!» сказали многіе голоса: «чортъ съ нимъ!» На самомъ-же дѣлѣ этого не было и въ 12 часовъ началась переправа.

Для соблюденія возможнаго порядка былъ приставленъ къ мосту генералъ-майоръ Бѣлявцевъ, бывший начальникъ Курскаго ополченія. Онъ потерялъ голосъ, крича до 6-ти часовъ утра.

Невозможно описать, что такое происходило на мосту. Волна воевъ, лошадей, народу лилась по немъ въ продолженіи 6-ти, 7-ми часовъ сряду. Иногда переходящимъ казалось, что мостъ разорвался и плетъ ко дну¹⁾. Толпы съ криками бѣжали назадъ; переправа останавливалась... между тѣмъ небо горѣло отъ выстрѣловъ и бомбы за бомбами рвались надъ отступающими. Потомъ запылалъ городъ...

И въ эту-то страшную суматоху нашелся одинъ неслыханный ротный командиръ, до такой пунктуальности вѣрный своему долгу, что перевелъ роту на Сѣверную сторону, онъ отыскалъ въ Михайловской батарее фонарь²⁾, и сталъ переключать по списку, кого нѣтъ, кто на лицо, кто убитъ и кто раненъ. Даже записывалъ имя того, кто видѣлъ, что такой-то убитъ. Голосъ этого удивительнаго ротнаго командира долго звучалъ какъ труба, среди тысячъ голосовъ и криковъ. Жаль, что его-то имени никто и не записалъ.

Кромѣ пароходовъ, перевозившихъ войска правильнымъ образомъ, все было спущено на воду: всевозможныя гребныя суда,

¹⁾ Онъ дѣйствительно погрузился на самой срединѣ, но не болѣе какъ на четверть.

²⁾ Это случилось въ началѣ отступленія, когда еще было темно.

отъ военнаго баркаса до вольнаго ялика. Переправиться водой, а не по мосту, казалось недосыгаемой роскошью. Къ каждой отплывающей доскѣ бѣжалъ кучами народъ; слышались просьбы, мольбы, громкіе вопли. По берегу, гдѣ не было войскъ, толпились разные обыватели, зажившіеся до нельзя въ родномъ городѣ: купцы, мѣщане, женщины и даже дѣти.

Было около 7-ми часовъ утра, когда кончилась переправа.

Послѣднимъ перешелъ генералъ Хрущовъ, съ капитаномъ Воробьевымъ и сказалъ строителю моста, генералу Бухмейеру, что въ городѣ нѣтъ никого: можно разводять мостъ.

Его развели такимъ образомъ: къ каждому участку ¹⁾ было протянуто съ берега, отъ Михайловской батареи, по канату въ 500 сажень, и поставлено по 100 человекъ народу на канатъ. Когда сдѣлалось извѣстно, что всѣ прошли, генералъ Бухмейеръ велѣлъ разобрать мостовую приставъ у Николаевской батареи, а потомъ, перейдя съ рабочими на 2-й участокъ, махнулъ платкомъ — и 1-й канатъ потянулъ 1-й участокъ. Бухмейеръ перешелъ на 3-й участокъ — потянули 2-й и т. д. до половины. Два мостъ оставался въ бухтѣ, будучи завороченъ, а потомъ всѣ части его были подтянуты къ берегу и разобраны.

Вотъ отъ чего Французы, войдя въ городъ, не нашли моста и впоследствии спрашивали у насъ, куда мы дѣвали эти страшныя бревна — *ces immenses poutres*?

Корабли затопили въ 8 часовъ вечера, 27 августа, то есть въ этомъ часу выбили пробки, приготовленныя заранѣ, но корабли затопилъ совсѣмъ только на другой день въ 1-мъ часу утра.

По выбитіи пробокъ на кораблѣ можно оставаться снѣло

¹⁾ См. страницу 4.

часа 3. Къ концу этого времени корабль начнетъ клониться въ одну сторону, погружаясь медленно, какъ-бы не хотя, точно живой... потомъ выпрямится опять и пойдетъ тихо ко дну.

Последнимъ затонулъ фрегатъ Кулевчи.

Мы оставили неприятелямъ на Южной и въ Корабельной 3,697 орудій, въ числѣ коихъ годныхъ 2,747 и подбитыхъ 950.

Кромѣ того оставлено до 3-хъ тысячъ пудовъ пороху. Говорятъ, что эти пороходы они взорвали дожи и Николаевскую батарею ¹⁾.

¹⁾ Здѣсь хотѣли упомянуть, сколько разстрѣляно нами пороху и выпущено снарядовъ за все время осады, и сколько потреблено фашинь, туровъ и другихъ предметовъ на батареи.

Пороху	205,810 пудовъ.
Разрывныхъ снарядовъ, то есть бомбъ и гранатъ	571,503
Сплошныхъ	701,834
Картечи	93,371
Всѣхъ выброшеннаго изъ орудій металла	1,405,249 пудовъ.
Армянку на зарядные картузы пошло	898,384 аршина.
Туровъ	238,908
Фашинь	128,866
Кольевъ	238,095
Мѣшковъ большихъ, 3-хъ аршинныхъ	866,218
Малыхъ (мѣшечныхъ)	141,050

Предположимъ, что всего этого перевезено только въ-половину, и все-таки будетъ громадное число.

Сравнительно съ этими цифрами, предлагаю выписку изъ рапорта французскаго военнаго министра Императору Наполеону, отъ 25 августа (6 сентября) 1836, о мѣрахъ, принятыхъ правительствомъ во время минувшей войны, по отправленію на Востокъ войскъ и запасовъ:

Войска перевезено на Востокъ	309,268 челов.
Возвратилось	227,135 —
Лошадей	41,974
Возвратилось	9,000

Потеря наша въ этотъ день, по донесенію князя Горчакова, простиралась: убитыми: 2,684 ч., ранеными: 8,852; контуженными: 1,185, пропавшими безъ вѣсти 1,763, — итого: 11,484 ч.

Французъ потеряли, по частнымъ извѣстіямъ, болѣе 15 т.

Потери Англичанъ, по донесенію Симпсона:

Убитыми: 29 офицеровъ, 36 сержантовъ, 6 барабанщиковъ и 314 рядовыхъ.

Ранеными: 124 офицера, 122 сержанта, 12 барабанщиковъ и 1,608 рядовыхъ.

Пропало безъ вѣсти: 1 офицеръ, 12 сержантовъ и 163 рядовыхъ.

Итого вышло изъ строя 2447.

(Кромѣ убитыхъ и павшихъ лошадей, много продано Русскимъ и Туркамъ).

Орудій крѣпостныхъ	644
Съ флота взято	605
Полевыхъ	287
Турецкихъ	140
Итого	1,676

Пороху 4,000,000 килограммовъ
(244,000 пудовъ).

Кромѣ того миннаго 90,400 килограмм.

Металлическихъ снарядовъ 2,128,000 штукъ.

Туровъ 80,000

Фашинъ 80,000

Мѣшковъ 920,000

Траншей выведено 80 километровъ (75 верстъ).

Минныхъ галлерей 6,000 метровъ (2,811 сажень).

Вина, водки и рому выпито 130,333 гектолитра, (1,357,000 ведеръ).

Сѣна сравлено 929,998,60 тоннъ (57,659,913 пудовъ).

Овса и ячменя 119,571,43 тонна (7,413,429 пудовъ).

Подковъ 817,216 штукъ.

Гвоздей для нихъ 6,193,400 — —

Желованья выдано войскамъ съ апрѣля 1854 — 283,646,160 франковъ.

Сардинцы потеряли: 5 офицеров ранеными, 4 солдата убитыми и 31 ранеными.

Между тѣмъ въ лагерѣ на Инкерманѣ все было спокойно. Никто не зналъ объ отступленіи. Мы видѣли огни перестрѣлки и все надѣялись, что приступъ будетъ отбитъ. О взятіи Малахова впрочемъ было извѣстно.

И вотъ мы встали поутру 28 августа, какъ вставали обыкновенно, — и увидѣли столбы дыма на мѣстѣ бывшего Севастополя. Нечего было спрашивать, чтѣ это такое. Ярко самъ за себя говорилъ широко-разлившейся пожаръ, и я думаю, что въ эту минуту каждому изъ насъ пришла на мысль Москва, пылавшая когда-то передъ лицомъ дружицъ Французовъ.

Трудно вообразить что-либо грустнѣе этого зрѣлища. Еще вчера все это жило двойною, тройною жизнью. Бухта кипѣла кораблями, пароходами, яликами... по мосту, надъ моремъ, стучали копыты лошадей, двигались толпы народу, а теперь все это умерло, затихло. Въ бухтѣ не плеснетъ ни одно весло... а тамъ, вдали, за нею, лѣзетъ пламя на нѣсколько верстъ, и черная туча дыму тяжело виснетъ надъ остатками Севастополя, и крутѣмъ все тихо какъ въ могилѣ! Ни выстрѣла! Судите, какъ мертва и ужасна была эта тишина послѣ громовъ, которымъ не было подобныхъ!

Мы стояли и смотрѣли молча...

Въ половинѣ дня непріятель открылъ стрѣльбу по нашимъ пароходамъ, которые тѣснились у Сѣверной балки. Ядра низали въ нихъ и въ берегъ. Держаться было невозможно. Къ вечеру пароходы затопили.

И тутъ счастливый Херсонесъ ушелъ отъ гибели. Его прибило волнею къ рифамъ, подлѣ 4-го номера. Владиміръ пробовалъ его стащить и не могъ. Хотѣли было сжечь его, но Руд-

цевъ, его командиръ, сталъ просить, чтобы лучше разобрали пароходъ на блиндажи, а только не жгли. Такъ Херсонесъ и остался на рифахъ и уцѣлѣлъ. Все время до заключенія мира и позже видѣли его совершенно нетронутымъ, привалившимся на бокъ, какъ бы отдыхающимъ отъ трудовъ. Нынѣ онъ поднятъ и гуляетъ опять по Черному морю, почти единственный, драгоценный остатокъ славнаго флота¹⁾. Не даромъ онъ носитъ такое знаменательное имя!..

Часу въ 5-мъ вечера стали подыматься на воздухъ блиндажи къ берегу пороховые погреба Южной стороны²⁾. Я видѣлъ большой взрывъ дѣловаго двора въ Артиллерійской слободкѣ: дымъ поднялся мелкими облачками, въ видѣ звѣзды, и долго стояла въ воздухѣ эта страшная звѣзда, широко раскинувшись по небу.

Въ Корабельной уже бродили Французы и Англичане; мелькали кучи блузъ, куртокъ, синихъ и всякихъ шинелей. На Южной еще не было никого. Къ вечеру показалось двѣ-три фигуры на Графской.

Наши матросы и солдаты, въ небольшомъ числѣ, еще держались въ городѣ дни два. Иные такимъ образомъ попали въ плѣнъ. Другимъ удалось уйти. Одинъ матросъ наткнулся на Французовъ, которые его не тронули. Онъ разохотился и, воротясь оттуда на Сѣверную, говорилъ, что еще поѣдетъ въ городъ.

Въ Сѣверномъ укрѣпленіи собралось въ это время множество народу: начальники войскъ, батарейные командиры, сестры милосердія, жандармы, казаки, матросы и ополченцы. Все, что было на Южной и въ Корабельной, искало здѣсь

¹⁾ Я разумю военныя суда. Кромѣ того поднято нѣсколько транспортовъ.

²⁾ Дальніе взрыванія утромъ.

пріюта. Начальникамъ войскъ отвели помѣщеніе въ домахъ и баракахъ. Иные офицеры раскинули себѣ палатки. Но большинство провело первыя ночи подъ открытымъ небомъ. Грустнѣе всѣхъ смотрѣли моряки.

Тутъ же, среди двора, между солдатскими землянками, толпились и пѣшныя, въ разношнѣтныхъ мундирахъ, и всѣ до одного, бѣльшую частію стоя на ногахъ, глядѣли въ сторону дымящагося Севастополя.

Городъ горѣлъ до 30-го августа. 29-го, вечеромъ, слышались послѣдніе выстрѣлы. Ночью постоянно было видно зарево. Потомъ пошелъ дождь и пожаръ сталъ потушать. 30-го также шелъ дождь и было очень холодно и сыро.

Въ эти холодныя и дождливыя дни, когда мы свѣдѣли закупоренныя въ палаткахъ, я началъ вновь мои записки, чтобы вознаградить, по возможности, погибшее на фрегатѣ. Вѣтеръ качалъ мою палатку, такъ что она вѣчно дрожала и гудѣла; дождь барабанилъ въ нее безъ умолку, но я почти не слыхалъ ничего, предаваясь моимъ воспоминаніямъ и жадно торопясь ихъ записать. Я не видалъ, какъ летѣли часы; было что-то бессознательно-увлекательное во всей обстановкѣ; и много разъ потомъ, уже сидя въ покойныхъ креслахъ, я возвращался мыслию къ моей мокрой, гудящей палаткѣ, и желалъ переѣсть на мою тогдашнюю скрипучую скамейку и послушать этотъ дождь и вѣтеръ... Отъ чего это, среди тревогъ бродячей, походной жизни, являются такія минуты, какихъ никогда не выведишь въ тихомъ кабинетѣ, среди всякихъ удобствъ и комфортавъ?..

Въ эти три дня, о которыхъ я сейчасъ сказалъ, была положена основа моимъ настоящимъ запискамъ.

Когда пожаръ потухъ и дождикъ унялся, я побѣжалъ взглянуть, что случилось съ городомъ. Удивительное дѣло: онъ смо-

трѣлъ почти какъ негорѣвшій. Большая часть домовъ, Николаевская батарея, Соборъ, Библиотека, Графская пристань, церковь Петра и Павла; — пункты, на которыхъ привыкъ прежде всего останавливаться взоръ — все это глядѣло по прежнему. Я убѣжденъ, что городъ пострадалъ несравненно болѣе впоследствии, отъ нашихъ же выстрѣловъ съ Сѣверной, и отъ расхищенія, чѣмъ отъ страшнаго пожара. Пожары на Севастополь не дѣйствовали: это былъ рѣшительно негараемый городъ.

29-го августа непріятель занялъ Южную сторону. Главнокомандующій французской арміи, съ многочисленными штабомъ, объѣхалъ Севастополь и всѣ его оборонительныя линіи.

Генералъ Базенъ назначенъ губернаторомъ города. Капитанъ Миндъ, первый траншей-майоръ при взятіи Малахова, сдѣланъ комендантомъ.

Вскорѣ началась перестрѣлка Южной и Сѣверной стороны, какъ двухъ враждебныхъ береговъ, но послѣ того, что мы выслушали, казалось, что вовсе нѣтъ никакой стрѣльбы. Однакоже, къ концу года, Сѣверная сторона, начиная отъ базара до Михайловской батареи, была совершенно закидана ядрами и осколками бомбъ. Въ Сѣверномъ укрѣпленіи негдѣ было ступить. Бомбы вырыли мѣстами такія ямы, что онѣ мѣшали ѣздѣ пуше волчьихъ.

Въ половинѣ сентября Главный штабъ Крымской арміи перешелъ въ селеніе Орта-Каралеъ, а потомъ въ Бахчисарай.

Долго, болѣе полугода, казался мнѣ каждый звукъ паденія ядра, каждый шорохъ шипѣнія ракеты.

И вотъ заключенъ миръ. Протекло только два года послѣ безпримѣрной осады, а какъ будто ея и не было. Уже рѣдко

говорить о Севастополѣ. Все это кажется невѣроятнымъ сномъ. Но неужели такъ, случайно, легли сотни тысячъ? Неужели напрасно записаны такія страницы въ нашу исторію? . . .

1855. 1857.
Севастополь. Петербургъ.

СЕВАСТОПОЛЬ

И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ ПО ЗАКЛЮЧЕНИИ МИРА.

I.

Первый весенний праздникъ въ Бахчисараѣ, 30 марта, 1856. — Полковникъ Бодуенъ. — Мое знакомство съ нимъ и поѣздка внутрь Крыма. — Симферополь. — Необходимый Александръ Ивановичъ. — Карасубазаръ. — Феодосія. — Возвращеніе горными дорогами. — Татарскія деревни. — Какъ знаютъ Французы наши дороги. — Прибытіе въ Бахчисарай. — Мы отправляемся вмѣстѣ къ Французамъ. — Приключеніе съ лошадью. — Опять Татарскія деревни. — Франція. — Байдарская долина. — Ужинъ и чай. — Пишэ. — Кандъ-Османъ, или Jäger von Rensdorf. — Ученье солдатъ. — Форусъ. — Обѣдъ у генерала д'Отмара. — Капитанъ Давнэ. — Байдарская ночь.

Въ послѣднее время, по заключеніи мира, стало появляться въ Бахчисараѣ множество французскихъ и англійскихъ охотниковъ, особенно послѣднихъ. Они пріѣзжали осматривать городъ, ханскій дворецъ, фонтанъ Марія Поточной, Чуфуть-

Кале и нѣкоторыя окрестности Бахчисарая. Англичане отправились даже въ Симферополь и тамъ кутили.

Въ пятницу, 30 марта, было у насъ гулянье въ одномъ изъ садовъ, примыкающихъ къ Бахчисараю со стороны Салачикѣ. Тамъ играла военная музыка; былъ главнокомандующій со штабомъ и весь городъ. Въ числѣ гуляющихъ явилось нѣсколько Англичанъ и Французовъ. Каждого гостя занималъ кто-нибудь изъ Русскихъ. Меня представили одному французскому полковнику, Бодуэну, начальнику эскадрона Главнаго штаба въ Байдаракъ. Это былъ замѣчательный человекъ, не такъ большой ростомъ, нѣсколько полный и чрезвычайно живой. Подъ-конецъ гулянья я сошелся съ нимъ какъ нельзя ближе, и мы пошли вмѣстѣ ко мнѣ пить русской чай. На слѣдующій день полковникъ просилъ меня съѣздить съ нимъ въ Чуфутъ-Кале и показать другія окрестности Бахчисарая. На третій день онъ получилъ позволеніе штаба отправиться въ Симферополь, Карасубазаръ и Феодосію и пригласилъ меня въ товарищи путешествія.

Мы выѣхали верхомъ, въ сопровожденіи двухъ африканскихъ егерей и еще одного переводчика для турецкаго языка, москѣ Саба, родомъ Араба, съ чисто-арабскою физиономіей.

Дорога была сухая и ровная; мѣстами шло прекрасное шоссе, еще недавно устроенное княземъ Горчаковымъ. Направо и налево поднимались пологія горы; вдали мелькнулъ дымчатый Чатырдагъ...

Скоро къ нашимъ егерямъ, ѣхавшимъ поодаль сзади, присталъ какой-то русскій фурштатъ, тоже разумѣется верхомъ, и сталъ дружелюбно съ ними разговаривать. Слово за слово. — какія ужъ это были слова, нехвѣстно, — только фурштатъ началъ вразумлять егерей, гдѣ можно дорогой приостановиться, какъ бы у фонтана, а тутъ подлѣ какъ-разъ и есть заведеніе съ надписью: *здравствуй! до пріятнаго свиданія!*

ня¹⁾! и другія заведенія въ томъ же родѣ. Одинъ егеръ отсталъ, чтобы напоить коня. Полковникъ скоро это замѣтилъ и просилъ меня отстранить новаго пріятеля отъ его егерей, — и фурштатъ уныло поѣхалъ по полю, въ сторону, вѣроятно потому, что обогналъ насъ, и мы его ужь не видали.

На половинѣ пути, на чьей-то брошенной дачѣ, въ пылительномъ саду, устроена была изрядная гостиница, и огромная вывѣска бѣлѣла надъ заборомъ сада. Бѣлали какіе-то купцы изъ Симферополя: стой! и отправились въ гостиницу. Еще перегнали насъ двое ополченныхъ въ тарантасѣ, — и они остановились. Это такъ естественно для русскаго человѣка: увидавъ гостиницу, остановиться, хоть бы даже бѣжалъ за какимъ нибудь дѣломъ и спѣшилъ; ухлопать часа два-три, куда ни шло, — за чаемъ, закуской, болтовней съ проезжими... Должно признаться, и меня потянула вывѣска. Я поспѣшилъ замѣтить полковнику, что это гостиница. Впрочемъ, подъѣхавъ, онъ могъ прочесть то же самое на своемъ родномъ языкѣ; но, прочитавъ, онъ не сказалъ ничего, и мы продолжали путь:

Передъ закатомъ солнца мы увидѣли Симферополь и въѣхали въ него, когда уже стало смеркаться.

Долго странствовали мы по улицамъ, ища ночлега: всѣ гостиницы были набиты биткомъ. Я вспомнилъ, что бывшій нашъ маркизъ Александръ Ивановичъ Серебряниковъ, котораго имя, какъ бы то ни было, неразрывно связано съ Севастополемъ, — знаменитый Александръ Ивановичъ открылъ въ Симферополѣ гостиницу *Тавриду*. Да! попробуемъ къ нему! Мы поѣхали по указанію встрѣчныхъ, которые любопытно стекались къ намъ съ разныхъ концовъ и осматривали французскаго полковника и его эскортъ. Гостиница *Таврида*

¹⁾ Дѣйствительно, имя трактира на 10-й верстѣ отъ Бадисары къ Симферополю.

блеснула рядомъ своихъ освѣщенныхъ оконъ. Я слѣзъ и пошелъ объясняться. Александръ Ивановичъ принялъ меня въ свои объятія.

— Давайте квартиру, Александръ Ивановичъ, во что бы то ни стало!

— Какъ же это? отвѣчалъ онъ: — вѣдь все занято Англичанами! видите, какой нѣтъ содомъ!

Я взглянулъ вдоль по комнатамъ и увидѣлъ ряды красныхъ мундировъ за длинными столами, которые, въ довершеніе пестроты, были украшены букетами фальшивыхъ цвѣтовъ, опущенныхъ въ хрустальные сосуды. Это была затѣя хозяйка «Тавриды».

— Впрочемъ мы какъ нибудь уладимъ, сказалъ потомъ Александръ Ивановичъ: — вѣсьмъ бы отказалъ, рѣшительно бы отказалъ, а вамъ не могу — пойдете!

Мы пошли на другую половину дома, черезъ дворъ.

Комната, которую онъ мнѣ отперъ, оказалась сносная, съ тремя постелями и необходимыми къ нимъ бѣльемъ; но по угламъ стояли англійскія сабли.

— Какія же это сабли, Александръ Ивановичъ?

— Видите ли: эта комната занята однимъ докторомъ, который просилъ меня пустить на время Англичанъ, а самъ уѣхалъ, и эту ночь не будетъ. Я согласился, потому что никого не было: отчего же не пустить?.. а такъ-какъ теперь пріѣхали вы, я отдаю эту комнату вамъ оффиціально; а господамъ Англичанамъ мы отведемъ другую.

— Смотрите, чтобы не было какой нибудь исторіи!

— Какая исторія: комната оффиціально принадлежитъ вамъ; а до Англичанъ мнѣ нѣтъ никакого дѣла: денегъ я съ нихъ не бралъ и знать ихъ не знаю!

— Конюшня есть?

— Есть и конюшня, только много английских лошадей.

Я пошелъ объяснить полковнику все дѣло: что нашелъ и чего нѣтъ.

— Пожалуйста, устройте лошадей и людей: иначе я не сѣлау съ сѣдла!

Мы пристроили лошадей, частію въ конюшнѣ, частію на дворѣ. Одинъ изъ егерей, именовъ Филлибертъ, былъ необыкновенно расторопный малый: вмѣгъ разсѣдлалъ лошадей, разставилъ ихъ по разнымъ угламъ, засыпалъ имъ корму, подкатывалъ къ конюшнѣ какую-то телегу и въ ней уладилъ себѣ спанье.

Полковникъ дождался конца всей этой церемоніи и потомъ уже пошелъ въ гостиницу.

Александръ Ивановичъ пригласилъ насъ на свою половину и представилъ намъ свою жену. Зажигалъ огромный бронзовый самоваръ; въ рукахъ хозяйки блеснулъ серебряный чайникъ... чай былъ удивительный, *домашній*, который Александръ Ивановичъ пьетъ единственно въ своей семьѣ и который никогда не отпускается посѣтителѣмъ «Тавриды».

— Вы, пожалуйста, переведите имъ, что черезъ меня пролетѣло три тысячи ядеръ! сказалъ Александръ Ивановичъ: — имъ это и въ голову не приходитъ! пожалуйста, переведите! И что за это я получилъ вотъ! — И онъ ухватилъ пальцами медаль, украшавшую его шею. — Конечно, это вообще, за разными заслуги, однако, три тысячи ядеръ, вѣдь это не шутка! Пожалуйста, вы это все переведите!

Послѣ чаю мы немного закусили и пошли на покой въ отведенную намъ комнату, съ подозрительными английскими саблями, которыя все еще оставались тутъ же. Мы раздѣлись быстро, юркнули подъ одеяла и сейчасъ же заснули.

Часа через два или три, когда уже все утихло и огни гостиницы погасли, я былъ разбуженъ какимъ-то шумомъ. Смотрю: въ комнату вошли трое Англичанъ и служитель со свѣчкой. Черезъ нѣсколько времени явился и Александръ Ивановичъ, который всѣми мѣрами хотѣлъ растолковать Англичанамъ, что эта комната отдана, что онъ ихъ пустилъ на время, что есть для нихъ другое помѣщеніе... Англичане, конечно, не понимали ничего и все указывали на шкаль, занятый ихъ вещами, и на оставленные для въ комнатѣ сабли, и никакъ не соглашались уйди. Долговникъ мой проснулся, глядѣлъ, глядѣлъ и сталъ отвѣтаться.

— Впрочемъ, они имѣютъ право на эту комнату, сказали онъ мнѣ: — надо уйди! нечего дѣлать!

Немного погодя явился въ комнату какой-то артиллерійскій офицеръ, — какъ мы узнали послѣ, хозяинъ дома, сулайтъ Керимъ-Гирей, потомокъ послѣдняго Гирея. Мать его была Англичанка, и потому онъ хорошо говорилъ по-англійски. Потолковавъ съ нимъ, онъ обратился къ намъ и сказалъ, что комната действительно занята Англичанами, что ихъ надо пожалѣть, что они не умѣютъ объясниться... Александръ Ивановичъ увѣрялъ, что совсѣмъ не занята, а есть другая комната, которую онъ имъ предлагалъ, да они не хотятъ.

— Гдѣ же эта комната? спросилъ я, желая скорѣе кончить споры.

— Да вотъ, пожалуйста!

Комната была точно такая же, только проходная. Мы перебрались, заперли двери и скоро заснули прежнимъ крѣпкимъ сномъ, несмотря на то, что у Англичанъ, рядомъ съ нами, былъ долго сильный шумъ и говоръ.

Вставъ на другой день, мы пошли по лавкамъ, думая что-нибудь купить; но все было страшно дорого. Потому мы про-

шлись къ рѣкѣ и по нѣкоторымъ улицамъ. Англичане мчались мимо насъ, одинъ за другимъ, на дрожкахъ, и такимъ образомъ осматривали городъ. Часу въ 12-мъ мы и они воротились въ гостиницу. Длинныя столы, съ букетами бумажныхъ цвѣтовъ, опять украсились рядами алыхъ мундировъ. Мы сѣли въ сторонѣ, за особымъ столомъ. Съ полковникомъ сейчасъ же заговорили русскіе офицеры, бывшіе въ гостиницѣ, и одинъ изъ нихъ, узнавъ о нашемъ намѣреніи ѣхать въ Карасубазаръ и дальше, снабдилъ насъ маршрутомъ и рассказалъ, кого гдѣ спросить и у кого остановиться. Въ Карасубазарѣ онъ рекомендовалъ городничаго, князя Звенигородскаго. Къ обществу окружавшихъ насъ офицеровъ скоро присоединился и султанъ Керимъ-Гирей. Онъ старался услужить полковнику, чтобы тотъ забылъ приключеніе съ Англичанами; между прочимъ, предложилъ намъ двѣ карты: русскую и французскую. Полковникъ взялъ, конечно, послѣднюю, какъ болѣе для него удобную.

Пришло время проститься съ Симферополемъ и Александромъ Ивановичемъ. Онъ подалъ намъ изрядный счетъ. Мы сѣли на лошадей и выѣхали по направленію къ Карасубазару.

Горы замѣтно стали понижаться, какъ бы уходя въ землю, и горизонтъ больше и больше вытягивался въ прямую линію.

— Не это ли вы называете степями? спросилъ меня полковникъ.

— Нѣтъ, это еще далеко не степь; отвѣчалъ я: — степей мы и не увидимъ.

Однако, на половинѣ дороги открылась передъ нами чрезвычайно ровная мѣстность, едва не степь. Мелькнули даже степныя птицы, какіе-то кулики, которыхъ я никакъ не могъ назвать любопытному Французу. Пронесса свѣтый лунь...

Я готовъ былъ сказать: « вотъ это степь! » Миѣ даже хотѣлось достать въ то время откуда нибудь степь и показать Французамъ, какъ вдругъ опять пошли невысокіе, волнистые холмы. Нѣсколько деревень заперстрѣло по склонамъ горъ. Одна лежала у насъ на пути, близъ какой-то быстрой и довольно широкой рѣчки, черезъ которую былъ перекинутъ старый Екатерининскій мостъ изъ желтаго камня.

— Нельзя ли узнать, какая это рѣка? сказалъ полковникъ.

Я спросилъ у солдата, знавшаго съ возомъ сына: онъ отвѣчалъ по обыкновенію: « не могу знать! » Два жиды, только что спустившіеся съ моста въ бричку, сказали, что это та самая рѣка, какая въ Симферополѣ.

— То есть Салгиръ? замѣтилъ полковникъ.

— Стало быть, Салгиръ, отвѣчалъ я.

— Скажите имъ, что они врутъ! Этого не можетъ быть: мы не должны переѣзжать Салгиръ!

Для повѣрки онъ досталъ карту, которую намъ далъ Султанъ. Пѣтеръ вырываетъ ее изъ рукъ, и мы едва-едва уладили дѣло вдвоемъ: я подѣхалъ и сталъ держать карту, а полковникъ отыскивалъ рѣку. Рѣка нашлась, но имени поставлено не было. Въ эту минуту взѣхали на мостъ двое Татаръ на своихъ скрипучихъ мажарахъ.

— Спросите у нихъ: они, навѣрное, знаютъ.

Я спросилъ: Татары отвѣчали, что это Бурульча.

Мы поѣзали дальше, опять одни въ чистомъ полѣ. Странно было видѣть этотъ французскій поѣздъ въ нашихъ горахъ, еще недавно разносившихъ громкое эхо ихъ выстрѣловъ. Полковникъ былъ въ сюртукѣ съ эполетами и въ неизмѣнныхъ красныхъ брюкахъ съ чернымъ лампасомъ, что означало принадлежность къ Главному штабу. Длинный, узкій палашъ качался на глянцовомъ ремнѣ. Саади насъ ѣхали, позвякивая саблями,

два егеря, въ полной походной формѣ: въ голубыхъ однообортныхъ сюртукахъ съ желтымъ воротничкомъ, въ бѣлыхъ перевязяхъ и съ карабинами за спиной. На головѣхъ у нихъ были красныя алжирскія шиветового покроя. Брови были такія же красныя, какъ и у полковника, только безъ лампаса. Лошади арабскія, светло-сѣрыя. Одинъ москѣ Саба былъ въ крымской французской шинели, съ мотавшимся позади башлыкомъ. Онъ ѣхалъ большею частію рядомъ со мной, слева, и я почти ежеминутно видѣлъ его арабскій профиль съ торчащей впередъ черной бородкой, его продлиговатыя глаза съ темными бѣлками и слышалъ его французско-арабское прозваніе.

Когда москѣ Саба отставалъ, я ѣхалъ рядомъ съ полковникомъ. Мы разговаривали о разныхъ рѣзностяхъ, о Россіи, о Франціи, о Татарахъ, къ которымъ онъ имѣлъ большое сочувствіе.

Однажды разговоръ зашелъ о солдатахъ обѣихъ армій.

— Вашъ солдатъ холодно храбръ, сказалъ полковникъ: — и эту храбрость, можетъ быть, надо больше уважить; а нашъ храбръ горячо. Вы не можете представить, что дѣлается съ ними, съ нашими маленькими солдатиками, когда они слышатъ выстрѣлы и звукъ военного рожка: ружье на перевѣсъ — и пошелъ! Нельзя удержать; точно помѣшанный!.. Разница еще вотъ какая: нашихъ можно пустить иной разъ и безъ офицера: они сами распорядятся мѣстностью, все сообразятъ, годятся въ колоннѣ, годятся и въ разсыпной стрѣ. Вашъ солдатъ безъ начальника терается совѣтъ. Онъ удивителенъ, неподражаемъ въ колоннѣ, которую ведетъ храбрый офицеръ. Говоря по совѣсти, нашихъ никогда не пойдти такъ на штыки; но въ разсыпной стрѣ, въ штуцерныхъ застрѣльщикахъ онъ уже не то...

Я не могъ ничего возразить на это.

Между тѣмъ, мы двигались и двигались къ Карасубазару, — двигались тихо, шагомъ или, изрѣдка, небольшою рысью.

Вдали, за плоскимъ оврагомъ, мелькнули строения: тѣсныя кучи домиковъ, минаретовъ и за ними бѣлыя полосы какихъ-то фабрикъ и магазиновъ. Надо было думать, что это Карасубазаръ; но версты показывали больше. Это была, действительно, Карасубазаръ: насъ обмануль чистый горный воздухъ, приближающій предметы. Скоро строения опять скрылись, и мы ѣхали довольно долго, пока снова не вѣлся городъ.

— Что это, Карасубазаръ? спросилъ я у прогремѣвшихъ на своей тяжелой телегѣ фурштатовъ.

— Такъ точно, Карасъ-базаръ! отвѣчали фурштаты.

Русскій человѣкъ непремѣнно осмыслить чужестранное слово, если только можно.

Карасъ-базаръ выглянулъ изъ-подъ горы настоящимъ городкомъ. Явился довольно большіе каменные дома, окруженные деревьями, которые только что начинали одѣваться свѣтлозеленымъ листомъ. Мѣстоположеніе Карасубазара очень живописно. Холмы, изгущае садами, придаютъ ему много жизни. Въ сторонѣ отъ города, на возвышенномъ мѣстѣ, мы увидѣли какую-то дачу. Это, какъ намъ сказали послѣ, остатки увеселительнаго дворца Государыни Екатерины. И здѣсь, въ пустыняхъ Тавриды, ежеминутно встрѣчаешь слѣды славнаго царствованія.....

Мы переѣхали быструю Карасу, въ переводѣ — Черную рѣчку. Карасубазаръ, стало быть, будетъ *Чернорѣцкій базаръ*.

Когда мы вѣзжали въ первую улицу, довольно широкую и столько же пустынную, признаюсь, я не слышаюмъ рассчитывать найти удобное помѣщеніе въ Чернорѣцкомъ базарѣ, послѣ приключеній въ столицѣ Тавриды, Симферополѣ, который

между народомъ нѣтъ называется *Таерія*. Я вспомнилъ о маршрутѣ офицера и о городничемъ.

Направо, у крыльца какого-то дома, покаяго на постоялый дворъ, сидѣли двое людей, единственная живая существа, замѣченная мною на первый разъ въ улицѣ. Я подѣлалъ къ нимъ и спросилъ, гдѣ тутъ живетъ князь Звенгородскій, городничій.

— Мы не здѣшніе, отвѣчали они: — вотъ въ этомъ домѣ живетъ какой-то князь; а городничій онъ, или какой иной, мы того не знаемъ.

Мы двинулись къ дому *какого-то князя*. Оказалось, что это онъ-то и есть; но самого князя не было. Расторопный и учтивый слуга объяснилъ намъ, что князь уѣхалъ за городъ, въ садъ, гдѣ играетъ гренадерская музыка; что гренадеры выступаютъ и продаются съ городомъ; завтра будетъ послѣдній вечеръ въ томъ же саду.

— А есть здѣсь гостинница съ хорошею конюшнею?

— А вотъ близехонько отсюда: *Одесская*, самая лучшая, содержитъ однавъ Гракъ.

Гостинница оказалась недурная: былъ порядочный номеръ и еще порядочнѣе конюшня. Мы опять отправились прежде въ конюшню. Полковникъ велѣлъ дать самоваръ, потому что уже стемнѣло, самъ осмотрѣлъ стойла для лошадей, мѣсто для конюшки егерей, и тогда уже мы пошли въ номеръ.

Не знаю, чего хотѣлось Французамъ послѣ переезда въ сорокъ верстъ, къ тому же верюмъ, а мнѣ смертельно хотѣлось чаю. Французская ловкость угадала это: полковникъ сказалъ тотчасъ же:

— Я думаю, надо поставить самоваръ, напиться чаю, а потомъ закушать.

— Отчего же не прежде закусить, а потомъ напитокъ чаю?

— Нѣтъ, ужь будемъ въ вашей сторонѣ дѣлать по вашему!

Самоваръ, какъ нарочно, былъ готовъ. Стаканы зазвенѣли... но вдругъ отворилась дверь, и въ комнату вошелъ городничій, бракая саблей. Ему уже было доложено о пріѣздѣ французскаго полковника.

Послѣ двухъ первыхъ словъ, онъ просилъ насъ къ себѣ на чай. Полковникъ, разумѣется, озадачился.

Бравый Филлибертъ, уже пристроившій лошадей, явился къ намъ попросту, безъ затѣй — въ одной рубашкѣ и въ брюкахъ; на головѣ у него была красная турецкая феска. Входя, онъ всякій разъ приподымалъ ее немного, и потомъ уже принимался за дѣло. Онъ натащилъ въ комнату столько разныхъ вещей: кожаныхъ мѣшковъ, запасныхъ шинелей, плащей, одѣвалъ, дорожныхъ шарфовъ, банокъ съ ваксой, щетокъ, какъ будто за нами слѣдовало десять фургоновъ. Какъ ужь это все пристроивалось на лошадяхъ и было не видно, я не понимаю. Натащивъ этого добра, Филлибертъ вычистилъ намъ всѣмъ платье, сапоги и шинели. Мы отправились. Я увидѣлъ на полковникѣ уже новый сюртукъ и другіе, свѣжіе вполеты.

Дожь князя былъ одинъ изъ лучшихъ въ городѣ. Проворный лакей выскочилъ на крыльцо и отперъ намъ двери.

Въ первой комнатѣ, куда мы вошли, собралось все семейство князя: княгиня, женщина съ добродушнымъ выраженіемъ въ лицѣ, дочь князя, уже невѣста, и еще двое-трое знакомыхъ. Все общество говорило по-французски.

Молоденькая княгиня въ минуту очаровала Французовъ. Это была дѣвушка блестящей наружности, съ самыми изящными манерами. Встрѣтить такое явленіе въ глуши, на берегахъ Карасу, было бы поразительно хотъ для кого, не только для насъ, не видавшихъ почти два года женскаго образа. Мы

провела вечеръ незамѣтно. Княжна пѣла русскіе и французскіе романсы, аккомпанируя себя на прекрасномъ роялѣ. Нечего говорить, что я тоже знала, какими словами выразить благодарность моему дорогой соотечественницѣ за себя и за гостей.

Когда мы пошли домой, вдыхая свѣжій воздухъ южной ночи, подполковникъ мнѣ сказалъ:

— Еслибъ не служба, чортъ возьми, пропалъ бы я мѣсяца на два, на три въ Карасубазарѣ! Вотъ какъ я люблю путешествовать!

Мы предполагали выѣхать завтра же, но любезность князя удержала насъ еще на день въ Карасубазарѣ: мы были приглашены участвовать въ праздникѣ, который давалъ городъ вступающимъ гренадерамъ.

На слѣдующій день, утромъ, едва мы напелись чаю, какъ пріѣхалъ князь и предложилъ намъ взглянуть на городъ. Лошади были мигомъ осѣдланы, и мы поѣхали по улицамъ, сопровождаемые толпами народа, преимущественно Татаръ. Осмотрѣли древніе ташъ-ханы, родъ небольшихъ четырехугольныхъ крѣпостей, куда, по словамъ князя, предки нынѣшнихъ Татаръ забирались съ женами и богатствами во время набѣговъ сосѣднихъ народовъ. Взглянули на лавки, на старыя мечети и, наконецъ, съ одного холма, на весь городъ. Князь, какъ хозяинъ, умѣлъ показать Карасубазаръ съ самой выгодной точки. За прогулкой естественно послѣдовалъ кофе въ домѣ князя.

Вечеромъ грянула музыка въ саду предводителя Рудзевича. Не буду говорить о самомъ садѣ: весь Крымъ можно превратить въ одинъ пышный садъ. Все лучшее население города собралось туда повеселиться. Барышни и молодыя дамы танцевали съ офицерами на лугу, танцевали, какъ танцуютъ въ уѣздныхъ городкахъ: до упаду, съ какимъ-то отчаяніемъ.

Княжна танцевала меньше всѣхъ: она занимала полковника, который цѣлый вечер носилъ на рукѣ ея бѣлую мантилью...

Когда стало холодно, дамы начали раздѣжаться. Это было часъ 11-й ночи. Мужчины сгруппировались въ одной аллеѣ около дивизионнаго генерала Крылова, котораго офицеры любили безъ памяти. Такія трогательныхъ отношеній между начальникомъ и подчиненными я рѣшительно не видывалъ. Мужьямъ сыграны два три марша и въ заключеніе *Боже, Царя храни*. Потомъ всѣ пошли ужинать въ домъ предводителя. Ужинъ былъ чудесный...

На другой день мы провели утро у князя. Мой полковникъ вѣдуналъ вѣсть въ Θεодосію на почтовыхъ. Мы взяли подорожную и покатили. Полковника занимало слово *podorojní*, который онъ окрестилъ *подорожную*, и, сколько я ни поправлялъ его, онъ твердилъ свое. Всю первую станцію онъ повторялъ *podorojní*. Мы мчались лихо и въ одномъ мѣстѣ вылетѣли изъ тележки. Я испугался, не случилось ли чего; но мои Французы (москѣ Саба былъ тоже съ нами) уже стояли на ногахъ и хохотали что есть ночи.

— Вотъ и приключеніе! говорилъ полковникъ: — *c'est bien, c'est très bien!*

На слѣдующей станціи намъ дали такихъ же добрыхъ лошадей, потому что по этой дорогѣ не было большого гона и станціи содержались исправно.

Въ 10 часовъ ночи мы пріѣхали въ Θεодосію и нашли славную гостиницу, чай и ужинъ. Города мы не могли разсмотрѣть впотьмахъ. При вѣздѣ мелькнули только старыя генуэзскія башни, напомнившія намъ известную осаду.

Утромъ слѣдующаго дня было холодно и сыро. Даже побрызгивалъ дождь. Мы пошли съ полковникомъ явиться къ командующему Θεодосіи командъ отрядомъ, генералъ-лейтенанту барону

Врангелю. Онь приглашает насъ къ себѣ обѣдать. Обѣдъ былъ большой и парадный. После меня сидѣла одна Англичанка, только что прибывшая моремъ изъ Керчи и походившая больше, не знаю на кого, только не на военную. На ней были синіе куртки съ черными шнурками на груди, что-то въ родѣ зонгероекъ. Брови были спущены въ большіе складки. Страшно было видѣть при этомъ нарядѣ саблю въ стальную ножнахъ. Фуражки ихъ также не подошли на военныя: синія, съ вострымъ шахматнымъ околышемъ. Но соборъ, нечего сказать, эти Англичане были молодцы. Вообще я замѣтаю, что у Англичанъ нѣтъ воинственной физиономіи. Все это какіе-то помѣшкы.

Послѣ обѣда мы прошлись по городу, который расположенъ у морскаго берега, довольно роднаго при началѣ, но дальше идущаго холмами. Можно сказать, что Феодосія опоясываетъ бухта въ видѣ полуострова. Въ горахъ, на краѣ города, множество мельницъ. На концѣ, противоположномъ въводу, стоитъ таможня и карантинъ. Тутъ же еще нѣсколько старыхъ башенъ и стѣнъ. Въ бухтѣ мы замѣтили около десяти кораблей, австрійскихъ и сардинскихъ, которые держали карантинъ. Городъ вообще довольно великъ и красивъ, но пустынекъ.

Вечеромъ, на жиденькомъ бульварѣ, который стоитъ большихъ трудовъ и хлопотъ солдатамъ, приставленнымъ за нимъ смотрѣть, играла военная музыка и пѣли пѣсельники Калужскаго ополченія Жиздринской дружины. Сперва раздавалась протяжная, потомъ плясовая, и два плясуна выходили изъ рядовъ. Особенно отличились пѣгачъ Васяна и цыганъ Максимка.

«Ребята, не давайте и покажитесь!» кричалъ нѣтъ, послѣ всякой пѣсни, съ бульвара, ополченный капитанъ, стоявшій въ настоящую помѣщичью колею. Васяна и Максимка подходили къ бульвару, который, наде замѣтить, былъ гораздо выше

берега, гдѣ происходила пляска. Бульваръ въ этомъ мѣстѣ подходилъ на крѣпостную стѣну. Столпившаяся публика подавала внизъ разные свертки плясунамъ. Авыгячане сыпали золотомъ.

Въ числѣ гулявшихъ по бульвару были двѣ-три дамы, въ зимнихъ сапогахъ. Всѣхъ плѣнила хорошенькая Ш., жена генерала. Но несносный ходокъ и вѣтеръ скоро прогнали гуляющихъ.

По милости добраго командата, князя Гагарина, мы нашли у своего крыльца готовую тройку, заплативъ хозяину гостиницы какую-то бездѣлицу и покатали.

Мы прибыли въ Карасубазаръ ночью. Хозяинъ, не узнавъ насъ, долга не отпиралъ. Дѣло въ томъ, что онъ сильно подкуталъ, по случаю провожанія гренадеръ, и вообще любилъ покучивать, вслѣдствіе чего полковникъ прозвалъ его Мг. Ivgnikoff.

На другой день, ввѣтру, прощаясь съ княземъ, мы выѣхали изъ Карасубазара обратно въ Балчисарай, съ проводникомъ-Татаряномъ, потому что Бодуену захотѣлось ѣхать горными дорогами, на что онъ также имѣлъ позволеніе отъ штаба.

— Куда прикажете вести? спросилъ Татарякъ, котораго звали Мусядякъ.

— Деревню Конратъ знаешь: держи туда! сказалъ полковникъ.

Я настаивалъ, чтобы взять чегонибудь съ собой изъ съѣстнаго, потому что боялся не найти въ татарскихъ деревняхъ ровно ничего.

— Это напрасно, сказалъ полковникъ: — повѣрьте, что мы найдемъ все.

— Что же все?

— Найдемъ хлѣбъ, масло, яичи, молоко, медъ, баранину, даже кофей!

— Ничего этого мы не найдемъ, отвѣчалъ я и, несмотря на увѣренія Францува, възхалъ-таки въ лавку и купилъ большой кусокъ сыру и хлѣба, которые и привезалъ къ обѣду.

Мы тронулись скорой рысью, сначала по ровнымъ лѣстамъ, но потомъ спустились въ горныя ущелья, покрытыя мелкимъ дубникомъ, между которыми нзрѣдка попадались и большія дубовыя деревья и сосны. Надъ ущелья шумѣли потоки. Всякую минуту можно было останавливаться и любоваться дикою природою. Ничего не было, кромѣ скалъ, кустовъ и шумящихъ потоковъ; а между тѣмъ, какая прелесть и какое разнообразіе на каждомъ шагѣ!

И опять было странно видѣть въ этихъ ущельяхъ чуждыя имъ поведѣя, который тнулся гуськомъ, почти безжовно, потому-что узкія горныя тропинки не позволяли ѣхать рядомъ. Только слышалось бряканье сабель.

Разъ два мелькнули въ долинахъ какія-то деревушки съ садами и огородами. Строепіе было порядочное. Кое-гдѣ въ загородахъ бродили лошадки; но жителей мы не видали. Часовъ въ 7 вечера явился и Конратъ, довольно большая деревня. Предположено было въ ней почевать. Нашъ проводникъ усккалъ впередъ, и черезъ нѣсколько минутъ вышли къ намъ навстрѣчу три-четыре Татарина, одѣтые весьма порядочно, кланялись, прикладывая руку къ сердцу и говорили: *хошь кельды! хошь кельды!* (милости просимъ!) Потомъ, взявъ подъ уздцы нашихъ лошадей, они пошли рядомъ съ нами и указывали дорогу. Такимъ образомъ мы въѣхали во дворъ одного довольно большаго дома. Впрочемъ, подобныхъ домовъ кругомъ было много.

На дворѣ сейчасъ явилась куча Татаръ. Все ннѣ кланялись и повторяли: *хошь кельды!* Лошади ннѣ были пристроены, егерямъ нашлась особая клѣтъ; а мы вошли въ небольшой покой съ землянымъ поломъ, устаннымъ войлоками.

и подушками. Въ каминѣ пылалъ огонь, до того пріятный намъ въ ту минуту, что я, кажется, до сихъ поръ чувствую его волшебную теплоту. Я забылъ свою бурку въ Симферополѣ у Александра Ивановича, хотѣлъ купить въ Карасубазарѣ другую, но не успѣлъ. Моеё Сабѣ снабдилъ меня резиновымъ плащомъ. Это нешного помогло; но все-таки было холодно. Само собой разумеется, что пототчасъ же, ввалившись въ татарскую избу, приоткрылъ въ огонь на горѣ подушекъ. Французы мои, удивительныя со-вокинныя положеіемъ не хуже нашего брата, истинные солдаты, одѣяны тоже. Въ избу набилось десятка полтора Татаръ, и всѣ усаілись въ дружелюбный кружокъ около огня и закурили трубочки. О, какъ было тогда пріятно и весело! Мнѣ казалось, что я вижу сонъ, особенно, когда стали осуществляться одно за другимъ предсказанія Француза: явился чугунный горшокъ; хозяйка растопила въ немъ немного масла и начала пускать въ него небольшія лепешки, которыя сію же минуту, бурча и треща, выходили готовыми и клялись ею рядомъ на деревянномъ блюдѣ, поставленномъ передъ нами на низкомъ столикѣ — *софра*; (нашъ столъ, на высокихъ ножкахъ, Татары такъ и называютъ *столъ*). Лепешки эти, по-татарски *кейгача*, были очень вкусны. Затѣмъ явилось нѣчто въ родѣ яичницы, хлѣбъ, медъ и наконецъ кофей съ сахаромъ, въ небольшихъ фарфоровыхъ чашкахъ цареградскаго происхожденія, которыя ставились въ другія мѣдныя чашечки, чтобы не обжечь руки. Французъ торжествовалъ; я не зналъ, что и говорить, и глядѣлъ въ огонь, думая о Татарахъ... Между тѣмъ, одинъ изъ гостей хозяина, молодой и ловкій Татаринъ, имѣвшій атлетическія руки, на которыя мы все время любовались, живо подавалъ собесѣдникамъ чашку за чашкой. Все общество было просто и нецеремонно. Всѣ пили съ нами кофей и глядѣли намъ въ глаза такъ добродушно, были намъ такъ рады... Хозяйкѣ

въ приготовленіи блюдъ иногда помогала ея дочка, дѣвочка лѣтъ 12-ти, очень красивая, не имѣвшая въ лицѣ ничего татарскаго. Впрочемъ, я встрѣчалъ между Татарками много такихъ лицъ. Косы ея были такъ же мелко заплетены, какъ и у городскихъ дѣвочекъ Татарокъ, и лежали на плечахъ. На головѣ была красная феска съ синей кистью.

Пока все это дѣлалось, затопили *собу*, низенькую печку въ видѣ опрокинутого котла, имѣвшую подтопку въ той же комнатѣ, гдѣ мы сидѣли; а самая печка выходила въ другую сосѣднюю комнату.

— Откуда вы берете дрова? спросилъ я у хозяина, разумѣется, по-татарски, потому что ни онъ, ни гости его не знали ни слова по-русски.

— У насъ есть дѣбъ, принадлежащій къ деревнѣ, отвѣчалъ онъ: — слава Богу, въ дровахъ мы не нуждаемся!

Когда сосѣдняя комната нагрѣлась, насъ пригласили въ нее. Мы нашли готовыя чистыя постели, покрытыя ситцевыми стеганными одеялами. Комната глядѣла очень чисто, была выбѣлена кругомъ и даже имѣла стеклянныя окна. Въ особенности поразило меня множество подушекъ и тюфяковъ. Они лежали на двухъ большихъ сундукахъ, вплоть до потолка. Я насчиталъ 15 тюфяковъ и столько же одеялъ.

О, какъ мы заснули!

Утромъ опять затрещалъ огонь въ первой комнатѣ и она наполнилась посѣтителями, когда мы, одѣвшись, вошли и присѣли къ камину. Опять заурчали *кейгача*, явился медъ и кофей. Егерей нашихъ накормили до отвала. Полковникъ расплатился щедро и съ хозяиномъ, и съ проводникомъ. Я видѣлъ изумленіе на ихъ лицахъ, когда они считали монеты. Изъ устъ въ уста перебѣгало: «бешъ кумышь! еди кумышь!» (пять серебромъ! семь серебромъ!)

Лошади наши стояли осёдланы. Явился новый проводникъ, верхомъ же, по имени Мегнаджé; мы сѣли и тронулись по направленію къ деревнѣ Джанатáй.

Но этотъ проводникъ былъ не такъ ловокъ, какъ первый, и не слишкомъ хорошо зналъ дорогу. Добравъ до ближней деревни, наполненной солдатами, которые глядѣли на насъ съ удивленіемъ, онъ сталъ просить, чтобъ его перемѣнили. Но мы не нашли другого и должны были отправиться далѣе съ нимъ же. Расспрашивая пастуховъ, которые тоже вралъ. Полковникъ потерялъ терпѣніе и хотѣлъ вести насъ самъ, какъ вдругъ между горами явился возжеланный Джанатáй, почти такая же, но вѣдичнѣ деревня, какъ и Конратъ. Точно также проводникъ поспекалъ впередъ отыскивать для насъ помѣщеніе; точно также вышли къ намъ навстрѣчу Татары съ поклонами и *хошь-кельды*, взяли подъ уздцы лошадей и ввели насъ во дворъ одного домика. Мы закусили *кейгачá*, хлѣба съ молокомъ, выпили по двѣ чашки кофею и снова въ путь.

Новый проводникъ, Сейдащётъ, скакалъ передъ нами, но — увя! — онъ былъ еще плоче, чѣмъ второй. Онъ вовсе не зналъ дороги. Въ одномъ мѣстѣ, на довольно ровной полянѣ, когда мы уже миновали Чатырдагъ, который былъ отъ насъ верстахъ въ десяти налѣво, увитый легкими облаками, — полковникъ, слѣдившій съ самаго начала за проводникомъ, вдругъ остановился и сказалъ:

— Вреть, вреть! Надо вѣсть налѣво!

Татаринъ, дѣйствительно, вралъ, и признался, что не знаетъ дороги влѣво, а что вправо есть выѣздъ на шоссе.

— Да намъ же нужно шоссе! отвѣчалъ полковникъ: — веди насъ налѣво!

Татаринъ отказался. Полковникъ нетерпѣливо поспекалъ впередъ и мы все поспекали за нимъ.

Вдали, на скалахъ, явилось неизвестное селеніе. Мы стали держать путь къ нему. Въ сторону, въ горахъ, показался какой-то охотникъ съ ружьемъ. Мы послали Татарина объясниться съ нимъ и разспросить, куда дорога на Бахчисарай и далеко ли до него. Охотникъ оказался Русскій и не могъ понять Татарина. Пришлось разспрашивать мнѣ. Дорога лежала такъ, какъ мы ѣхали; потомъ, онъ говорилъ, надо повернуть направо, и тутъ ужъ пойдетъ одна большая дорога: не сбѣтесъ!

— А сколько верстъ до Бахчисарая?

— Верстъ десять.

Я рассказалъ полковнику все, что узналъ отъ охотника.

— По моему, дорога должна лежать прямо черезъ горы, а не направо, отвѣчалъ полковникъ, удивляя меня болѣе и болѣе: — видите вы этотъ острый утесъ?

— Вижу.

До утеса было болѣе версты, и весь онъ покрытъ былъ густымъ лѣсомъ. Конечно, никакое зрѣніе не могло отличить тамъ дороги. Кромѣ сплошного, синѣющего лѣса ничего не было видно.

— По моему, дорога должна идти подъ этимъ утесомъ, сказалъ полковникъ.

Между тѣмъ, мы подвигались къ деревнѣ, которую видѣли уже давно изъ долины. Въ деревнѣ также находились постой солдатъ. Когда мы пересѣкли рѣку и вѣхали въ улицу, намъ стали попадаться солдаты. Я спросилъ у одного о дорогѣ: онъ указалъ направо, какъ и охотникъ.

— Разспросите хорошенько, нѣтъ ли дороги прямо.

Я сталъ разспрашивать, не ѣздить ли прямо, и одинъ солдатъ сказалъ, что ѣздить, но гдѣ эта дорога, онъ не знаетъ, что надо спросить у Татаръ. Татары показывали тотчасъ, и мы

двинулась кустами, по широкой тележной дорогѣ, которая, действительно, окружила острый утесъ, указанный заранѣе полковникомъ.

Скоро показались вдали знакомыя для насъ вершины горъ, соединяющихъ Чуфуть-Калѣ, которыя мы еще недавно осматривали вмѣстѣ съ Тепекермана. Тутъ уже не было никакого труда отыскивать дорогу, особенно, когда въ концѣ долины, идущей къ Чуфуть-Калѣ, шариковался конусообразный, красивый Тепекерманъ.

Мы въѣхали въ Бахчисарай черезъ Салачикъ, т. е. съ противоположнаго конца. Квартира полковника, находившаяся въ той сторонѣ, по счастью, была никѣмъ не занята, но конюшни не было. Я пригласилъ моихъ спутниковъ на чай и поскакалъ домой. Было часовъ 10 ночи. Бахчисарай, по обычаю, спалъ глубокимъ сномъ, а я, по своему русскому обычаю, отдалъ кучеру лошадь — не знаю, что съ ней стало — а самъ пошелъ въ комнату, преобразился въ тулупъ, велѣлъ затопить печь и сѣлъ за самоваръ, ожидая гостей.

Прошло около часу времени, а ихъ не было. Я уже думалъ, что они не придутъ, раздѣлись, раскинули съ дороги, какъ и я... Вдругъ зазвенѣли сабли. Полковникъ вошелъ въ томъ же дорожномъ костюмѣ, въ шинели, съ нагайкой въ рукахъ, которую ему подарилъ князь Звенигородскій.

— Представьте: я все ѣзжу по Бахчисараю, никакъ не найду мѣста, гдѣ бы устроить на ночь лошадей и людей. Нѣтъ ли у васъ?

У меня дворъ былъ изрядный; но, по какой-то фантазіи хозяйки, не было воротъ въ заборъ, а существовала одна узенькая камиточка. Я объяснилъ это полковнику.

— Какъ же быть? дайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, проводника: мы поѣздимъ еще и поѣздимъ.

Я далъ кучера. Они странствовали еще около часу, уладили кое-какъ лошадей и прислугу, и тогда полковникъ и москѣ Саба явились во мнѣ на чай.

Но дѣло было еще не кончено: мой кучеръ ходилъ потому въ трактиръ и везъ егерямъ и проводнику-Татарину ужинъ. Тогда только гости мои успокоились совершенно.

Слѣдующій день мы проводили въ Бахчисараѣ, ходили по лавкамъ, накупили разныхъ мелочей: нагаекъ, кошелекѣвъ, полотенецъ. Послѣ обѣда полковникъ явился къ начальнику штаба и выпросилъ у него позволеніе взять меня къ себѣ въ Байдары и въ лагерь.

Мы выѣхали на другой день, часовъ въ двѣнадцать, а москѣ Саба былъ отпущенъ впередъ съ однимъ егеремъ. Съ нами остался бравый Флибертъ.

— Теперь я вашъ проводникъ! сказалъ полковникъ: — мы поѣдемъ такъ: обогнемъ Тепекерманъ, а потомъ черезъ Каралезъ и Ай-Тодоръ спустимся въ Байдарскую долину.

Съ этой минуты началось мое постоянное удивленіе свѣдѣніямъ и соображеніямъ полковника въ дорогахъ. Онъ везъ насъ такими трущобами, гдѣ, конечно, не былъ никто изъ Французовъ. Большую частію мы ѣхали частымъ лѣсомъ, безпрестанно нагибаясь отъ сучковъ, которые грозили сорвать съ насъ фуражки. Дорогъ вовсе не было, ни даже тропинокъ. Одинъ лѣсъ и лѣсъ. Я часто слышалъ жалобы на недостатокъ лѣса въ Крыму; но я не знаю, какого еще имъ надобно лѣса...

Мы такъ долго ѣхали кустами, что я совсѣмъ сломалъ шею, безпрестанно нагибаясь, два раза ровнялъ фуражку и потому сталъ просить моего спутника выбрать другую дорогу.

— А вотъ мы сейчасъ съѣдемъ въ долину и увидимъ впаденіе одного ручья въ другой, сказалъ Бодуенъ.

Дѣйствительно, мы съѣхали въ долину и увидѣли слитіе ручьевъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи, нѣлѣво, показалась деревенька, опять съ виду пустынная. Мы никакъ не могли отыскать глазами ни одного живаго существа. Куда все это прчтется, неизвѣстно; а въѣжай въ деревню, сейчасъ зашевелятся и подѣзуть откуда-то Татары.

Дорога пошла снова въ гору и лѣсомъ. Еще виднѣлся красивый Тонекармишъ, накрытый втерку пещерами. Поднявшись на одну горку, съ небольшой поляной, полковникъ вздумалъ сдѣлать маленькій роздыхъ. Мы слѣвали съ лошадей. Тутъ случилось со мной одно происшествіе, которое я опишу въ предостереженіе путешественникамъ, странствующимъ верхомъ. Я купилъ въ Бахчисарѣ новую бурку и хотѣлъ было, въѣжая, ее надѣть, но лошадь никакъ не подпускала меня въ ней, пяталась и брыкалась. Я принужденъ былъ отдать бурку Филберту, который все время, до роздыха, нянчился съ нею, что меня, конечно, стѣснило. Остановивсь на горкѣ, я предложилъ ему привязать бурку въ мой торока. Но лишь только онъ подошелъ, какъ лошадь моя, которую я держалъ подъ уздцы, бросилась въ сторону, сбила меня съ ногъ и ускакала въ лѣсъ.

Мы кинулись съ Филбертомъ ее ловить, но, разумеется, сейчасъ же оставили свое настрѣеніе: бѣгать за лошадыю по горамъ и кустамъ не было никакой возможности.

— Попробую; стану кормить свою лошадь овсомъ, сказалъ Филбертъ: — не подойдетъ ли и ваша?

Отъ разсыпавъ немного овса въ двухъ кучкахъ. Лошадь, дѣйствительно, подошла и стала ѣсть, но озиралась и никакъ не позволяла къ себѣ приблизиться. Движеніе Филберта или мое опять прогоняло ее въ лѣсъ, и она опять несилась кругами по кустамъ, брыкая задомъ. Все это тянулось довольно

долго, съ разными промежутками. Время ушло. Я просто былъ въ отчаяннѣишемъ положеннѣи.

— Что жь намъ теперь дѣлать? спросилъ и полковникъ, который сидѣлъ на травѣ, тоже нетерпѣливо поглядывая на эту сцену. *Son petit cheval noir* — какъ называлъ онъ своего статнаго турецкаго жеребца — ходила подлѣ него на свободѣ, не замышляя ни о какомъ побѣгѣ.

— Остается одно средство, сказалъ полковникъ: — вы садитесь на Флибертову лошадь и поѣдемъ: ваша лошадь, навѣрное, пойдетъ за нами и, когда попривыкнетъ, можно будетъ ее поймать. *Voilà le moyen!*

Мы съѣли и поѣхали. Лошадь, дѣйствительно, пошла, и я скоро, въ одной густой аллеѣ, схватилъ ее за узду. Флибертъ, шедшій сзади, сию минуту на нее вскочилъ, и дѣло было кончено. На первой полянѣ мы помѣнялись лошадьми и продолжали путь.

Лѣсъ сталъ снова рѣдѣть. Мы спустились въ долину, къ рѣкѣ, довольно мелкой, но широкой и быстрой. Какой-то Татаринъ мылъ въ ней ноги, стоя по колѣно въ водѣ.

— Спросите у него, такъ ли мы ѣдемъ на Каралезъ, сказалъ полковникъ: — повѣрить себя никогда не мѣшаетъ.

Татаринъ не могъ этого объяснить, а только сказалъ, что дорога, по которой мы ѣдемъ, ведетъ на деревню Ляка.

— Ляка? значитъ такъ! сказалъ полковникъ: — а за нею будетъ Ай-Тодоръ, на весьма живописномъ мѣстѣ. Это бывшее имѣннѣе извѣстнаго Палласа, который много писалъ о Крымѣ.

Мы перебрали рѣку и поѣхали опять въ гору, нѣсколько вправо, по широкой тележной дорогѣ. Впрочемъ, и до рѣки, версты съ двѣ, была дорога тоже тележная.

Вскорѣ показалась Ляка. Мы взяли правѣе, все болѣе и

болѣе подымаясь въ гору, потомъ повернули влево, оглябая глубокой оврагъ, и увидѣли на зеленоющемъ холмѣ Ай-Тодоръ, окруженный садами. Мѣсто было удивительное, райское. Итакъ, вотъ гдѣ жилъ трудолюбивый Палласъ! Я долго смотрѣлъ на Ай-Тодоръ, съ нѣкоторымъ чувствомъ зависти къ тѣмъ, кто тамъ обитаетъ. Дорога пошла опять направо и все-таки въ гору. Еще до того времени полковникъ иногда останавливался на пути, отдаваясь отъ насъ, взвѣзжалъ на вершины холмовъ и осматривался кругомъ, какъ бы повѣряя себя; но съ этой минуты, когда миновали мы Ай-Тодоръ, онъ побѣжалъ, не останавливаясь, какъ по самой знакомой дорогѣ. Надо думать, что ему помогали высокія окрестныя скалы, которыя онъ могъ изучить издали, съ какой нибудь горы, примыкающей къ Байдарской долинѣ. Но быть въ этихъ мѣстахъ въ послѣднее время, повторяю, ни онъ, никто другой изъ Французовъ не могъ.

Уже давно пропала Тепекерманъ и сосѣднія ему, знакомыя мнѣ вершины. Надо было полагать, что мы находимся не далеко отъ Каралеа. Я вспомнилъ о Мангупъ-Калѣ, котораго развалины показываются далеко, когда подъѣзжаешь къ Каралеау.

— Гдѣ же Мангупъ? спросилъ я полковника.

— Мы сейчасъ его увидимъ, отвѣчалъ онъ. А вотъ это, направо, Сюйренская башня. Въ книгѣ Кеппена, которую вы мнѣ показывали и которая есть также и у меня, слѣланъ очеркъ этой башни.

Сюйренская башня торчала, какъ зубецъ, на краю одной скалы. Мы спустились опять въ долину, перебрали рѣчку и въѣхали въ какое-то селеніе, наполненное солдатами.

— Это должно быть Албатъ, сказалъ чародѣй-полковникъ, кажется, нарочно стараясь озадачить меня знаніемъ дороги.

Я увидѣлъ скоро столбъ и дощечку съ надписью: *Льской
Албата*.

Мы опять подымаемъ черту. Явился Мангунъ. Вдали, гораздо правѣе, въ долину, я узналъ два дружки-холма, почти всегда зеленые, къ которымъ привыкаешь, пробываяъ раза два три на Бажисарая въ Севастополь. Между ними вилась дорога. Все уже было мнѣ знакомо.

— Скоро, скоро Каралезъ! сказалъ полковникъ.

Но я зналъ это и безъ него. Мы въѣхали въ какую-то деревню.

— Эта деревня должна быть Бююкъ-Сюрменъ, сказалъ онъ, озадачивая меня въ послѣдній разъ.

— Онъ самый! замѣтили солдаты, высыпавшіе изъ землянокъ поглядѣть на насъ.

Тутъ все еще смотрѣло по прежнему, нахло войною. Зеленѣли кучи зарядныхъ ящиковъ. Кое-гдѣ чернѣли туры приземистыхъ батарей и выглядывали мѣдныя пушки. Тамъ и тамъ ходили часовые.

Памятныя мнѣ, странныя скалы, образовавшіяся какъ будто теченіемъ большой массы воды, — скалы, окружающія Каралезъ, показались вдали. За ними, на горѣ, еще видѣлся маякъ. Скоро открылись темные и густые сады Каралеза. Мелькнули домики. Я отличилъ тотчасъ бывшее управленіе генераль-квартирмейстера, съ рядомъ красивыхъ, безконечныхъ тополей. Правѣе, на берегу рѣки, бѣлѣлъ домикъ, гдѣ жила известная по своимъ походамъ Гречанка М***, съ которой я познакомился въ бытность мою въ Каралезъ, когда тамъ стоялъ Главный штабъ. Ея ковры, низенькіе восточные диваны, ея солдатская шинель, ея черныя кудри и даже ея кофеи пришли мнѣ много на память. Известно, какъ много значить присутствіе ведурной, образованной женщины между солдата-

мъ, въ лагерѣ, на военныхъ бивуакахъ; какъ все влечется къ ней и оживляется ею... Я подумалъ: «гдѣ-то она, эта бурная Гречанка на Кавказѣ, и потомъ первая сестра милосердія въ Севастополѣ?...»

Сколько разныхъ воспоминаній закружилось у меня въ мысляхъ при взглядѣ на маленькій домикъ, уже опустѣвшій... Полковникъ давно поворотилъ влѣво и вѣлъ рысью, а я все еще мечталъ, отставъ отъ него и даже отъ Флиберта, который опередилъ меня, прогремѣвъ своею тяжелой саблей и сѣвша за командиромъ.

— Надо вѣять поскорѣе, сказалъ мнѣ Бодуенъ, когда я его догналъ: — уже вечерѣетъ, а дорога въ Байдары довольно дурна.

Мы поѣхали скорой рысью, повернувъ ущельемъ направо. Въ горѣ билъ какой-то фонтанъ, обдѣланный каменными плитами; нѣсколько солдатъ брали воду. Полковникъ назвалъ мнѣ его, но я забылъ это названіе. Мы промчались довольно скоро мимо фонтана, по широкой, бѣлой дорогѣ, оставляя влѣвъ развалины Мангупа. Еще раза два попались намъ батареи, пересѣкающія дорогу, но уже пустыя. Мѣстами, въ сторонѣ, видѣлись казачьи пикеты, то съ народомъ, то оставленные. Дорога пошла въ гору, довольно густымъ кустарникомъ. Разнообразныя, лѣсистыя холмы раскидывались кругомъ. Вотъ какой-то хуторокъ и вмѣстѣ послѣдній казачій пикетъ. Изъ-за крыши одного домика торчали прислоненныя къ ней пики. Когда миновали мы домикъ, изъ-за угла выглянулъ казакъ и сказалъ товарищу, котораго было не видно: «какіе-то овицеры! кажется, Французы... спросить, что ли?» Больше я не слыталъ его разсужденій. Пока мѣстъ онъ собирался разспрашивать, мы были уже далеко.

— Теперь мы во Франціи! сказалъ полковникъ.

Странно было это услышать, странно было увидеть мѣста, куда еще недавно мы не могли переступить безъ боя. Неопредѣленное чувство любопытства охватывало въ минуту и тутъ же сдѣлалось какой-то досадой... Конечно, совѣтъ шло думать и чувствовалъ тогда полковникъ, взошедшій знакомого дыма родныхъ, далекихъ лагерей.

— Да, это Франція! повторилъ онъ опять, и потомъ уже не говорилъ объ этомъ ни слова.

Раза два мы спустились въ долину и опять поднялись вверхъ, поворачивая то вправо, то влево, а Байдарская долина все еще не показывалась. Я выразилъ мое нетерпѣніе.

— Сейчасъ, сейчасъ мы ее увидимъ, сказалъ полковникъ : — вотъ за этими горами.

Но до горъ было еще далеко. Мы ѣхали по высотамъ, широкой, каменистой дорогой. Налѣво шелъ крутой яръ, покрытый кустами. И всюду были кусты, даже, можно сказать, гдѣсь. Но зелени было немного, меньше, чѣмъ у насъ въ Бахчисараѣ.

— Съ чего же это вяли, что въ Байдарской долинѣ давно-давно цвѣтутъ розы? спросилъ я.

— Какія тутъ розы, когда еще ни одно дерево путемъ не распустилось! сказалъ полковникъ.

— Меня увѣрялъ одинъ майоръ, стоявшій здѣсь съ отрядомъ, что онъ самъ видѣлъ...

— Развѣ только во снѣ...

— А это что за квадраты и кружки, спросилъ я: — слѣды какихъ-то лагерей?

— Да, это наши бывшіе аванпосты, сказалъ полковникъ.

Кое-гдѣ, на мѣстѣ стоявшихъ некогда палатокъ, валялись клочки одеждъ, доскутки краснаго сукна, башмаки, разбитыя

бутылки. Индѣ остались слѣды гортѣвшихъ когда-то костровъ. Все это было странно и любопытно видѣть. Мы проѣхали пять-шесть такихъ лагерей по ровной и широкой дорогѣ; но потомъ стали попадаться баррикады изъ камней и большихъ срубленыхъ деревьевъ, а въ одномъ мѣстѣ мы наѣхали на четырехугольную яму, наполнившуюся водой, по множеству источниковъ, которыми была насыщена вся почва: вездѣ, хотя это было очень высоко, на самомъ гребнѣ горы, проступали ключи. Передъ мной возвышалась баррикада изъ камней, и потомъ шла другая, такая же. Мы насилу-насилу могли объѣхать это мѣсто по маленькой, едва замѣтной тропѣ, проторенной копскимъ копытомъ. Вся дорога, по которой мы ѣхали, была крѣпко убита и хранила слѣды многихъ колесъ и лошадей.

— Вотъ и Байдарская долина! сказалъ полковникъ.

Красивая, почти необозримая долина раскинулась передъ нами, но еще далеко, въ глубинѣ. Кое-гдѣ чернѣли по ней кучами и въ-разсыпную деревья и кусты; видѣлось пять-шесть деревень, перемѣшанныхъ съ лагерями; индѣ курился дымокъ, заворачивая длиннымъ синеватымъ столбомъ по склону горы... Мы стали спускаться внизъ по камнямъ и уступамъ, убійственной дорогой. Направо и налево шли густые, нетронутые сады, высились громадные деревья. Земля была сыра, и, говорятъ, она вѣчно здѣсь такая. Мы спускались долго, съ версту яля больше, и наконецъ съѣхали въ долину. Уже темнѣло. Въ ближайшемъ лагерѣ грянулъ рѣзко барабанъ: заиграли зорю. Трудно было развѣчать предметы. Мы пустились рысью по ровному, влажному лугу, изрѣзанному ручьями; иногда переѣзжали ихъ въ бродъ, иногда принуждены были искать моста. Миѣ хотѣлось скорѣе взглянуть на Французовъ въ ихъ лагерь, дома; но это не удалось. Мы проѣзжали кучи темнѣвшихъ палатокъ, подъ которыми шелъ говоръ, свѣтился огонь. Я видѣлъ въ сторонѣ большія оуры, лошадей, поставленныхъ въ рядъ;

но все это въ темнотѣ, неопредѣленныхъ массахъ: ночь спустилась въ долину совсѣмъ.

Въ одномъ мѣстѣ они прорѣзали двѣ большія батареи, расположенныя одна отъ другой саженяхъ во ста или немого болѣе. Оба онѣ были пусты.

Мы все ѣхали рысью, перерѣзали всю долину и наконецъ въѣхали въ Байдары, довольно большую деревню, гдѣ была квартира полковника: низенькій татарскій домикъ, совершенно закрытый высокими досчатымъ заборомъ; въ которомъ было двое воротъ.

— Эй, кто тамъ есть? отворите! крикнулъ онъ.

— Добраго здоровья, полковникъ! отвѣчалъ голосъ.

— Что, какъ живете? все ли хорошо? спросилъ онъ опять, все еще за досчатой оградой.

— Все хорошо, полковникъ! отвѣчалъ тотъ же голосъ.

Ворота заскрипѣли, и мы въѣхали во дворъ. Тотчасъ кинулось нѣсколько человекъ принимать нашихъ лошадей. Кто-то крикнулъ на слѣдующемъ дворикѣ по-русски: «эй, кавалеры!» что меня, конечно, озадачило; но тутъ же это слово потерялось въ сотни другихъ приказаній на французскомъ языкѣ, и я забылъ о немъ. Мы вошли, нагнувшись, въ домикъ, который былъ обыкновеннаго татарскаго устройства: въ серединѣ крохотный сѣни, комната направо и комната налѣво.

Налѣво слышался говоръ. Мы переступили порогъ и увидѣли накрытый столъ, за которымъ сидѣло двое офицеровъ. Они только что собирались обѣдать, но оба тотчасъ же вскочили и бросились къ полковнику съ объятіями, просто и безъ церемоній. Онъ представилъ имъ меня.

— Давайте обѣдать, полковникъ! вы, конечно, чувствуете аппетитъ? сказалъ одинъ изъ нихъ, стройный и высокій, съ пріятнымъ, но крѣпко загорѣлымъ лицомъ, съ тонкими, краси-

злыми усамн. Сейчас было видно, что этот офицер принадлежал къ лучшему обществу. Обыкновенная, слишком воинская посадка Французовъ смягчалась въ немъ простыми приемами хорошаго тона.

Это былъ капитанъ д'Абзакъ, служившій въ Главномъ штабѣ. Одежду его составляла синяя крымская шинель, изъ-подъ которой виднѣлась черная куртка, шитая сукрами. На головѣ была фуражка. Французы часто надѣваютъ фуражку и въ кенатъ: это ихъ привычка.

Другой, пониже ростомъ, съ обыкновеннымъ выраженіемъ въ лицѣ, былъ обыкновенный армейскій офицеръ, по фамилиі Шареронъ, гусаръ, что можно было узнать по голубому околышу его фуражки, — но узнать только посвященному въ ихъ формы. На немъ же самоеъ была, какъ и на д'Абзакѣ, синяя крымская шинель.

— Давайте, закусимъ, сказалъ Бодуень: — но нельзя ли послѣ устроить чай для нашего гостя?

— Устроимъ и чай, сказалъ д'Абзакъ: — здѣсь есть огромный самоваръ, не знаю, кому принадлежащій; у меня есть и чай, кажется, хорошій, подаренный мнѣ на Менкеліевой однимъ русскимъ офицеромъ.

Самоваръ сейчасъ же былъ поставленъ на дворѣ, противъ нашихъ оконъ; кипѣлъ, кипѣлъ и ушелъ, потомъ опять былъ долилъ и опять ушелъ. Для служителя, здороваго парня, съ красивыми щеками и удивительными бровями, которыя онъ какъ будто нарочно старался таращить вверхъ, было, кажется, ново ухаживать за самоваромъ. Онъ поминутно спрашивалъ у меня совѣтовъ. Чай господамъ офицерамъ если и приготовлялся, то въ чайникѣ и разными другими способами, а самоваръ, позеленѣлый и запыленный, открывался въ какомъ-то подземецѣ.

Служитель, который ставил самоваръ и подавалъ намъ ѣсть, былъ одѣтъ въ синей курткѣ и въ красныя брюкы. На ногахъ у него были деревянные башмаки на босую ногу. Онъ немного выжила, что еще придавало румянца его щекамъ, и я увѣренъ, что брови его отъ этого еще выше подымались. Безъ вышивки онъ непремѣнно сидѣлъ ниже.

Онъ подалъ намъ что-то въ родѣ супа; потому двѣ жестянки съ разной дичью.

— Пожалуйста, попробуйте! сказалъ Шареронъ: — это изъ Франціи, добавилъ онъ съ особымъ удареніемъ, какъ будто хотѣлъ сказать: «изъ нашей прекрасной Франціи!»

Потомъ подали котлеты; за ними, особо, салатъ и послѣ еще какую-то зелень. Въ промежуткахъ д'Абзакъ наливалъ мнѣ, себѣ и всѣмъ бордо, еще какого-то вина и кончилъ шампанскимъ. Между тѣмъ, Деэирѣ (имя служителя) принесъ дровъ, бросилъ ихъ въ татарскій каминъ и затопилъ.

Д'Абзакъ во время ѣды говорилъ безъ умолку. Матерьяловъ для разговора было много. Они ѣздили съ Шарерономъ на Южный берегъ верхами. Шареронъ едва не потерялъ на дорогѣ лошадь, точно такимъ же образомъ, какъ я. Ее поймалъ ему казакъ, имѣвшій необыкновенно красивую нагайку, обдѣланную въ серебро. Шареронъ и д'Абзакъ хотѣли купить нагайку у казакъ, давали рубль, два, наконецъ восемь; но казакъ не продалъ. Я сейчасъ отыскалъ свою нагайку и подарилъ д'Абзаку. Онъ въ ту же минуту подарилъ мнѣ свой французскій бичъ.

Возвращаясь съ Южнаго берега въ Байдары, они попали на смотръ войскъ; по случаю пріѣзда нашего главнокомандующаго въ гости къ Пелиссье. Д'Абзакъ расхваливалъ намъ явственные, блестящіе костюмы Англичанъ и сыпалъ такими эпитетами, которые рѣшительно невозможны на другихъ язы-

вать, кромѣ французскаго. Его акцентъ былъ чисто парижскій... Я почувствовалъ себя, дѣйствительно, во Франціи.

Вдругъ явилась Русь: огромный, перекипѣвшій самоваръ. Чай поручено было устроить мнѣ. Нагнувшись надъ самоваромъ я прочелъ: *Иванъ Прокофьевъ въ Туль*. Я обрадовался ему и глядѣлъ на самоваръ какъ на живое существо, точно въ него переселилась душа *Ивана Прокофьева*... Чай вышелъ недурень. Покажѣть мы шли его, Дезире улаживала офицерамъ постели на полу. Было что-то поздно. Французскіе обѣды всегда тянутся очень долго. Глаза у всѣхъ стали невольно щуриться; языки сдѣлались вялы. Прежде всѣхъ спасовалъ Шареронъ, усталъ на первую готовую постель, зѣвалъ и что-то бурчалъ въ отвѣты, когда съ нимъ заговаривали.

— Ну, прощайте, господа! сказалъ Бодуенъ: — покойной ночи!

— Мы завтра ужъ васъ не увидимъ, полковникъ! замѣтилъ д'Абзакъ.

— А что?

— Мы ѣдемъ рано: Я въ Штабъ, онъ въ полкъ.

Я сталъ звать ихъ въ Бахчисарай.

— А есть тамъ хорошенькія женщины? спросилъ д'Абзакъ.

— Покажу и женщинъ хорошенькихъ, пріѣзжайте только!

— Пріѣду, пріѣду!

Мы простились, какъ старые друзья, и я пошелъ на половину полковника. Впрочемъ, и та половина была его; но она назначалась больше для заѣзжихъ странниковъ, такихъ, какъ д'Абзакъ и Шареронъ. Всякій ѣхавшій мимо съ прогулки, откуда бы то ни было, могъ заѣзжать въ эту хату, обѣдать, ночевать, при хозяинѣ и безъ хозяина, рѣшительно во всякое время, и часто, шумная съ вечера, хата умолкала къ утру: заѣзжавшіе гости были уже отъ ней далеко.

Другая половина Бодуэна, куда мы вошли, была точно такая же, какъ и первая, только отличалась некоторымъ убранствомъ. У одной стѣны протягивался большой диванъ, и надъ нимъ висѣло зеркало. У окна помѣщался огромный столъ, почти пустой: лежали два-три номера руанской газеты (Бодуэнъ былъ родомъ изъ Руана), стояла чернильница — и только. Въ углу маленькій швабръ наполненъ былъ книгами и журналами. Стѣны увѣшаны ландкартами. Подлѣ дивана и у кровати, закрытой пологомъ, стояли два деревянные ящика, въ родѣ выюковъ, съ надписью: *Beaudouin, chef d'Escadron de l'Etat Major général*. На поперечной балкѣ, перекинутой черезъ комнату, какъ это обыкновенно дѣлается въ татарскихъ избахъ, я увидѣлъ наклеенныя бумажки съ цифрами: 1, 2, 3 до 17.

— Это чтò такое? спросилъ я.

— Это ваши дивизіи, отвѣчалъ полковникъ, улыбаясь.

Потомъ онъ досталъ изъ одного ящика-выюка нѣсколько ландкартъ и разложилъ ихъ на столѣ. Иныя были рисованныя, иныя печатныя, но всѣ очень большія, занимавшія цѣлый столъ. Онъ смотрѣлъ недолго... Въ комнату вошелъ бѣлокурый господинъ въ синей шинели и красныхъ брюкахъ.

Это былъ его *secrétaire*, какъ онъ называлъ его, мсье Пино, человекъ довольно неопредѣленный. Онъ родился и выросъ въ Москвѣ, даже учился тамъ въ какой-то гимназій и потому, разумѣется, говорилъ по-русски, какъ Русскій. Онъ даже во всѣхъ отношеніяхъ похожъ былъ скорѣе на Русскаго, чѣмъ на Француза. Для меня онъ казался переряженнымъ гимназистомъ старшихъ классовъ. Какъ онъ попалъ во французскую службу, ужъ я не знаю; служилъ прежде въ уланѣхъ, но передъ кампаніей вѣсть въ Главный штабъ по тому случаю, что могъ объясняться по-русски. Чиномъ онъ былъ только еще солдатъ, хотя на фуражкѣ нашилъ себѣ немощко

золотца, такъ-что издали походилъ на офицера. Нечего и говорить, что ему принадлежало слово *кавалеры*, сказанное при нашемъ въѣздѣ во дворъ. Онъ, вѣроятно, замѣтилъ меня тотчасъ. Впрочемъ, онъ любилъ и своихъ озадачивать знаніемъ русскаго языка. Мы познакомились скоро и, конечно, заговорили по-русски. Паша засыпалъ меня калачами, красными яицами (по случаю приближающейся Святой), даже отпускалъ какіе-то пѣсни и романсы, которые сильно перевиралъ.

Немного погодя вошли въ комнату три Татарина и потомъ еще два, приблизились къ подковнику и поклонились, приложивъ руку къ сердцу; онъ далъ имъ поцѣловать руку, сказалъ какое-то татарское слово, не слишкомъ много думая, годится оно или нѣтъ въ настоящемъ случаѣ, — и тѣмъ дѣло кончилось. Татары поклонились мнѣ, одинъ сказалъ нѣсколько словъ по-русски, и потомъ ушли. Это были старшины селенія и хозяинъ дома.

Паша объявилъ мнѣ, что для меня готова комната и постель, и если я хочу спать, то онъ меня проведетъ. А я только объ этомъ и думалъ.

Мы пошли по темнымъ улицамъ. Селеніе уже спало. Пройдя домовъ пять-десять, повернули направо, въ узкій переулокъ, и вошли въ татарскую хату, весьма опрятную, устланную коврами и увѣшанную полотенцами. Полотенцы, шитыя золотомъ и развѣшанныя по стѣнамъ — это самое обыкновенное украшеніе татарскихъ хатъ. Въ каминѣ пылалъ большой огонь. Въ углу стояла русская кровать на ножкахъ, разуживается, съ кучей татарскихъ тюфяковъ и одеялъ. Я раздѣлся, легъ и заснулъ подъ трескъ пылавшаго камня...

На другой день поутру, по первому моему возу, явился хозяинъ, молодой Татаринъ, весьма прилично одѣтый, и спросилъ по-татарски, что мнѣ нужно.

— Нельзя ли затопить каминъ?

Хозяинъ безмолвно вышелъ, явился съ огнемъ, и погасивъ накануне толстыя чурки дровъ опять загорѣлся и затрещали. Комната, сильно нагрѣтая ночью, такъ-что былъ виднѣнъ духъ, стала нагрѣваться. Немного погодя явился Пиндъ и сказалъ мнѣ, что полковникъ всталъ и ждетъ меня пить чай.

Я одѣлся и мы пошли. Было очень свѣжо. Поворотивъ изъ переулка въ улицу, я могъ увидѣть селеніе Байдары: оно было довольно велико и красиво. Попадались двухъэтажные домики. Въ одномъ изъ такихъ домиковъ, подъ особымъ навѣсомъ, производилась торговля разными разностями, преимущественно съѣстными припасами. Изъ дверей выглядывала вавандьерка ¹⁾, румяная и растрепанная. Передъ лавкой расхаживали двое, какъ будто купцовъ, въ пальто и въ черныхъ шляпахъ съ большими полями.

— Это наши маркитанты, сказалъ мнѣ Пиндъ.

Улица, по которой мы шли, была широка не по-татарски, вдвое шире главной бахчисарайской. Въ одномъ мѣстѣ она образовала даже порядочную площадку, на которой столпилось нѣсколько солдатъ, съ ружьями и безъ ружей. Кто былъ въ курткѣ, кто въ шинели. Большинство нѣло шинели. На одномъ домѣ подлѣ площади торчалъ шестъ съ вѣвающимъ флагомъ. Это было, сказать по нашему, по старинному — кружало.

Полковникъ мой, въ накиннутой шинели и въ неснимаемомъ картузѣ, уже бѣгалъ по своему дворику, отъ дома къ другому, или изъ комнаты въ комнату. Живая кровь не давала ему покою ни на минуту: онъ вѣчно бѣгалъ и что нибудь дѣлалъ. Копаться, ждать, сидѣть сложа руки — это было не въ его натурѣ.

На дворѣ его я замѣтилъ часоваго съ ружьемъ, котораго не было накануне. Вчерашній самоваръ кипѣлъ и клекоталъ на

¹⁾ Роль маркитантки.

всю Байдарскую долину и, вѣроятно, до меня ушелъ раза четыре. Мы уладили чай, и только стали пить его въ опустѣвшей комнатѣ съ неубранными еще постелями д'Абаака и Шарерона, какъ вдругъ въ отворенную дверь вбѣжала къ намъ лагавая собака, и за нею тоже почти вбѣжалъ высокій ростомъ господинъ, съ ужасными усами и испаньолой. На немъ было сѣрое пальто, охотничьи сапоги и военная фуражка поручичьяго чина. Въ рукахъ было ружье; черезъ плечо висѣлъ крѣпко истасканный ягдташъ. Онъ сталъ говорить очень быстро, картава на французскій ладъ, и въ то же время весь двигался необыкновенно, пресѣдалъ, подпрыгивалъ, дергалъ полковника за эспаньолку, хлопалъ по головѣ шапкой, цѣловалъ и обнималъ и вообще корчилъ оригинала. Полковникъ тутъ же меня познакомилъ съ животрепещущимъ охотникомъ и сказалъ, что я могу, если хочу, говорить съ нимъ по-нѣмецки.

Охотникъ этотъ назывался Кандъ-Османъ и служилъ въ африканскихъ егеряхъ, но собственно былъ по фамилиі Ренсдорфъ, или, какъ говорилъ мой полковникъ, знавшій нѣмецкій языкъ похуже, чѣмъ русскія дороги: Jäger von Rensdorf, считая и Jäger за частицу фамиліи; а это была просто штука подпрыгивающаго охотника, который и тутъ не могъ не подпрыгнуть. Jäger von Rensdorf, какъ иностранецъ, не имѣлъ права служить во французскихъ войскахъ внѣ Африки, — служить и получать чины наравнѣ съ Французами. Онъ перепрыгнулъ въ Арабы, сдѣлался Кандъ-Османомъ — и все пошло, какъ по писанному. Однако, во время кампаній, прыгая больше по болотамъ за дичью, чѣмъ занимаясь своей африканской ротой, онъ получалъ только одинъ чинъ и не повышался. Чинъ совсѣмъ не шелъ къ его уже довольно пожилой физиономіи, къ его сильной просѣдѣ въ волосахъ. Но Кандъ-Османъ, кажется, не унывалъ, кормилъ военную публику дичью, потѣшалъ разсказами съ неизбѣжнымъ подпрыгиваньемъ, даже слылъ кое-

гдѣ за человѣка съ большими талантами и съ умомъ; но большинство смотрѣло на него, какъ на человѣка съ большими усами и съ ружьемъ... *и*

Обѣдалъ онъ всегда отлично у генерала д'Отмара, при которомъ и соотвѣтъ по особымъ порученіямъ, больше по охотничьимъ, потому что генералъ былъ самъ охотникъ, и на пути отъ Алжира до Байдаръ зналъ всѣ болота и кусты, гдѣ только держалась дичь. Всей французской арміи было извѣстно, что есть на свѣтѣ охотникъ генералъ д'Отмаръ и у него Кандъ-Османъ, или Jäger von Rensdorf.

Всюду, во всѣхъ палаткахъ и домикахъ, занятыхъ французскими офицерами, былъ готовъ приютъ Кандъ-Осману. Онъ здѣсь ночевалъ, тамъ закусывалъ, вездѣ подпрыгивалъ, туда спѣшилъ взять оставленное когда-то другое ружье, но къ обѣду почти всегда возвращался въ Кебасы, деревню, принадлежавшую Мордвинову, которую Французы называли Morgvinoff, никакъ не думая, что это фамилія владѣльца. Въ Morgvinoff жилъ генералъ д'Отмаръ. Генералъ привыкъ обѣдать съ Кандомъ и спорить съ нимъ во время обѣда объ охотѣ, часто засиживаясь до полуночи. Кандъ выпивалъ бутылки три отличнаго бордо, пылалъ лицомъ, какъ алое сукно его брюкъ, но никогда не былъ пьянъ. Споръ съ генераломъ во время обѣда былъ нѣчто неизбежное, какъ швейцарскій сыръ, который подавался вмѣстѣ десерта. Ужь какъ хочешь, Кандъ-Османъ, а поспорь.

Кандъ-Османъ побывъ у насъ немного. Я попробовалъ поговорить съ нимъ по-нѣмецки, но не пошло: Кандъ хотѣлъ быть Французомъ — и конечно! Только говоря объ охотѣ, когда я не понималъ названія птицы, или звѣря, онъ вставлялъ тотчасъ нѣмецкое слово, но почти всегда напрасно: я не понималъ и по-нѣмецки этихъ премудростей. Однако, мнѣ хотѣлось поохотиться съ Кандомъ, потому что я самъ страстный охот-

ннѣя; но мы никакъ не могли согласиться относительно времени. Я обратилъ вниманіе на ружье Кандь-Османа: ружье было удивительное. Съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ Москву, я не видалъ ничего подобнаго.

— Да, это ружье французское! сказала Кандь-Османъ съ удареніемъ на *французское*, и затѣмъ подпрыгнувъ, взявъ еще разъ за бороду полковника, пригласилъ насъ обоихъ къ генералу обѣдать и юркнулъ въ дверь.

Тогда полковникъ объяснилъ мнѣ въ краткіе слова, кто такой этотъ охотникъ. Но впоследствии черезъ Пиндъ, и по мнѣ собственными наблюденіями я узналъ о немъ то, что разсказалъ сейчасъ читателямъ.

Чай убрали. Я вышелъ на площадку взглянуть на французскихъ солдатъ, или, скорѣе, былъ вызванъ ударившимъ барабаномъ. Солдаты учились. Командовали унтеръ-офицеры. Офицеръ стоялъ поодаль и только дѣлалъ замѣчанія, повременамъ подходилъ то къ той, то къ другой шеренгѣ, бралъ изъ рукъ солдата ружье и осматривалъ его подробно, чисто-ли оно и вообще исправно-ли.

Не слыша словъ команды, я забывался и думалъ, что командуютъ по-русски. Но учились солдаты плохо: вскидывали ружья неровно; маршируя, не держали прямой линіи. Словомъ, по нашему, это было плохо.

Учившіеся солдаты были въ курткахъ, съ патронными сумками на кушакѣ; но въ сторонѣ стояло нѣсколько въ шинеляхъ и въ ранцахъ, сверхъ которыхъ лежало свернутое жгутомъ поדותно, наподобіе нашей шинели.

— Что это за бѣлый свертокъ на ранцахъ у солдатъ? спросилъ я у Пиндъ, который подошелъ также поглядѣть на ученье.

— Это палатка, отвѣчалъ онъ.

— Какъ палатка? тутъ цѣлая палатка?

— Да, цѣлая палатка; въ которой можно помѣститься двоимъ, а за нужду и троемъ солдатамъ.

Я выдавалъ эти палатки еще въ Севастополѣ, въ трубу, даже срисовывалъ ихъ, но иногда не воображалъ, что это солдатскія палатки; эти же малы съ виду, особенно подѣль большаго конусообразныхъ палатокъ, которыя, по преимуществу, составляли лагерь и, кажется, были присланы союзникамъ отъ турецкаго правительства ¹⁾.

Солдаты учились недолго. По командѣ составила ружья въ козлы, которыми потомъ, обходя, поправилъ сержантъ. Командовавшіе унтеръ-офицеры разошлись, играя ружьями и напѣвая пѣсни. Солдаты остались на мѣстахъ, но также шутили и заигрывали другъ съ другомъ.

— До обѣда еще далеко, сказалъ мнѣ полковникъ, явившійся тутъ же съ тремя какими-то офицерами, съ которыми я раскланялся, по принятому у нихъ и у насъ обычаю: — не хотите ли куда нибудь съѣздить, напримѣръ на пристань Форусъ? Съ вами поѣдетъ Пишò; я вамъ дамъ другую лошадь: ваша и устала да и, пожалуй, опять не подпуститъ васъ въ буркѣ; а теперъ холодно.

Я, конечно, согласился. Мнѣ скоро подвели рыжаго, вертляваго конька, на котораго я насилу сѣлъ, и тутъ только замѣтилъ, что сѣдло было не мое, а какое-то англійское. Но пересѣдывать не хотѣлось. Пишò уже сѣдѣлъ также на другомъ вертлявомъ конькѣ. Мы проѣхали деревню рысцою, въ противоположную сторону вѣзда, направляясь къ горамъ, которыя кончались направо и надѣво двумя крутыми, красивыми вершинами, покрытыми частымъ дубнякомъ. Посрединѣ была небольшая ложбина съ желтѣющей на ней тропой. Туда-то намъ

¹⁾ Такія палатки можно видѣть въ Севастопольскомъ Альбомѣ, на рисункѣ № 21.

и следовало вѣхать. Солдаты смотрѣли на меня съ любопытствомъ, но, кажется, больше на бурку, чѣмъ на меня. Выѣхавъ въ поле, мы пустили лошадей вскачь, чего онѣ очень жегали. Кони дунули, какъ вѣтеръ; но англійское сѣдло было не по мнѣ: я отъ роду не ѣздилъ на такихъ сѣдлахъ и долженъ былъ остановить Фетиваго скакуна и повѣхать снова легкой рысью.

— Чей это конь? спросилъ я Пшѣ: — не продасть ли его козанинъ?

Конь былъ замѣчательный полевой пріятной и вѣствѣ скорой рыси и до своему слоку.

— Это конь нашего казака, Татарина, который бережетъ его пуше глаза, отвѣчалъ Пшѣ: — онъ даетъ его только полковнику и больше никому. Онъ ни за что не продасть его. ✓

Мы переѣхали шумный горный ручей, чрезъ который былъ перекинутъ каменный мостикъ, и потомъ, повернувъ направо, начали подниматься въ гору широкой, галкистой дорогой, и такъ подымались около версты съ небольшимъ, послѣ чего дорога стала понижаться. Въ нѣкоторомъ отдаленіи, направо, я увидѣлъ огромную гору, также покрытую лѣсомъ. По ней спустились два красныхъ Англичанина. У подошвы ея паслось нѣсколько лошадей и стояла конусообразная палатка, подлѣ которой лежали на травѣ и сидѣли на пенькахъ тоже англійскіе солдаты. Лѣво показались какія-то затѣйныя ворота въ древнемъ дутѣ, но весьма новыя. Въ аркѣ ходилъ французскій часовой; а вдали, за чертой воротъ и окрестныхъ скалъ, слышно море. Я думалъ, что въ арку нельзя проѣхать, потому что видѣлъ много наваленныхъ камней, но, подѣхавъ ближе, нашелъ узкій проѣздъ и проѣхалъ. Боже мой! что за видъ! мы остановились на твердой, убитой дорогѣ, которая шла спускомъ влѣво. У ногъ нашихъ лошадей была страшная пропасть, едва не въ версту глубиной, вся устѣнная сизыми

обломками гранита, между которыми видѣ зеленѣли дубъ и сосна, похожая на дубъ, или другую травку. Направо, почти отвѣсно, шла скалистая гора, съ одной стороны покрытая лѣсомъ, въ сѣверъ, у подошвы которой былъ разбитъ англійскій шхеръ. Направо шла другая, желторобрая, постепенно возвышавшаяся и образуя мѣстами зеленые холмики, гдѣ видѣлось опять нѣсколько домовъ и лежали на травѣ синіе Французы и красные Англичане, — тамъ, далеко, обозначаясь только легкими линіями, гдѣ едва-едва игралъ цвѣтъ мундира. А внизу, у крутого берега, кончавшагося бѣловатой полосой песку и дровы, плескало море, которое шло безконечно далеко, сливаясь съ облаками; его набѣгавшіе всплески едва были слышны... Въ небольшомъ разстояніи отъ берега стояли два фрегата, и къ одному изъ нихъ подходилъ, дымясь, пароходъ... видѣли еще бѣлѣть парусъ, вставшій, на самомъ краю темно-синяго моря.

Постоявъ немного, мы стали спускаться внизъ. Шагахъ въ сорока отъ воротъ опять ходилъ французскій часовой. Проѣхавъ мимо его, я замѣтилъ у подошвы скалъ, на берегу, черепичныя крыши какихъ-то домиковъ: это была небольшая деревушка, котѣрая и называлась Форусъ, и отъ нея уже получила имя и самая пристань. Пешѣ предлагалъ мнѣ съѣздить въ низшіе Перовскаго, для чего надо было совсѣмъ спуститься внизъ, обогнуть лѣвый мысокъ и потомъ проѣхать еще версты три берегомъ; но я боюсь неизбранныхъ разстояній, о которыхъ у насъ на Руси существуетъ поговорка: *старуха мързла клюкой, да и махнула рукой — быть такъ!* и потому отказался. Впрочемъ, я столько же боялся и англійскаго сѣдла. Мы повернули назадъ и снова поднялись къ воротамъ, все время любуясь оканами и синими моремъ.

На обратномъ пути въ Байдары, при переѣздѣ черезъ ручей, мы встрѣтили троицу офицеровъ верхами, одѣтыхъ франтовски

и на славныхъ лошадахъ. Мы, какъ водится, раскланялись. Пешо успѣвшая отпустить мнѣ нѣсколько русскихъ фразъ.

Когда мы въѣзжали въ Байдары, солдатъ на площадкѣ уже не было. Они разошлись по дворамъ и улицамъ, и тамъ кое-гдѣ показывались еще синія шинели. Полковника я нашелъ по прежнему бѣгающимъ то туда, то сюда. Увидѣвъ меня, онъ велѣлъ готовить завтракъ. Мы закусили; потомъ пошли по деревнѣ; потомъ отдохнули и часовъ въ шесть отправились верхами въ Моргуновъ, почти по той-же дорогѣ, по которой пріѣхали въ Байдары со стороны Каралева. Я узнавала нѣкоторые мостики и ручьи. Имѣніе Мордунова лежало въ другомъ концѣ Байдарской долины и едва было видно. До него казалось версты три. Равнина, по которой мы ѣхали, была нарѣзана мелкими колеями, какъ будто на ней происходили ристанія безчисленныхъ колесницъ. Не было живаго мѣста, гдѣ бы не проѣхало колесо и не ступилъ конь. Я спросилъ Бодуена, что это такое: не учится ли тутъ артиллерія?

— Нѣтъ, это, просто, сады нашихъ обозовъ и парковъ, отвѣчалъ онъ.

Кое-гдѣ по равнинѣ попадались холмики и кусты терновника; цѣпавшіе насъ по ногамъ; а въ одномъ мѣстѣ мы проѣхали и вовсе лѣсъ, но только рѣдкій и небольшой. Кебаскі показались вблизи, на горкѣ. Впередѣ было нѣсколько солдатскихъ землянокъ, переиhrанныхъ съ палатками, большими конусообразными и малыми, неподобіе треугольныхъ призмъ. Тутъ я въ первый разъ увидѣлъ близко эти маленькія палатки, которыя солдаты носятъ у себя за плечами, какъ шинель: За палатками шли обыкновенные татарскіе домики и въ серединѣ большой помѣщичій домъ, гдѣ и жилъ дивизионный генералъ д'Отмаръ. Въѣво, въ нѣкоторомъ разстояніи, протягивался рядъ деревянныхъ балагановъ, уже созданныхъ войною. Это были лавки маркитантовъ, прозванныя *разбойничьимъ городъ*

комъ (brigandeville). У Французовъ быстро являются имена. Полковникъ, показавшій мнѣ Бригандвилль, замѣтилъ, что подлѣ Севастополя есть у нихъ Фамбустоуалль, а подлѣ Камыша — Фришонвилль и Канальвилль.

Мы поднялись на горку, оглябая солдатскія палатки; вѣтеръ провѣвалъ между двухъ плавеньскъ отрядъ; жаль бы въ воротахъ, гдѣ ходилъ часовой, и очутились на дворѣ передъ домомъ генерала. Нѣсколько офицеровъ ходили по двору, и между ними Кандъ-Османъ, въ шинели и въ широчайшихъ брюкахъ. Мы раскланялись со всѣми; а Кандъ-Османъ подошелъ къ намъ и повелъ насъ къ генералу.

Мы прошли двѣ пустыя комнаты, съ оной простой мебелью, и вступили въ кабинетъ генерала. Полковникъ представилъ меня. Генералъ усадилъ насъ въ кресла, а самъ сѣлъ напротивъ, на диванчикѣ, покрытомъ ковромъ, и у насъ пошелъ разговоръ, сперва о путешествіи полковника въ Феодосію, потомъ о разныхъ разностяхъ. Генералъ былъ человекъ средняго роста, сухощавый, но плотный, имѣлъ пріятное, простое лицо, черные съ просѣдью волосы и небольшую бородку. Это собственно было не по формѣ: форма требовала испаньолки, а не бороды; но въ Крыму кто думалъ о формахъ? На немъ былъ однопортный сюртукъ съ эполетами, имѣвшими шитое поле, съ тремя большими звѣздочками, что и означало дивизионнаго генерала. Штабъ-офицеръ носилъ такіе же эполеты, но съ гладкимъ полемъ. Воротникъ былъ также шитый. Говорилъ генералъ просто, но хорошо, и вообще былъ, что называется, *душа*. Его всѣ любили, хотя службу онъ спрашивалъ строго.

Кабинетъ генерала представлялъ смѣсь трофеевъ войны и охоты. По стѣнѣ, надъ письменнымъ столомъ, скрещивались три наши уланскія пики, висѣли двѣ казакскія шапки, нѣсколько нагаекъ, и надъ всѣмъ этимъ царствовало ружье.

Въ одномъ углу, неподалеку отъ дивана, какіе-то рога простирали въ воздухъ свои кудравыя вѣтви.

Мы пробесѣдовали около полчаса, какъ вдругъ вошелъ въ комнату камердинеръ генерала, въ черномъ сюртукѣ, и подавъ письмо. Генералъ сейчасъ распечаталъ и сказалъ: «проси его сюда: пусть съ нами побѣждаетъ. Это одинъ вахмистръ ¹⁾, замѣтилъ онъ намъ: — по фамиліи Лансакъ. Удивительно стрѣляетъ! я не видывалъ такихъ стрѣлковъ, чортъ возьми!»

Вахмистръ вошелъ очень робко. Генералъ протянулъ ему руку и пригласилъ сѣсть. Лансакъ сѣлъ на кончикъ стула и заговорилъ о рекомендательномъ письмѣ, которое передъ тѣмъ подавъ камердинеръ.

— Э, что такое за письмо! сказалъ генералъ: — на что оно, я, право, не знаю!

Кандъ-Османъ, сидѣвшій тутъ же, докончилъ объясненіе. Лансакъ сдѣлался поразговорчивѣе. Костюмъ его былъ однобортный голубой сюртукъ, съ желтымъ воротникомъ, и красныя брюки, — словомъ, костюмъ афрянскихъ егерей. Лицомъ онъ былъ неврасивъ, носилъ бороду и напоминалъ приемами солдата.

Въ восемь часовъ мы сѣли обѣдать, при свѣчахъ. Тотъ же камердинеръ, что подавъ письмо, разносилъ кушанья, которыхъ было много и всѣ хороши; но половина ихъ состояла изъ зелени. Салатъ подали, какъ водится, особо, послѣ жаркаго. Это ужасно досадно для русскаго человека. Вы знаете напередъ, что за жаркимъ будетъ салатъ, хотѣли бы соединить эти два блюда въ одно; но какъ это сдѣлать?.. Въ заключеніе подали сыръ-честеръ и голландскій, сухіе фрукты и кофе. Въ промежутки наливалось всѣмъ разное вино: портеръ, бордо, пята-д'индежъ, рейнвейнъ и шампанское. Этими коман-

¹⁾ Brigadier.

валъ по преимуществу Кеняль-Османъ, сначала говорившій очень мало. Потомъ онъ заговорилъ и наконецъ заспорилъ съ генераломъ объ охотѣ; слегка картава на французскій языкъ; но не было жизни въ этомъ спорѣ, къ которому все приготовились заранее, а было только вино да привычка. Миѣ показался этотъ споръ похожимъ на споръ охотниковъ въ охотничьихъ французскихъ повѣстьяхъ. Миѣ даже было досадно, что душа генераль д'Отмаръ занимается такими пустяками, и я готовъ былъ заподозрить его охотничью славу.

Были ли слѣды охоты на столѣ? можетъ быть, спросите вы. Были: удивительные вальдиннепы, изготовленные кемного сыро, на французскій или не знаю, на какой языкъ, и еще дикая коза.

Мы сидѣли долго, ужасно долго. Въ отворенную дверь глядѣла ночь, уставшая звездами. Когда мы умолкали, въ долину слышались переливающиеся крики вѣчныхъ обитателей болотъ, *la musique des grenouilles*, какъ выражались Французы.

Въ концѣ обѣда, или, лучше сказать, уже просто сидѣнья и куренья за столомъ, изъ сумрака ночи ввалился въ двери огромный капитанъ, въ мундирѣ и въ эполетахъ, съ полнымъ и румянымъ лицомъ, остриженный очень низко. Онъ поздоровался съ генераломъ и сѣлъ подлѣ него, опершись на невиданный свѣтомъ со времёнъ Годфрида Бульонскаго палашъ, которымъ тотъ, какъ извѣстно, разрубилъ пополамъ Сарацина. Въ палашѣ капитана (я послѣ самъ его сѣбралъ) было 7 четвертей слиткомъ.

Это былъ капитанъ Давнѣ, состоявшій при генералѣ Макъ-Магонѣ, который находился съ отрядомъ на Фодюхиныхъ горахъ, у Черной рѣчки. Капитанъ жилъ въ Кебасахъ по какому-то дѣлу, услышавъ о приѣздѣ Бодуена и явился, чтобъ его увидѣть и проводить въ Байдары.

Прошелъ еще добрый часъ въ куреньѣ и въ разговорахъ.

Полковникъ посылалъ раза два справиться, взошла ли луна; но она все еще не всходила, и мы сидѣли и сидѣли. Наконецъ Кандъ-Османъ объявлялъ, что показывается луна. Мы встали. Былъ 1-й часъ ночи.

Луна еще не показывалась, но только брезжила за горами ея палевый свѣтъ, и лучи его, подобно тонкому пару, начинали простираться надъ долиной. Но все-таки было еще темно.

Мы простались тутъ же, въ столовой; тутъ же одѣлись и повалили втроемъ: полковникъ, капитанъ, и я. Я надѣлъ бурку, полковникъ шинель, а капитанъ остался въ мундирѣ. Его, какъ видно, не принималъ нестерпимый холодъ южной ночи. Мы ѣхали прямо по долинѣ, то рядомъ, то гуськомъ, цѣпляясь впотымахъ за кусты. Я старался держаться какъ можно ближе за капитаномъ, рассчитывая, что гдѣ пройдетъ онь, со своимъ огромнымъ конемъ, соответствовавшимъ всаднику и палашу, тамъ мнѣ уже навѣрное будетъ дорога. Ѣхавъ, такимъ образомъ, позади, я видѣлъ, что подлѣ капитана, внизу, почти на землѣ, вспыхиваетъ вярѣдка какая-то молнія, и не могъ сначала понять, чтò это такое. Оказалось, что капитанъ куритъ предлинную трубку, спустивъ ее съ сѣдла внизъ и несколько не думая о томъ, что она можетъ зацѣпиться за кустъ, ткнуть его въ ротъ, или чтонибудь втакое. Какъ-то выходило, что она не цѣплялась, и онь самъ, съ матерымъ конемъ своимъ, ни разу не наѣхалъ на кустъ или на дерево. Есть такіе люди, которые куда бы ни сунулись, очертя голову, все имъ сойдеть и нигдѣ ничего не сдѣлается. Во всѣхъ ихъ движеніяхъ зашита какая-то роковая самоувѣренность и безпечность. Таковъ былъ и капитанъ Давиѣ, находившійся 27 августа подлѣ генерала Махъ-Магона на Малаховомъ. И онь, и Махъ-Магонъ остались совершенно невредимы.

Мы ѣхали тихо, очень рѣдко перебрасываясь словами. Наши

лошади ступали неслышно по сырому лугу. Въ долину гремѣла *la musique des grenouilles*.

Луна выглянула краешкомъ изъ-за темнаго гребня горы, слегка позолоченнаго ею, когда мы уже подъѣзжали къ Байдарамъ; потомъ спряталась опять и больше не показывалась.

Я увидѣлъ ее нѣсколько времени спустя, когда, отдавъ лошадь, шелъ на мою ночевку. Въ хатѣ пылалъ каминъ, и многое множество тюфяковъ висѣло на постели.

Предупредительный геній, который заглаживалъ для меня въ время каминны, кормилъ и подковывалъ мою лошадь, прислалъ ко мнѣ утромъ самоваръ, чтобы я напился чаю по-русски, тотчасъ какъ встану.

II.

Мы ѣдемъ въ Главную квартиру Французской арміи. — Балаклава. — Движеніе Европы. — Кадыкѣй. — Главная квартира Англійской арміи. — Севастополь вдали. — Главная квартира Французской арміи. — Офицеры Главнаго штаба. — Фотографъ. — Обѣдъ у генерала Мартенпре. — Севастополь. — Камышъ. — Театръ. — Шово. — Георгіевскій монастырь. — Опять Камышъ и театръ. — Ночевка въ Камышѣ. — Возвращеніе. — Обѣдъ въ Кадыковѣ. — Мекеніева гора. — Бахчисарай.

—

Когда на другой день я пришелъ къ полковнику, онъ уже былъ одѣтъ и готовъ въ путь. Мы рѣшили отправиться въ Главную квартиру, о чемъ переговаривали еще съ вечера. Капитанъ Давнѣ былъ уже въ своемъ неизмѣнномъ мундирѣ, составлявшемъ для него все: шинель, блузу, что угодно. Никто не выдвигалъ его въ другой костюмъ. Оттого вполеты, совершившіе полную кампанію, выдавшіе Алжиръ, сильно потерялись и полиняли; а красныя брюки получили бурый отливъ. Не знаю почему, я скоро полюбилъ этого человѣка. Какъ всѣ

богатыри, онъ былъ кротокъ и смиренъ, и самое лице его показывало прямоту и добродушіе. Говоря, онъ имѣлъ привычку немного улыбаться, что придавало ему особенный оттѣнокъ какого-то беззаботнаго веселья и спокойствія.

Въ комнатѣ, назначенной для заѣзжихъ странниковъ, гдѣ провелъ ночь и Давлѣ, стоялъ уже готовый завтракъ. Осѣланные лошади топотали на дворѣ. Мы закусили и отправились вчетверомъ: полковникъ, капитанъ, Пинш и я. Кромѣ того съ нами поѣхало двое провожатыхъ Татаръ, одинъ обыкновенный, деревенскій, въ чекменѣ, а другой смотрѣль нѣсколько особенно и былъ въ черномъ сюртукѣ; дорогой, иногда, равнялся безъ церемоніи съ нами, умѣлъ говорить изрядно по-русски и даже отпускалъ нѣкоторыя французскія слова: *voilà, à droite, à gauche*, и въ родѣ этого. Другой Татаринъ тоже говорилъ по-русски, но не отпускалъ французскихъ фразъ.

Мы ѣхали сначала по той самой дорогѣ, откуда прибыли съ полковникомъ, но потомъ взяли влѣво, черезъ горы, направляясь къ дачѣ Перовскаго ¹⁾, расположенной на высотѣ, въ густомъ когда-то лѣсу, и смотрѣвшей сверху на всю Байдарскую долину. Мѣсто этой дачи, безъ сомнѣнія, было самое лучшее изъ всѣхъ, занятыхъ деревьями. Всѣ онѣ лежали ниже ея. ✓

Поднимаясь въ гору, мы встрѣтили нѣсколько муловъ, навьюченныхъ прессованнымъ сѣномъ. Они шли съ дачи, гдѣ у Французовъ и Англичанъ были склады фуража. Когда мы поровнялись съ домою, оставшимся въ сторонѣ налѣво, я увидѣлъ около него довольно большую толпу народа: синихъ Французовъ въ краевыхъ фескахъ, красныхъ Англичанъ и разную

¹⁾ Само собою разумѣется, что это другая дача, а не та, куда мы хотѣли ѣхать съ Пинш наканунѣ.

сѣсь въ блузахъ и курткахъ. Все это двигалось съ мулами и лошадьми, принимало сѣно, ячмень, вѣшало, навьючивало. Окрестный крупный лѣсъ сильно пострадалъ и разрѣдѣлъ. Это почти единственное мѣсто, гдѣ позволено было рубить. Капитанъ и полковникъ сами замѣтили мнѣ это опустошеніе.

— Бывало, отсюда за лѣсомъ не видишь долины, а теперь смотри въ нее сколько хочешь, окавалъ Давнѣ.

Пробѣжавъ еще немного въ гору, мы стали спускаться въ новую долину, меньше Байдарской, но тоже довольно красивую. Внизу лежала небольшая деревня. Вправо, по ущелью, заворачивала широкая каменная дорога въ Севастополь, носившая имя *Воронцовской*.

Когда мы поднялись на слѣдующую высоту, — Богъ знаетъ гдѣ, нарисовались туманныя скалы Мекензіева спуска, и потому заблѣлѣли Федухины горы, устѣяныя палатками. Сообразивъ мѣстность, я отличилъ подъ Мекензіевой горой узкую полоску: это была дорога, по которой мы съѣзжали 4-го августа.

— Вы отсюда видите Мекензіеву гору, сказалъ мнѣ капитанъ Давнѣ.

— Даже вижу дорогу, по которой я нѣсколько разъ спускался и подымался въ день битвы на Черной, и по которой прошла часть нашихъ войскъ.

— Вы думаете, что эта полоса — ваша дорога? сказалъ капитанъ: — нѣтъ, я вамъ покажу, гдѣ вы спускались. Дайте пробѣхать еще версты двѣ-три.

Полковникъ взглянулъ и сталъ держать сторону капитана.

Оба они ошибались. Ясно было, что они не знали, откуда мы подошли къ Черной рѣчкѣ. Разумѣется, ихъ ошибку я могъ сообразить послѣ, а не въ ту минуту, когда мы вѣдали. Тогда я и самъ не зналъ навѣрное, угадалъ ли я спускъ, или нѣтъ. Расстояніе было очень велико — верста десять; горы пере-

путывались, и всякая трещина могла показаться за дорогу. Но я нарочно замѣтилъ: очертивъ утесовъ, все время глядя на нихъ, пока мы шли въ высоту, и впоследствии, через три дня, повѣрять себя, когда возвращался по этой дорогѣ въ Балчисарай.

Больше и больше открывался намъ былии Фодухины горы, отличныя отъ всѣхъ другихъ по своему цвѣту. Правѣе показались нѣсколько зеленѣющихъ холмовъ, знакомыхъ мнѣ по битвѣ 4 августа. Они срисованы у меня въ бумажникѣ, но только съ той стороны. Потомъ все это спряталось: мы спустились въ долину и повернули влево. Передъ нами явился лагерь — не лагерь, деревня — не деревня: скорѣе всего это походило на рядъ какихъ-то фабрикъ или заведеній, на какую-то чистенькую, правильно построенную колонію. Домики, или, проще, балаганы, были изъ досокъ и выкрашены бѣлой краской. Почти передъ каждымъ былъ разведенъ небольшой садикъ, огороженный желѣзными обручами, оставшимися отъ прессованнаго сѣна. Въ садикахъ росли разные овощи и подымались деревья, вѣроятно, пересаженные изъ лѣсовъ. Между балаганами и еще кое-гдѣ по горѣ видѣлось нѣсколько палатокъ. Я насчиталъ шестьдесятъ балагановъ и двадцать палатокъ. Красные мундуръ и черныя шапочки безъ козырька, мелькавшія тамъ и тамъ, показали, что эта деревенька или лагерь принадлежитъ Англичанамъ. Навстрѣчу намъ по дорогѣ шли и бѣжали Англичане; рѣдко попадались Французы. Немного дальше мы увидѣли еще такой же лагерь; но тутъ были Англичане и Сардинцы, — Англичане къ краснымъ, Сардинцы въ сѣрыхъ шинеляхъ, подпоясанныхъ кожаными глязовыми кушакомъ, и въ киверахъ, подобіе французскихъ. Они выглядывали изъ насъ изъ своихъ балагановъ. Иные сидѣли и лежали на скамьяхъ и занимались чтеніемъ газетъ. Я насчиталъ въ этомъ лагерѣ семьдесятъ балагановъ и тридцать палатокъ. Только балаганы

Сардинцевъ отличались отъ англійскихъ тѣмъ, что были нѣсколько приземистѣе и выкрашены строй краской.

— Можетъ быть, вы и не думаете, что мы уже почти въ Балаклавѣ? сказалъ мнѣ Бодуень.

— Не думаю, отвѣчалъ я: — потому что привыкъ воображать Балаклаву на берегу моря; а гдѣ жь тутъ море?

— Оно за этими скалами; два шага отъ насъ.

Мы поднялись на послѣднюю высоту, коронованную страшной батареей съ великолѣпнымъ ровомъ. Въ ближайшую амбразуру глядѣло на насъ мѣдное орудіе, подлѣ котораго стоялъ англійскій часовой. Дорога, отличное шоссе, повернула вправо, надъ глубокимъ оврагомъ, покрытымъ кустами, на двѣ котораго влился ручей. Нѣсколько Французовъ и Англичанъ, чуть замѣтныхъ, какъ муравьи, полоскали въ немъ рубашки, развѣсивъ свои цвѣтистые мундиры на кустахъ. Въ началѣ оврага, у дороги, накиданы были страшныя кучи красныхъ жестяныхъ коробокъ и разбитыхъ бутылокъ, вмѣстѣ со всякимъ соромъ. Жестяныя коробки — это остатки герметически закупоренныхъ обѣдовъ, изготовленныхъ тамъ, далеко, на туманныхъ берегахъ *старой* Англій.

Еще ближе подвинулись къ намъ Федуиныя горы. Я увидѣлъ еще нѣсколько лагерей. Капитанъ простился съ нами и поѣхалъ прямо, а мы, обогнувъ батарею, повертели вълѣво и стали спускаться. Изъ-за темныхъ скалъ, внизу, выглянулъ клочокъ бухты... Опять балаганы и палатки; немного правѣе опять и опять. Вдали, на высотахъ и въ лощинахъ, новыя кучи балагановъ, домиковъ, палатокъ... Я уже не могъ считать.

Между тѣмъ, мы спускались узкою тропинкой по каменнымъ уступамъ. Пшѣ и Татары слѣзли съ лошадей, а потомъ слѣзъ и я и повелъ лошадь въ поводу. Было очень круто и скользко. Одинъ удивительный конь полковника, *petit cheval noir*, могъ

спускаться безопасно по этой кручи и гудамъ камней. Внизу, подъ нами, показалась Балаклава, на берегу узкой бухты: улицы, полныя народомъ, коннымъ и пѣшимъ; дѣло шло, выступавшій налѣво изъ-за домовъ, и вдали море. Противоположный берегъ шестъ крутымъ уступомъ, подобно тому, по которому мы спускались. Мы внезапно очутились въ городѣ, какъ-то вдругъ. Меня оглушилъ шумъ его дѣятельности; разнообразное населеніе запестрило въ глаза. Тутъ рѣшительно переваливаешься въ Европу. Англичане въ разныхъ мундирахъ, голубяго Шотландцы, французскіе офицеры и солдаты, Сардинцы, наконецъ купцы, или кто ихъ знаетъ, кто такіе, въ сюртукахъ и черныхъ шляпахъ, фабричныя работницы въ блузахъ, въ рубашкахъ, въ картузахъ, въ колпакахъ, въ фескахъ, лошади, мулы, огромныя фуры, тѣшко гремѣвшія по улицамъ, — все это двигалось, какъ будто по знаву, спѣшно, суетно. Ничего русскаго не замѣтилъ я въ Балаклавѣ. Я едва успѣлъ бросить взглядъ на Генуевскую башню, съ остатками стѣны, которая завершала лѣвый гребень горъ. На ней стоялъ шестъ съ протянутыми веревками; нѣже, къ бухтѣ, была другая такая же башенка, и на ней также торчалъ шестъ и протянуты были веревки¹⁾. Верхняя башня, какъ мнѣ сказали, принадлежитъ Англичанамъ, а нижняя Сардинцамъ. Едва я бросилъ взглядъ на все это, какъ меня опять увлекъ водоворотъ европейской суеты. Мы поѣхали направо по улицѣ. Я замѣтилъ каменный заборъ какого-то трактира, обложенный по краю рядомъ бутылокъ, смотрѣвшихъ къ намъ донышками. Бутылки были выкрашены бѣлой краской, и кружки ихъ донышекъ казались издали рѣзбою. Направо, въ полугорѣ, шли какія-то фабрики, огороженныя перилами, на которыхъ сидѣли румяные, здоровые ребята въ курткахъ, въ рубашкахъ и въ синихъ колпа-

¹⁾ Въ Севастоп. Альбомѣ рисунокъ 18-й.

какъ. Почти все были рыжіе и, разумеется, говорили по-английски. Еще дальше начинались рельсы желѣзной дороги. Тутъ опять возналось нѣсколько рыжихъ, румянолицыхъ работниковъ. Копаали гору, глиняную, рыжую, какъ и сами, и сыпали землю и камень въ плоскую тележку, которая стояла на рельсахъ. Это была новая желѣзная дорога, не существовавшая во время войны и только-что начатая.

— Для чего они ведутъ эту дорогу, когда имъ здѣсь не долго оставаться? спросилъ я у Пинда.

— Да вотъ подите! отвѣчалъ онъ: — стало быть, находить выгоднымъ. Повѣрите, что они не даромъ это дѣлаютъ и не дадутъ промаха. Въдъ имъ пропасть надо увозить.

Рельсы этой дороги соединялись со старыми, которые шли съ той стороны бухты, пересѣкали шоссе въ концѣ города и направлялись къ английскимъ лагерямъ, держась, сколько можно было замѣтить, къ 3-му бастиону. Мы подъѣхали къ этому соединенію рельсовъ, какъ вдругъ намъ закричали, что идетъ машина. Я взглянулъ: съ лѣвой стороны, пыля и дымя, валялъ паровозъ. Наши лошади заматались; но паровозъ быстро пролетѣлъ передъ нами, и мы могли ѣхать дальше. Только-что успокоились наши лошади, какъ вдругъ еще паровозъ справа, изъ лагерей, почти навстрѣчу! А тутъ, по шоссе, длинный цугъ вислоухихъ муловъ, запряженныхъ пѣлями въ огромную фуру, которая везла цѣлую гору всякой всячины: желѣзныхъ полосъ, пушечныхъ станковъ, бревенъ... потомъ всадники и пѣшіе, — и все это скакало и какъ будто куда-то спѣшило.

Городъ кончился. Последнее зданіе направо была какая-то длинная фабрика, за глубокой канавой, вырытой для шоссе, куда я чуть-чуть не влетѣлъ съ лошадью, по милости паровоза. Нѣкоторые окна фабрики были открыты, и я замѣтилъ жужжавшія и вертѣвшіяся колеса... затѣмъ маленькій промежутокъ: право не помню, чтò такое. Нѣтъ никакихъ средствъ

одному человеку удержать въ памяти все, что онъ увидать въ проѣздъ отъ Балаклавы до Казыма. . . Потомъ я замѣтилъ сардинскаго часового на какомъ-то возвышеніи; была виднаго-то ограда; торчала странная будка; составленная изъ двухъ бочекъ, у которыхъ выбиты два дыра. Это направо; а навѣво мелькнуло нѣсколько деревянныхъ стоекъ. Я прочелъ надпись на итальянскомъ языкѣ: *Главная квартира сардинской арміи*. Передъ домиками стояло пять-шесть большихъ фуръ, тоже съ надписями на итальянскомъ языкѣ. При нихъ ходилъ часовой. Гдѣ-то тутъ же, въ сторонѣ, на площадкѣ, видѣлось нѣсколько нашихъ пушекъ, опѣленныхъ чугунной рогаткой. Немного дальше, въ полѣ, и опять направо, стояли безчисленные ряды запасныхъ чугунныхъ колесъ, а за ними, вдаль, какъ и прежде, Бемеллины горы, строй лента желѣзной дороги, безконечные лагеря и далеко-далеко море, съ мысомъ Улуколомъ.

Мы проѣхали нѣсколько шаговъ. Навѣво пошли опять балаганы, служившіе лавками. Потомъ и направо пошли такія же лавки, въ перемежку съ ресторанами. Въ лавкахъ продавались сѣдла, уздечки, всякая сбруя, разная провизія, вина. Въ одномъ магазинѣ, за свѣтлыми стеклами, мелькнули ряды часовъ и золотыхъ цѣпочекъ и надпись: «*Horloger*». Многія надписи были по-французски. Выѣзка шла за выѣской. Вотъ ресторанъ *Королевы Викторіи*: длинный зеленый домъ, съ бильярдомъ посрединѣ. У дверей Татарчаты держали овицперскихъ лошадей, какъ и у насъ въ Бахчисараѣ. По лѣвую сторону дороги, передъ лавками, шелъ навѣсъ на деревянныхъ столбикахъ, подъ которымъ продавалась всякая мелочь: висѣли чулки, перчатки, платки. Необыкновенное множество народа толпилось около этого навѣса. Я увидѣлъ нѣсколько русскихъ солдатъ, которые покупали что-то такое. Это мѣсто, эта улица лавокъ называлась *Кадыкѣй*, по имени деревни, лежавшей неподалеку. Мы проѣхали потомъ и эту деревню. Направо

осталась русская каменная церковь. Затѣмъ еще мелькнуло нѣсколько балагановъ. Мы поднялись на гору. Балаклава скрылась. Мы вѣли съ версту въ чистомъ полѣ... не то, чтобы въ полѣ, но гдѣ уже не было балагановъ. Направо, подлѣ шоссе, шла конная желѣзная дорога. Что-то въ родѣ фургона простучало съ горы внизъ, катясь безъ всякой машины. Потомъ мы увидѣли цугъ лошадей, запряженныхъ цѣпами въ большой, открытый фургонъ, наполненный пресованнымъ сѣномъ въ кубикахъ, пуда въ четыре каждый, обтянутыхъ желѣзными обручами. Лошади были сухіе скелеты, съ жохватыми бревнами въ сто ногъ. Я рѣшительно не видывалъ такихъ лошадей. Моя казачья лошадка была въ отношеніи къ нимъ настоящимъ жеребенкомъ. Потомъ опять мулы, лошади, солдаты, офицеры... Вотъ сѣрый досчатый балаганъ, направо отъ дороги, съ надписью по-англійски: *Полицейскій домъ № 5*. Подлѣ ходилъ полицмейстеръ, въ красномъ мундирѣ, въ черной шапочкѣ. Вотъ летитъ англійскій солдатъ верхомъ на мулѣ, безъ сѣзда и стремянъ; мулъ брыкается и задомъ и передомъ... Вотъ два грязныхъ Турка, въ высокихъ чалмахъ, въ бѣлыхъ испачканныхъ шароварахъ. Вотъ нѣсколько французскихъ офицеровъ проскакали шибко на бойкихъ лошадяхъ... Какой-то англійскій генералъ, въ синемъ сюртукѣ и въ синей фуражкѣ съ золотымъ околышемъ, промчался на куцомъ статномъ конѣ, припрыгивая на сѣдлѣ по англійской методѣ ѣздить; за нимъ два адъютанта, въ такихъ же сюртукахъ и съ такими же золотыми околышами на фуражкахъ и съ той же припрыжкой на сѣдлахъ... Вотъ идетъ отрядъ голоколѣнныхъ Шотландцевъ, въ странныхъ пестрыхъ юбкахъ, напередѣ которыхъ болтаются пороховыя горскія сумки, съ тремя черными хвостиками; мундиръ тотъ же красный, пѣхотный, который не совѣтъ идти къ юбкамъ и голымъ колѣнямъ. Да не подумаютъ читатели, что колѣни только кажутся голыми, а въ самомъ дѣлѣ обтя-

нуты въ трико: нѣтъ, онѣ голы совершенно, какъ руки. На головахъ Шотландцевъ свѣтъ черныя страусовыя перья. Бравый народъ!.. Огромный складъ сѣня показалея направо... Вотъ гремѣтъ длиннѣе; въ ономѣ мелькнули наши стрѣлы шинели... Вотъ двуглазая шагомъ пять-шесть муловъ, у которыхъ не бѣеши шелье вьюки; родъ двухъ кресель, гдѣ сидятъ два солдата; а у иныхъ не кресла, а постели, и на постеляхъ тоже солдаты: это большыя. Желѣзныя постели покачиваются на пружинахъ, а мулъ идетъ себѣ да идетъ, какъ будто одиень, и, кажется, не думаетъ о своей ношѣ... Англійскій драгунъ на статномъ конѣ пробѣжалъ шагомъ. Красивая форма! шитый золотомъ мундиръ, какъ у гусара; на головѣ мохнатый киверъ съ бѣлымъ помпономъ; вмѣсто чешуекъ золотая широкая цѣпочка. Вотъ налѣво нѣсколько большихъ турецкихъ палатокъ. Грязныя Турки сидятъ въ кучкѣ. Не разберешь, гдѣ солдаты, гдѣ офицеры... да и есть ли тутъ офицеры? Звучитъ что-то въ родѣ гитары, и раздается пѣсня... Я взглянулъ направо, подъ гору внизъ: на одной равнинѣ, между лагерями, происходилъ смотръ англійскихъ войскъ; но это было очень далеко. Съ трудомъ отличалъ глазъ красныя ряды мундировъ. Кучи народа гѣснелись кругомъ, какъ черная рамка. Видно было разставленную цѣпь полисменовъ, которые удерживали натискъ толпы... Мы ѣдемъ дальше. Я увидѣлъ налѣво, опять подлѣ какихъ-то балагановъ и загородокъ, кружащихъ муловъ, одинъ за другимъ, шагомъ. На мулахъ сидѣли всадники въ разныхъ костюмахъ: въ блузахъ, курткахъ, въ большихъ шляпахъ, въ шапочкахъ. Странно было видѣть это круженіе. Всадники безмолвно поглядывали на насъ и, судя по выраженію лицъ, были совершенно равнодушны къ такому препровожденію времени.

— Что это такое? спросилъ я у Пинд.

— Это проминаютъ муловъ, которые не были сегодня въ работѣ: имъ нуженъ моціонъ.

Чѣмъ ближе подвигались мы къ Главной квартирѣ, тѣмъ болѣе стало встрѣчаться лагерей, и вотъ налѣво открылся *большой французскій лагерь*, занимавшій огромное пространство. Кучки солдатъ въ шинеляхъ видѣлись между палатками. Немного далѣе, направо, показалась *Главная квартира англійской арміи* — чей-то помѣщичій домъ, каменный, въ одинъ этажъ, окруженный балаганами и палатками ¹⁾. Нѣсколько деревьевъ выглядывало изъ-за строеній. Потомъ пошамъ отдѣльныя группы домиковъ и палатокъ, съ садиками и огородами. Иногда подлѣ домиковъ сидѣли офицеры. Мы всегда кланялись другъ другу.

— Еще верста впередъ, и появилась Севастополь — узкая линія строеній, едва выступавшихъ изъ-за плоскаго холма. Я долго глядѣлъ туда съ неизъяснимымъ чувствомъ и долго не видалъ ничего кругомъ, кромѣ этой желтенькой полоски строеній...

Потомъ открылся Камышь и корабли... а по шоссе, гдѣ мы ѣхали, все мчались и мчались всадники и экипажи, двигались мулы и кибитъль народъ...

— Вотъ мы и дома! сказала полковникъ.

По лѣвую руку отъ дороги явилась *Главная квартира французской арміи* — нѣсколько домиковъ, образующихъ въ серединѣ улицу, обсаженную деревьями, палатокъ, конюшенъ и досчатыхъ заборовъ ²⁾. Почти у всякаго дома былъ маленькій огородъ, окруженный желѣзными обручами, врытыми до половины въ землю. По улицѣ, похожей на бульваръ, ходили нѣсколько офицеровъ, принадлежавшихъ къ штабу маршала. Больше никто не можетъ ходить по этому проспекту, исклю-

¹⁾ Въ Севастоп. Альбомъ рисунокъ 19-й.

²⁾ Тамъ же рисунокъ 20-й.

чая лицъ, входящихъ право въ кабинетъ маршалу. Въ началѣ и въ концѣ проснента стояли часовые.

Домикъ маршала былъ срубъ же, деревянный, трехъэтажный, ограбленный стѣной дранной, и радомъ съ нимъ другой, наменный — обѣденная зала маршала. Подлѣ этого дома возвышалась банька, съ часами наверху.

Мы объѣхали все это кругомъ и остановились у удобнаго деревяннаго домика съ парусиной крышей, вымазанной дегтемъ, и отдали лошадей. Полковникъ ввелъ меня въ домикъ и представилъ хозяину его, майору Бертò, своему школьному товарищу, человѣку самыхъ изящныхъ манеръ и весьма пріятной наружности. Я рассмотрѣлъ подробно его жилище. Стѣны были оклеены бумажными обоями; небольшой столикъ загроможденъ журналами и газетами; надъ нимъ висѣлъ на стѣнкѣ фотографическій портретъ жены Бертò, рѣдкой красавицы. Лѣвѣ, въ углу, на томъ же столѣ, стоялъ старый русскій образъ Трехъ Святителей, писанный на доскѣ. У окна былъ чугуновый каминъ съ трубой, проведенной наружу. У стѣны, противоположной входу, стояла желѣзная кровать съ пологомъ. Еще два-три желѣзные стула, да на стѣнѣ, противъ окна, двѣ казачкія шашки и нагайка — вотъ и все. Я заглядывалъ поодѣ и въ другіе домики: они все походила на этотъ.

Полковникъ мой, бѣгавшій повидаться кое съ кѣмъ изъ товарищей, воротился къ намъ и предложилъ мнѣ представиться начальнику штаба. Я сбросилъ шинель, надѣлъ шпагу, и мы отправились.

Начальникъ штаба, генералъ-лейтенантъ Мартемпрè, проводилъ большую часть дня въ палаткѣ, подлѣ которой находился и домъ его: гдѣ онъ только обѣдалъ и отдыхалъ. Отъ Бертò это было въ пяти шагахъ. Мы вошли въ палатку. Генералъ занимался стоя у конторки. Это былъ высокій и прямой мужчина, лѣтъ пятидесяти слѣшкомъ, острѣженный очень плотно.

Лицо его было строго и сурово, но получало пріятное выраженіе, когда онъ улыбался. На немъ былъ сюртукъ съ эпюлетами и аксельбантъ, какъ и у всѣхъ, состоящихъ при штабѣ.

Онъ обернулся къ намъ, сказалъ нѣсколько словъ, благодарилъ меня за полковника и пригласилъ насъ обоихъ обѣдать.

Тѣмъ кончилось представленіе. Мы пошли къ себѣ, въ каменный домикъ въ два окна, съ крышей безъ потолка и съ каминомъ въ одной стѣнѣ. Между окнами стояли столъ и два стула. Больше ничего не было. Этотъ домикъ принадлежалъ какому-то полковнику, уѣхавшему въ Парижъ, и былъ выстроенъ вновь. Впрочемъ, кажется, на мѣстѣ Главной французской квартиры не было прежде никакихъ строеній. Все создано вновь.

— Вотъ мы гдѣ будемъ жить, сказалъ мнѣ полковникъ и убѣждалъ.

Я провелъ довольно скучныхъ полчаса или часъ, не зная, что дѣлать, какъ всегда бываетъ на новомъ мѣстѣ, покуда не приладившись къ новымъ порядкамъ. Наконецъ я вышелъ и сталъ глядѣть на палатку Мартемпре, которая была отъ меня въ нѣсколькихъ шагахъ. Генералъ часто звонилъ въ колокольчикъ, висѣвшій снаружи, и всякій разъ, на его звонъ, бросался откуда-то сзади, сломя голову, солдатикъ, молодой парень, и бѣгомъ вбѣгалъ въ палатку, потомъ выскакивалъ и бѣжалъ куда-нибудь съ бумагой. Иногда онъ не добѣгалъ до назначеннаго мѣста, какъ звонокъ раздавался опять, и солдатикъ летѣлъ назадъ, также сломя голову. Шаллѣ ли этотъ парень, или, въ самомъ дѣлѣ, требовалась такая быстрота, умъ я не знаю.

Иногда начальникъ штаба выходилъ изъ палатки самъ и направлялся скорыми шагами къ домику маршала и потомъ также скоро возвращался въ палатку.

По дорожкѣ и между домами часто проходили офицеры, въ

сюртукаль или въ курткахъ, штыкъ свурками. Эти куртки приняты въ штабъ и составляютъ родъ формы. Изъ носить, впрочемъ, только молодые офицеры, походя тогда на гусаровъ.

Полковникъ воротился и предложилъ мнѣ пойдти познакомиться съ некоторыми офицерами штаба.

Мы вошли въ домикъ рядомъ съ Бертò, сложенный на живую нитку изъ дранн и крытый остатками старыхъ палатокъ, вымазанныхъ дегтемъ. Это была обѣденная комната Бертò, двухъ капитановъ, одного полковника, прѣхавшаго снимать панораму Севастополя и окрестностей, человека, известнаго всей Франціи своими военными панорамами, и, въ заключеніе, его помощника-фотографа, господина съ большими черными волосами, съ живыми глазами, говорившаго необыкновенно быстро. Онъ имѣлъ внешность артиста, одѣтъ былъ въ черномъ пальто, а иногда являлся и въ блузѣ. На ногахъ у него были штифлеты и башмаки, подкованные гвоздями.

Все эти лица уже собрались въ своей обѣденной залѣ. Столъ былъ накрытъ. За перегородкой вѣсилъ человекъ, звеня посудой. Комната смотрѣла внутри точно такъ же, какъ и снаружи: таяя же доски, ничѣмъ не обитыя и не окрашенныя. На перегородкѣ висѣла литографія, изображающая *Встрѣчу въ лесу*, много разъ видѣнная мною въ Россіи.

Я сейчасъ познакомился съ обществомъ офицеровъ и съ фотографомъ, который, послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора, просилъ меня взглянуть на снятые имъ виды, чтобы я ему объяснилъ, что это такое.

Мы перебѣжали отъ дома къ дому, отворили дверь и очутились въ совершенныхъ потьмахъ. Фотографъ ввелъ меня ощупью за какую-то перегородку и зажегъ свѣчу. Я увидѣлъ фотографическіе препараты, баночки, пузырьки, тарелки, блюда. Запахъ іода ударилъ мнѣ въ носъ. Хозяинъ этого кабинета

чеснаго обиталища досталаь откуда—то родъ блюда съ крышкой, которую приподнялъ, и началъ вынимать со дна изъ воды фотографическіе рисунки.

— Напримѣръ, это что такое? спросилъ онъ, расправляя рисунокъ передъ свѣчей на свѣтъ.

— Это Михайловскій соборъ!

«La cathédrale de St.-Michel. Bien!... а это?»

— Въ этомъ домѣ жилъ графъ Остенъ-Сакенъ до переезда въ Николаевскую батарею.

«Bien, c'est la maison du comte de Sakine!... а это что?»

— Я, право, самъ не знаю: эта башенка стоитъ на Екатерининской улицѣ, неподалеку отъ адмиралтейства. Прежде были здѣсь часы, которыхъ я не вижу...

«Bien, c'est l'horloge de l'amirauté?... а это?»

— Это домъ какого-то частнаго человѣка: я не знаю.

— Вы не можете припомнить?

— Я никогда не зналъ, чей это домъ, да и не видывалъ его.

— Bien, c'est une maison inconnue!... а это что такое?

— Это Графская пристань. Графъ — по вашему comte.

— Bien, c'est le port du comte!»

Мы просмотрѣли такимъ образомъ еще рисунокъ съ десятокъ, и живой Французъ непремѣнно давалъ каждому какое нибудь имя, подхватывая слова мой налету, не давая кончить. Кто-то постучалъ — онъ быстро убралъ блюдо съ рисунками, накрывъ его крышкой, и побѣжалъ отворять дверь. Вошелъ Берто. Дверь снова была заперта, блюдо явилось изъ мрака, и онъ показавъ рисунки майору, уже называя ихъ именами, скоро, не задумываясь, какъ будто онъ съ ними свѣжся давнымъ-давно. Потомъ опять все захлопнулось и убралось, и мы пошли въ обѣденную залу. Тамъ уже закусывали.

— Намъ также пора, сказалъ мнѣ полковникъ: — пойдемъ!

— Завтра, надеюсь, мы будемъ обѣдать вѣстовъ, сказалъ мнѣ Берто.

Мы вышли съ Бодуеномъ и черезъ минуту были въ обѣденномъ домикѣ начальника штаба. Домикъ состоялъ изъ двухъ комнатъ: въ передней, ближайшей ко входу, обѣдали, а въ другой была, какъ кажется, спальня.

Мы сѣли за круглый столъ впятеромъ: начальникъ штаба, его помощникъ ¹⁾, полковникъ Жаррасъ; дежурный штабъ-офицеръ ²⁾, майоръ Бомонтъ, — обѣдающіе постоянно у начальника штаба — Бодуенъ и я. Обѣдъ былъ славный, съ дикой козой и особенно съ удивительной говядиной, нѣжной, какъ пухъ. Въ промежуткахъ шла зеленъ, въ разныхъ видахъ. О достоинствахъ винъ и говорить нечего.

Начальникъ штаба спросилъ меня во время обѣда, откуда мы взяли такія страшныя бревна, изъ которыхъ былъ построенъ мостъ съ Южной стороны на Сѣверную.

Я отвѣчалъ, что зналъ о происхожденіи этихъ дѣйствительно гигантскихъ бревенъ, которыми мы заглали море на версту въ длину.

— Удивительный мостъ, сказалъ генералъ Мартемпре.

— И выстроенъ былъ довольно скоро, ваше превосходительство: въ 15 дней, подъ громами трехъ нашихъ батарей.

— Да, онъ росъ въ нашихъ глазахъ съ баснословной быстротою. Помните, Жаррасъ, какъ мы считали съ вами каждый вершокъ. А куда вы дѣли послѣ эти бревна? спросилъ онъ опять у меня: — мы на другой день не нашли ничего въ бухтѣ.

¹⁾ Sous-chef de l'Etat-Major.

²⁾ Officier de service.

Въроятно, этотъ разговоръ былъ затѣянъ съ умысломъ; но мнѣ всетаки было пріятно. Построеніе и уборка моста, дѣйствительно, были славнымъ дѣломъ. Я сейчасъ увидѣлъ передъ собою русскаго человѣка, способнаго на такія вещи, которыя не знакомы другимъ народамъ, хотъ они на взглядъ и подвижнѣе его и ведутъ вѣчно хлопотливую жизнь. Разница въ томъ, что у нихъ есть предѣлъ, есть мѣрка, а русскій человѣкъ лежать-лежитъ, да вдругъ махнетъ версту пятисотную... Я сказалъ весело:

— Не знаю, ваше превосходительство, куда убрали мостъ, потому что въ это время былъ на Инкерманѣ, за шесть верстъ отсюда, но знаю, что русскій человѣкъ спрячетъ въ одну ночь три такіе моста, и больше, лишь надо умѣть ему приказать.

— Ну, а что подѣлываетъ вашъ генералъ д'Отмаръ? спросилъ Мартелпре, обращаясь къ Бодуену: — все охотится?

Разговоръ принялъ другое направленіе. Мы сидѣли за столомъ два часа. Потомъ все тотчасъ разошлись. Мы съ полковникомъ нашли въ своемъ домикѣ приготовленныя постели. Къ нему прибылъ мулъ съ его багажемъ: двумя ящиками, о которыхъ я уже говорилъ, и которые имѣли каждый по двѣ скобки сбоку: на скобкахъ-утверждались двѣ палки съ холстиной, родъ носилокъ, в это составляло преисправную кровать. Въ головѣ шинель, что-нибудь такое, одѣяло въ ящикѣ — ложись, солдатъ, и спи! и итъ съ тобой никакихъ повозокъ и фуръ, и ходишь ты по всевозможнымъ дорогамъ и во всякое время года!... Французы не понимаютъ, отчего мы не заведемъ себѣ муловъ, когда это такъ удобно.

Моя постель была импровизована изъ кучи какихъ-то тюфяковъ и накрыта бѣлымъ, блестящимъ, какъ серебро.

Мы сейчасъ улеглись. Ковчѣ полковника, прибывшій съ муломъ, небольшой картавий человѣчекъ, въ холстинной блузѣ и фескѣ, явился съ дровами и затопилъ каминъ; но я его про-

клялъ: камень, очень красивый снаружи, былъ устроенъ дурно и дышалъ. Впрочемъ, мы скоро заснули, и заснули хорошо.

Вставъ утромъ часовъ въ 7, я уже не нашелъ полковника въ комнаткѣ. Сапоги мои были вычищены, платье также. На столѣ стояли тазъ и рукомойникъ. Я всталъ и умылся по французски, самъ, плескаясь въ тазу и выливая за окно воду. Потомъ... разумѣется, захотѣлось чаю; но его пельзя было устроить. Я пошелъ прогуляться, захвативъ на случай и портфель. Я имѣлъ позволеніе пачальника штаба рисовать все, что мнѣ вздумается. Главная квартира была уже на ногахъ. Лагери также проснулись. Тамъ и сямъ гремѣли барабаны.

Я пакнулъ очеркъ домика Пелиясье, съ окружающими его строеніями. Никто ко мнѣ не подходилъ и не спрашивалъ, что я дѣлаю. Часовъ въ 11 я воротился домой и нашелъ полковника за чтеніемъ руанской газеты и писемъ. Мы отправились завтракать въ обѣденную залу Бертэ и его товарищей.

— Хотите куда-нибудь ѣхать? спросилъ меня Бодуенъ послѣ завтрака: — лошади и проводникъ къ вашимъ услугамъ.

— Вы знаете, куда я прежде всего хочу ѣхать. Спрашивать нечего. Веляте подавать лошадей.

— Вы хотите видѣть Севастополь; но я долженъ васъ предупредить, что вы найдете однѣ грустныя развалины.

— Что бы я ни нашелъ, я все-таки хочу его видѣть, и видѣть какъ можно скорѣе.

Мнѣ подвели лошадь. Лишѣ и проводникъ-Татаринъ отправились со мною вмѣстѣ.

Мы ѣхали довольно быстро мимо лагерей и какихъ-то отдѣльныхъ палатокъ, перемежающихся съ багаганами. Намъ стали попадаться русскія ядра и осколки бомбъ. Я никакъ не думалъ встрѣтиться такъ скоро съ моими земляками. Первые ядра увидѣвъ я съ небольшимъ въ верстѣ отъ Главной квартиры

и слишкомъ въ четырехъ верстахъ отъ Севастополя. Потому мы проѣхали двухэтажный каменный домъ Уптена, столько знакомый командирамъ всѣхъ нашихъ батарей праваго фланга. Около него всегда толпились кучи Французовъ и Англичанъ, видный только въ трубу. Сколько разъ дѣляли по немъ съ 4-го, 5 и 6-го бастіоновъ! Одинъ батарейный командиръ увѣрялъ меня, что однажды распугалъ любопытныхъ около этого дома пущеннымъ ловко ядромъ. Я искалъ слѣдовъ пріятельскаго ядра, но не нашелъ ничего. — Потому направо, въ полѣ, мы встрѣтили наши севастопольскія пушки, на лафетахъ и безъ лафетовъ, окруженныя цѣпью рогатокъ. Больше и больше стало попадаться славныхъ русскихъ ядеръ... Наконецъ мелькнули строения города; но я почти ничего не могъ узнать: это были не строения, а массы разрушенныхъ домовъ, безъ крышъ и безъ оконъ; это были желтые, глиняные столбики, торчавшіе изъ земли на огромномъ пространствѣ. Мы проѣхали нѣсколько рядовъ непріятельскихъ траншей, большею частію засыпанныхъ, и очутились передъ заставой, которой я никогда не видалъ во время осады. Направо я узналъ 4-й бастіонъ. Налѣво хотѣлъ угадать 5-й и 6-й, которыхъ казематы были мнѣ столько знакомы, — и что же? я никакъ не могъ ихъ отыскать за грудями камней. Искать известнаго вѣтъ дома Красильникова, чтобы по немъ добраться хоть приблизительно — не нашелъ и его. Какъ остовы мертвецовъ, похожи были другъ на друга разбитыя жилища Севастопольцевъ... Въ самой заставѣ, на площадкѣ, собрались какія-то войска: стояли батальона два въ ружьѣ. Мы проѣхали мимо ихъ и повернули налѣво по Морской. Тѣ же развалины, тѣ же столбики; но между ними, къ удивленію, попадались совершенно цѣлые дома, съ крышами, какъ будто нарочно пощаженыя выстрѣлами и пожаромъ. Такъ странно было ихъ видѣть посреди опустошенія! Притомъ они еще жили: въ нихъ шевелились люди; иногда у воротъ сто-

ялъ часовой. Ясно было, что дома не столько разбиты выстрѣлами и разрушены пожаромъ; свободно расхищены потомъ неприятелемъ. Я самъ на третій день побѣлъ 'одачи, когда утихъ пламень и разсѣялся дымъ; видѣлъ десятки, если не сотни, уцѣлѣвшихъ крышъ: городъ стоялъ какъ будто не погорѣвшій; а тутъ же осталось почти ни одной дощечки. Въ домахъ съ уцѣлѣвшими доньями крышами жила кто-нибудь изъ генераловъ французской арміи: вотъ почему спаслись эти крыши. На иныхъ домахъ я читалъ надписи углемъ: 2-me Corps, 3-me Zouaves... и разныя другія надписи. Вотъ въ переводѣ одна, болѣе удобная: *Говорятъ, что сержантъ Бернаръ не пьетъ водки, а онъ пьетъ всякій день.* Но больше всего было именъ и фамилій.

Я почти ничего не говорилъ съ Пиндъ во всю дорогу, и онъ меня не спрашивалъ, вѣроятно, угадывъ мои чувства. Что толковать о томъ, какъ было грустно... не знаю, что бы я дѣлалъ, чтобъ эти улицы стали опять прежними улицами, полными русскимъ народомъ, хоть бы даже снова загудѣлъ и загремѣлъ Севастополь, пробуждая нашихъ пріятелей, занявшихся расхищеніемъ нашихъ домовъ, шумными славками и каруселями...

Мы проѣхали почти всю улицу. Я взглянулъ вверхъ на памятникъ Казарскаго: онъ уцѣлѣлъ совершенно; но чугунная рѣшетка, окружавшая бульваръ снизу, почти вся исчезла ¹⁾. Нѣсколько ея кусковъ валялось на гранитныхъ плитахъ тротуара. Лѣстница также была разбита... а налѣво, къ морю — Боже мой! — на мѣстѣ, гдѣ стояла громадная Николаевская батарея, бѣжали кучи мусору — и только! Изъ-за нихъ выступалъ противоположный берегъ, прежде не видный. Нѣсколько

¹⁾ Въ какомъ видѣ была тогда эта рѣшетка, можно видѣть въ Севастоп. Альбомѣ, на рисункѣ № 23, — съ краю, направо. Тамъ-же и домъ Собранія, о которомъ говорится немного ниже.

французскихъ солдатъ копались въ мусорѣ и подбирали что-то между камнями. Мы повернули направо, мимо бульвара. Вотъ и Собраніе, — главный перевязочный пунктъ, съ которымъ такъ связано имя Пирогова. Казалось, за этими обожженными стѣнами, безъ крыши и оконъ, тамъ, въ глубинѣ, въ обширной залѣ, сейчасъ увидишь его, въ сѣрой солдатской шинели, изъ-подъ которой выглядываетъ красная фуфайка; на головѣ картузь... онъ сидитъ тамъ безвыходно, у столика, въ сторонѣ, и смотреть, какъ несутъ и несутъ кровавые носилки; иногда подойдетъ къ операционному столу, посмотритъ и опять сядетъ за свой столикъ... тамъ онъ, тамъ, этотъ человекъ въ сѣрой шинели, съ выразительнымъ лицомъ, съ виду суровый и холодный...

Лѣвѣе, на площадкѣ, стоялъ домикъ Государыни Екатерины; но это уже не домъ, а четыре голыя стѣны. Ни крыши, ничего. Уцѣлѣла только часть деревьевъ, окружавшихъ его. Спереди пристроены балаганъ, или, просто, навѣсъ, съ надписью: « Café restaurant »¹⁾). Ямы, оставленныя бомбами на площадкѣ, все тѣ же. Не прибавилось ни одной. Вотъ и Графская пристань! Мы слѣзли съ лошадей и спустились по ступенямъ. Внизу лежала разбитая пушка. Немного дальше валялись два бѣлые куска мрамора, въ которыхъ я насилу узналъ двѣ статуи, стоявшія на пристани, въ вишахъ. Лѣвыя и двѣ другія статуи были нами спасены. Направо, за горами камней, какъ разъ противъ домика, въ которомъ жили офицеры, смотрѣвшіе за пристанью, свалено было множество ядеръ и картечи. Нѣсколько Французовъ хлопотали около какихъ-то бревенъ. Въ Южной бухтѣ двигались англійскія суда. Противоположный берегъ пестрѣлъ народомъ. Морскіе магазины казались цѣлыми. За ними возвышался пустынно Малаховъ, съ вѣвающимъ на немъ

¹⁾ Въ Севастоп. Альбомѣ рисунокъ 24-й.

французским флагомъ; но что-то грустное, молчаливое, какъ смерть, было тамъ, на этихъ валахъ... 1) Северный берегъ чертился передо мною по прежнему: и не заглянулъ въ немъ никакой перемены.

Я хотѣлъ было рисовать; но вѣтеръ, непосный и проливательный, рвалъ изъ рукъ бумагу.

Поднявшись опять на лѣстницу, я пошелъ по Екатерининской улицѣ. Деревья у тротуаровъ были цѣлы; но дома также разрушены. Вѣтъ, бывшимъ въ Севастополѣ во время осады, известно, что скоро, на правой рукѣ, является домикъ, гдѣ жилъ Нахимовъ. Я даже помню номеръ на воротахъ — 14-й. Я едва узнавалъ этотъ домикъ, стоявшій, какъ и другіе, безъ крыши. Я тотчасъ взошелъ по каменнымъ ступенькамъ въ бывшій стеклянный корридоръ и заглянулъ въ дверь: полу не было; я съ трудомъ спустился на груды камней и осмотрѣлъ всѣ комнаты. Въ кабинетѣ остались желѣзные кресла адмирала, разумеется, одинъ остовъ. Ядро зашло въ стѣну. Кое-гдѣ уцѣлѣли обои. Въ гостиной еще не выскочилъ изъ стѣны гвоздикъ, на которомъ висѣла картинка, изображавшая фрегатъ «Крейсеръ». Деревья на дворѣ зеленѣли по прежнему. Подъ окнами, въ небольшомъ садикѣ, выходили изъ земли широкіе листья тюльпановъ, посаженныхъ по приказанію адмирала...

Вотъ домъ Тотлебена... еще дальше — Митрополичье подворье, гдѣ я, бывало, пилъ чай по вечерамъ съ отцомъ Веніаминомъ, священникомъ фрегата «Коварны», когда мы оба возвращались изъ Библиотеки и заходили сюда къ отцу Никандру и другому Веніамину. Виноградъ, росшій у нихъ на дворѣ, пострадалъ отъ огня. Остался только главный толстый стволъ, на этотъ годъ не пустившій зелени... Библиотека глядѣла

1) Въ Севастоп. Альбомѣ рисунокъ 22-й.

сверху по прежнему, конечно, разрушенная, какъ и все, съ упавшей террасой, съ разбитыми и треснувшими стѣнами. Одинокъ Михайловскій соборъ стоялъ невредимъ. Я пошелъ къ нему съ мыслію помолиться. Сколько разъ я молился въ немъ и передъ нимъ, проходя иногда по улицѣ, когда все кругомъ гремѣло и земля колыбалась подъ ногами. Здѣсь мы хоронили нашихъ героевъ... сколько воспоминаній! И я пошелъ припомнить ту молитву, которая, бывало, ободряла и просвѣтляла меня, которую человѣкъ умѣетъ находить только въ минуты тяжкихъ испытаній, — и что же? войдя внутрь, я не могъ помолиться: храмъ не походилъ на храмъ. Голыя, обнаженныя стѣны и столбы были исписаны кругомъ праздыми изображеніями и надписями...

Выйдя изъ собора, я сѣлъ на лошадь и поѣхалъ прямо къ 4-му бастіону. По улицѣ волокли Французы какое-то бревно, впрягнувъ трехъ лошадей цугомъ. Дальше стали попадаться французскія военныя телеги, четверней и шестерней, по двѣ лошади въ рядъ.

Я проѣхалъ домъ, гдѣ жилъ, въ началѣ осады, графъ Остенъ-Сакенъ. Онъ довольно сохранился ¹⁾. Вотъ бывшая кондитерская Йогана; вотъ гостинница Томаса, гдѣ я жилъ въ февралѣ прошлаго года. Я отыскалъ слѣды ракеты, разбившей у насъ окна въ трехъ номерахъ и потревожившей цѣлый домъ. Вотъ и кондитерская Томаса, гдѣ случилось мнѣ ѣсть мороженое въ іюль, за мѣсяцъ до сдачи. Вотъ лавки Караймовъ, огромный трехэтажный домъ. Вѣтеръ хлопалъ остатками маркиза въ верхнемъ этажѣ...

Я искалъ въ переулкѣ лавочки, куда ходилъ иногда за кренделями; но тутъ все слилось въ массу каменныхъ обломковъ...

¹⁾ Въ Севастоп. Альбомѣ рисунокъ 25-а.

Мнѣ пришелъ на память хромой, неразговорчивый хозяинъ этой лавочки... гдѣ-то тутъ висѣлъ колокольчикъ, который вызывалъ мрачную фигуру изъ соседней комнаты... хозяинъ безмолвно отворялъ свой убогій шкафчикъ и доставалъ ослезки кренделей... Гдѣ-то онъ теперь ковыляетъ по бѣлому свѣту? живъ ли?.. Вотъ наконецъ и театръ, предвѣстникъ 4-го бастиона. Торчали одѣя стѣны. Только входъ былъ сбереженъ какии-то рестораторомъ, повѣсившимъ тутъ доску съ надписью: «Café du Théâtre»¹⁾). Направо черезъ площадь, гдѣ, бывало, роemъ летала штудерная пуля и страшно было ходить, стояла наша полосатая будка, и при ней ходилъ французскій часовой. Мнѣ пришла мысль срисовать театръ изъ будки, потому что вѣтеръ все еще продолжался и мѣшалъ рисовать на открытомъ воздухѣ. Я вошелъ въ будку прямо, какъ хозяинъ, усялся на камнѣ, который тамъ лежалъ, и накиннулъ очеркъ. Часовой не сказалъ мнѣ ни слова; только послѣ заглядывалъ въ будку и дружелюбно заговаривалъ со мной о разныхъ предметахъ. Кстати, въ отношеніи французской учтивости, замѣчу здѣсь, что нѣкоторые часовые по улицамъ дѣлали мнѣ на-караулъ, а встрѣчные солдаты, не имѣвшіе ружей, прикладывали руку къ шапкѣ.

Окончивъ очеркъ, я сѣлъ опять на лошадь и взѣхалъ на 4-й бастионъ. Это были взрытыя груды земли — и больше ничего. Посрединѣ, поворачивая то вправо, то влево, шла крѣпкая тележная дорога. Индѣ валялись ядра и осколки бомбъ; разсыпана была ржавая картечь. Слѣды амбразуръ едва-едва остались. Все это слилось въ някій бугристый валъ, на которомъ, мѣстахъ въ трехъ, торчали небольшія каменные будочки,

¹⁾ Въ Севастоп. Альбомѣ рисунковъ 26-й.

и подлѣ нихъ сидѣли часовые. Я насилу нашелъ блиндажъ адмирала Повосильскаго и потомъ пороховой погребъ.

Чтобы не возвращаться назадъ, Татаринъ мой отыскалъ спускъ прямо съ одного угла бастіона, черезъ ровъ. Мы съѣхали благополучно. Тутъ опять осколки, клочки картечныхъ картузовъ и даже пули. Остановясь на минуту, я набралъ безъ всякаго труда пуль тридцать; взглянулъ на бастіонъ снаружи, откуда, конечно, никогда его не видывалъ: еще ровнѣе валъ; еще невѣроятнѣе, что эти осѣвшіе, разрытые холмы были когда-то страшнымъ, непреступнымъ 4-мъ бастіономъ, который до конца выдержалъ бой и сохранилъ свою славу. Трехъ взмаховъ карандаша довольно было для того, чтобы снять одинъ уголъ бастіона, съ будочкой и Французомъ ¹⁾).

Было пять часовъ. Мы погнали лошадей рысью, чтобы поспѣть къ обѣду и послѣ ѣхать въ театръ въ Камышь.

Я нашелъ офицеровъ уже въ обѣденной залѣ. Поляковникъ, извѣстный панорамами, говорилъ о Россіи, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ. Замѣчанія его были довольно вѣрны.

Послѣ обѣда я увидалъ у крыльца осѣдланныхъ лошадей.

— Ну, господа, ѣдемъ! сказалъ Берто.

Французы не любятъ копаться; когда сказано *ѣдемъ!* — спѣшите выходить и садиться: иначе, вы отстанете на версту.

Мы отправлялись въ театръ: Бодуешъ, Берто, капитанъ Орбиньи, поручикъ д'Орлеанъ, принадлежавшій также къ штабу, и я.

Чтобы ѣхать въ Камышь изъ Главной французской квартиры, надо взять гораздо лѣвѣе Севастополя. Французы считаютъ до него отъ Штаба восемь верстъ, но мнѣ показалось меньше. Мы ѣхали все время рысью. На дорогѣ случилось не-

¹⁾ Въ Севастоп. Альбомѣ рисунокъ 27-б.

большое происшествіе: вдругъ я увидѣлъ передъ собою фонтанъ мекръ; лошади шаркнулись. Что же оказалось? — у капитана Орбиньи загорѣлись въ парманѣ спички. Мы, конечно, остановились и начали, съ общими армянами, тушить пожаръ: то тамъ, то здѣсь выскакивали всеры. Капитанъ лишился дармана въ брюкахъ и части сюртука. Когда все было улажено, мы опять тронули коней.

Въ верстѣ или около того отъ Камыша, мы встрѣтили валъ и широкій ровъ, который шелъ отсюда до Казачьей бухты, какъ сказалъ мнѣ БертѸ. Меня изумлялъ ровъ, глубиною больше, чѣмъ въ ростъ человѣка, и шириною сажени въ полторы. Онъ былъ вырытъ въ крѣпкой каменной почвѣ; каменные слои ярко обозначались на стѣнкахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возвышались батареи; но пушекъ нигдѣ не было. Мы проѣхали въ ворота между валами. Камышъ полагался вдали: тѣсные ряды однообразныхъ деревянныхъ домовъ, пожалуй, балагановъ, идущіе версты на двѣ, съ нѣкоторыми проемутками, потомъ бухта, полная кораблей, и море. Voilà Kamiesch!

Мы проѣхали нѣсколько пазатокъ и балагановъ. Началось темнѣть и кое-гдѣ блеснули огоньки.

— Вотъ и театръ, сказалъ мнѣ БертѸ.

Среди массы темнѣющихъ зданій я увидѣлъ треугольничекъ крыши, надъ которой полоскался въ воздухѣ небольшой флагъ.

Я уже воображалъ освѣщенныя ложи, гремящій оркестръ... играютъ водевиль... нѣсколько шаговъ — и я увижу все это; но я забылъ французскіе порядки: надо было еще пристроить лошадей.

Д'Орлеанъ почему-то командовалъ нашимъ поѣздомъ. Недоѣхавъ до театра шаговъ пятнадцати, онъ повернулъ къ одному длинному балагану, и мы все повернули за нимъ.

Балаганъ былъ темень и пустъ. Ни шороху, ничего!

— Кто тамъ есть? крикнулъ д'Орлеанъ: — нельзя ли принять лошадей?

Никто не отвѣчалъ. Надо было крикнуть громче. За воротами задвигалось какое-то живое существо и сказала, что нѣтъ мѣста, некуда поставить: спросите тутъ рядомъ.

Спросили рядомъ: та же исторія.

— Скажите, по крайней мѣрѣ, гдѣ турецкія конюшни?

— А дальше, у самаго вѣзда: тамъ увидите палатки.

Мы поѣхали совсѣмъ назадъ, и опять театръ исчезъ изъ виду.

Довольно долго искали мы турецкія конюшни. Подѣхали къ какимъ-то палаткамъ; явилось нѣсколько оборванныхъ Турокъ. X ◆

— Гдѣ французскій онъ-баші? ¹⁾ спросилъ д'Орлеанъ по турецки, разумѣется, съ французскимъ произношеніемъ, и вмѣсто *идь* поставивъ *куда*.

Турки забормотали что-то. Двое-трое отдѣлились отъ толпы и побѣжали показывать. Мы двинулись за ними и подѣхали къ другимъ палаткамъ. Черезъ минуту явился Турокъ съ фонаремъ, одѣтый въ черномъ казакнѣ. Я замѣтилъ цѣпочку часовъ, болтавшуюся у его борта. Вообще онъ глядѣлъ довольно прилично.

Онъ взялся уладить нашихъ лошадей, отпустилъ намъ нѣсколько французскихъ словъ, не слишкомъ связанныхъ и исныхъ. Французы отпустили въ томъ же духѣ и ему нѣсколько турецкихъ, — и дѣло устроилось. Мы слѣзали съ лошадей и пошли пѣшкомъ къ театру, отъ котораго отдалялись на полверсты.

Мы шли между рядами балагановъ. Въ одномъ мѣстѣ, на площадкѣ, солдатъ, принявъ насъ за патруль, свѣсилъ ружье и закричалъ: «кто идетъ?»

¹⁾ Онъ-баші — десятица (онъ — десять, башъ — голова).

Театръ опять явился со своимъ флагомъ; мы подошли — и что же? нѣтъ спектакля! Разумѣется, это озадачило насъ всѣхъ очень непріятно.

Мы стали разсуждать, что намъ дѣлать. Я взглянул на городъ: черезъ площадь (театръ стоялъ, какъ водится, на площади) начиналась улица, освѣщенная фонарями. Это была улица Славы. По ней двигалось нѣсколько людей. Командиръ нашей поѣздки, д'Орлеанъ, побѣжалъ зачѣмъ-то туда и пропалъ въ темнотѣ. Направо было тоже нѣсколько балагановъ, изъ которыхъ угольный вѣщаль, кажется, ресторацію. Двое прохожихъ шумѣли на углу, потомъ подошли къ ресторану, и одинъ началъ стучать въ стѣну кулакомъ. Этотъ стукъ раздавался громко въ тишинѣ ночи. Хозяинъ вышелъ и никакъ не могъ отогнать докучныхъ гостей. Кулакъ барабанилъ да барабанилъ въ стѣну. Потомъ, съ правой стороны, показались два солдата.

— Пойдемъ, поглядимъ, кто это тамъ, сказала одинъ.

Они немного покачивались, и шли обнявшись; подойдя къ намъ, поглядѣли, и одинъ сказалъ: «Какіе-то офицеры!... пойдемъ лучше въ Камышь!»

И они отправились въ Камышь. Мы все стояли и разговаривали, какъ вдругъ слѣва показалась темная фигура въ пальто.

— Вотъ и мсьё Шовд! ¹⁾ сказалъ Орбинья.

Шовд обернулся къ намъ; у него тотчасъ же спросили, от чего нѣтъ спектакля. Было объявлено, что спектакли идутъ ежедневно.

Онъ началъ раскланиваться и объяснилъ, что, вслѣдствіе отбытія нѣкоторыхъ полковъ во Францію, не стало доставать

¹⁾ Директоръ театра.

музыкантовъ, и онъ принужденъ былъ два дня исключить изъ репертуара, а именно поведѣльничку и пятивцу.

— Вы, вѣрно, не читаете моихъ афишекъ, месье! это все было напечатано... Впрочемъ, такъ-какъ вы жалуете рѣдко, не угодно ли будетъ взглянуть на внутренность театра? Тамъ произошли вѣкоторыя перемены и добавленія, съ тѣхъ поръ, какъ я не имѣлъ удовольствія васъ видѣть... Пожауйста за мной!

Мы поднялись на крыльцо и вошли въ боковую дверь. Шовъ зажегъ свѣчу и повелъ насъ въ партеръ, раздѣлявшійся на двѣ части: для офицеровъ и солдатъ. Вездѣ были лавки со спинками, обитыя крашеной холстиной. На спинкахъ стояли нумера. Мы перелѣзли черезъ загородку, отдѣлявшую солдатскія мѣста отъ офицерскихъ, и наткнулись на спущенную люстру. Люстра была деревянная, но сдѣлана довольно затѣйно. Директоръ обратилъ на нее наше вниманіе.

— Лучше нельзя, господа: вѣдь это все въ три-четыре недѣли.

Онъ показалъ намъ на нижнее, блестящее серебромъ украшеніе люстры.

— Это мы достали въ Севастополѣ, сказалъ онъ, съѣвъ частицу послѣдняго слова, что сдѣлалъ собственно уже для меня. — Французы вообще стараются какъ можно меньше говорить при насъ о Севастополѣ. Русскому человеку недолго нужно разсматривать это украшеніе, чтобы узнать первоквное паникадло.

Мы пошли дальше. Театръ былъ довольно великъ и устроенъ хитро. Такъ-какъ мѣста для зрителей шли покато сверху внизъ, то можно было вѣкторую часть залы вырыть въ землѣ. Этими выигрывалось время постройки и даже самый матеріалъ. Чуть-чуть не половина залы находилась подъ землей. Стѣны были заштукатурены, выбѣлены и слились совершенно съ деревян-

ной надстройкой, гдѣ помѣщались ложи. Я бы, конечно, не рассмотрѣлъ этой архитектурной продѣлки, если бы намъ не объяснилъ въ самъ директоръ.

— Теперь не угодно ли пожаловать въ ложи?

Переднія ложи, ближайшія къ сценѣ, отличались нѣкоторыми особенными убранствами. Въ четырехъ изъ нихъ были занавѣси.

— Вотъ ложа маршала, сказала Шово, вводя насъ въ первую ложу палѣво.

Но маршалъ, какъ я узналъ послѣ, никогда не бываетъ въ театрѣ. Шово и не рассчитываетъ на его посѣщеніе и потому рѣшается иногда, при недостаткѣ мѣстъ, пускать офицеровъ въ эту ложу.

Ложа была довольно обширна. Въ ней могло помѣститься человѣкъ пять. Впереди стояли два кресла и стулъ. Сзади, у стѣнки, былъ диванъ, обитый ситцемъ.

Шово потрогалъ подушку рукой, какъ бы дѣля свое дитя, и спросилъ Берто сѣсть:

— Пожалуйста, сядьте! вѣдь довольно мягко. Это все я импровизировалъ... вотъ ложа для перваго коменданта!... вотъ для офицеровъ Главнаго штаба!

— Славно, славно, мсье Шово! нечего сказать, вы мастеръ своего дѣла! замѣтилъ ему Берто.

— Я бы устроилъ лучше, но на все это, считая тутъ же и постройку театра, — мнѣ дали только шесть недѣль. Помните, въ Оранѣ ¹⁾ у насъ театръ былъ немного лучше. Помните, когда прибылъ туда маршалъ Бюжо, онъ остался очень доволенъ. «Это мнѣ напоминаетъ предмѣстье Парижа!» сказалъ онъ

¹⁾ Въ Африкѣ, въ провинціи Алжиръ.

миѣ, проходя по улицѣ Славы. Дѣйствительно, тамъ было много двухъ-этажныхъ домовъ... о, какой былъ спектакль! На немъ присутствовали герцогиня Омальская, герцогиня Немурская, его высочество герцогъ Монпансье!

— А здѣсь много у васъ бываетъ?

— Много: театръ можетъ помѣстить тысячу-двѣсти человѣкъ, и, представьте, всякій день почти полонъ. Третьяго дня были здѣсь всѣ націи: Французы, Англичане, Русскіе, Сардинцы — *voilà quatre nations!* миѣ очень пріятно вспомнить этотъ день! Русскіе — о, какой это любознательный народъ! Говорятъ на всѣхъ языкахъ, на какихъ угодно. «Мсье Шово, дайте, пожалуйста, лишнюю афишку, я пошлю пріятелямъ...» всякій день бываютъ! Вѣроятно, явятся и завтра; пріѣзжайте: будетъ очень недурной спектакль, вѣчто буффоническое, une *bouffonnerie musicale!* *Les deux aveugles* и потомъ *Le Caroyal et la Paυση*...

Потокъ рѣчей являя изъ устъ Шово неудержимо. Я передаю только малую частицу и чувствую, что выходитъ что-то не то. Букетъ французской болтовни пропалъ совсѣмъ. Для этого нуженъ французскій языкъ.

Мы вышли опять на крыльцо и увидѣли своихъ лошадей. Что-то не уладилось, и Турки привели ихъ назадъ. Это было очень кстати; но д'Орлеанъ еще не являлся. Мы принялись опять за болтовню съ Шово.

— Чтò, какъ вы держите актрисъ, мсье Шово? спросилъ у него кто-то — Камышь такой городъ...

— Я поступаю въ этомъ случаѣ, какъ всѣ директоры театровъ въ мірѣ... Впрочемъ, я не могу пожаловаться...

— А вотъ я мсье д'Орлеанъ!

Мы увидѣли зыблющуюся, воинскую фигуру д'Орлеана. Этотъ офицеръ былъ ничто иное, какъ шитая шнурками куртка, широкія красивыя брюки, служенныя дудочкой князу,

лихая фуражка и усы, — словомъ, точь-въ-точь, какъ рисуютъ военныхъ во французскихъ иллюстраціяхъ.

Турки подали намъ лошадей, и мы поѣхали шагомъ.

На другой день, послѣ завтрака, я отправился съ Пиндъ въ Георгіевскій монастырь, съ тѣмъ, чтобы оттуда проѣхать въ Камышь. Пиндъ ваялся показывать дорогу, но путалъ. Однако, мы прѣехали на мѣсто довольно рано. Я вспоминалъ очеркъ монастыря, помѣщенный въ Иллюстраціи: берегъ моря, скалы, бѣляющая церковь, и собирался повѣрить все это на дѣлѣ. Подъѣзжаемъ: какой-то дворъ; нѣсколько каменныхъ зданій, построенныхъ покоемъ. Направо — судя по всему, въ кухнѣ — шелъ говоръ на англійскомъ языкѣ. Я увидѣлъ поваровъ въ фартукахъ и колпакахъ, кастрюльки, блюда и въ заключеніе, на полу, въ стѣнахъ, висящій русскій самоваръ. Никакого моря, ни скалъ, ни церкви. Я сказалъ объ этомъ Пиндъ.

— Погодите, все это будетъ, отвѣчалъ онъ.

Мы слѣзли съ лошадей, прошли какимъ-то коридоромъ въ зданія направо и очутились на террасѣ съ чугунной оградой; а потомъ шелъ крутой скатъ къ морю: гора, покрытая сосновымъ лѣсомъ. Въ глубинѣ, почти у подошвы ската, видѣлись домики. Правѣе, какъ бы обрамлявая картину, стояли стоймя черныя скалы, окунувшись въ море. На одной изъ ихъ вершинъ сидѣлъ Англичанинъ, неизвѣстно какъ взгромоздившійся туда. Я узналъ его по мундиру. Впрочемъ, кого другаго занесло бы на эти скалы? У рѣшотки стояло нѣсколько французскихъ офицеровъ, облокотясь на чугунъ. Другіе сидѣли на каменныхъ плитахъ, подаѣ рѣшотки, и что-то читали. Направо некуда было итти, развѣ только въ кельи братій; мы пошли налѣво и увидѣли церковь. Французскій жандармъ, ходившій въ воротахъ, которыя стояли поперекъ террасы, подошелъ къ намъ и спросилъ, что намъ нужно. Я сказалъ, что хочу видѣть церковь и монастырь.

— Въ церкви идетъ теперь служба, отвѣчалъ жандармъ.

— Тѣмъ лучше: я могу помолиться: сегодня у насъ Страстная суббота.

— Извольте пройти.

Мнѣ сейчасъ пришелъ въ мысли настоятель монастыря, отецъ Геронтій, о которомъ я такъ много слышалъ. Онъ оставался съ братією во все время осады въ монастырѣ. Мнѣ хотѣлось взглянуть на фizioномію этого человѣка. Обѣдя была уже на отходѣ, когда я вошелъ въ церковь, наполненную народомъ. Много было Англичанъ и Французовъ. Я никакъ не могъ протѣсниться внутрь и остался въ дверяхъ. Подлѣ меня стояли два французскія офицера и говорили о Геронтіи, какъ кажется, тоже дожидаясь его выхода. Геронтій вышелъ съ дарами... я не видывалъ такого величаваго старца. Но было что-то суровое въ чертахъ его лица. Я такъ заглядѣлся, что забылъ опустить голову. Французы глядѣли на него пристально, не спуская глазъ; офицеръ, стоявшій подлѣ меня, не выдержалъ, обернулся ко мнѣ и сказалъ:

— Какой старикъ!

Я вышелъ изъ церкви и сталъ смотрѣть на море. Мнѣ хотѣлось спуститься внизъ, чтобы взглянуть оттуда на монастырь; но у калитки, на нижней террасѣ, была такая надпись: *il est défendu de descendre au bord de la mer*. То же самое было написано и по-англійски.

« Стало быть, это для Англичанъ и Французовъ — подумалъ я — а Русскихъ Пелвессе велѣлъ пускать вездѣ, безъ всякихъ исключеній: зачѣмъ же я откажусь отъ своихъ правъ? »

Я сталъ объяснять мое желаніе Пишò, говоря по-русски. Въ это время проходилъ монахъ и, услыхавъ русскую рѣчь, остановился и сказалъ намъ весело:

— Чтò это, Русь, Русь?

Я разговорился съ нимъ о монастырѣ и объ отцѣ Геронтіи.

— Да, тяжело приходило, сказалъ мнѣ арнакъ: — ничего не знаешь о своихъ; строгость такая! особенно, когда стояли здѣсь зуавы. На горку не выйди поглядѣть: сейчасъ и бѣжить солдатъ и машеть ружьемъ. Другіе, армейскіе пришли; — стало полегче; а какъ жандармы поступили, такъ ужь до-всѣмъ стало хорошо. Мы съ ними, какъ со своими. Да ужь не говорить — то мы немного стали понхему: все иное слово и объяснишь. Поѣдетъ жандармъ въ Камышь, на базаръ, всегда придетъ: не надо ли кому чего купить въ городѣ? и купить лучше нашего. Сардинки — онѣ что стоятъ? мы по три франка платили, а жандармъ поѣдетъ, только два заплатитъ, или полтора.

— Нельзя ли, батюшка, сойти къ морю? спросилъ я.

— Отчего нельзя. Мы васъ куда угодно проведемъ. Это сдѣлалъ Пелиссье, чтобъ туда ихніе не ходили: Тамъ, вижу, Англичапе разорили домъ, — ну и было запрещено съ тѣхъ поръ ходить къ морю. Только я вотъ вамъ что скажу: трудно туда спускаться, надо палку взять и подпираться палкой; а бурку вы эту бросьте здѣсь, хоть у меня въ кельѣ. Вы думаете, какъ отсюда будетъ до моря? вѣдь тутъ верста!

— Какъ, верста спуску?

— Да, верста! оно не кажется, а верста! мы знаемъ хорошо; я васъ не обманываю, не пугаю; извольте идти, коли угодно; я вамъ сейчасъ покажу сходъ.

Онъ подошелъ къ жандарму, указавъ на меня и сказавъ просящимъ голосомъ:

La meç, la meç, — хочеть посмотреть: позволъ!

Жандармъ понаглъ, въ чемъ дѣло, и сказалъ, что онъ сейчасъ сходитъ за ключемъ и отопретъ мнѣ калитку; но мы объяснили, что этого не нужно, что есть другой спускъ, лишь бы не было препятствія.

— Препятствія нѣтъ, отвѣчалъ жандармъ: — извольте идти.

Монахъ повелъ меня къ таинственному сходу; но онъ оказался не совсѣмъ удобенъ: надо было прыгать съ какой-то стѣнки, опершись ногой въ щелку, воткнутую въ кирпичи. Однако, мы спустились съ Пинш благополучно и стали сходить ниже и ниже, по извилистой тропинкѣ, между кустами. Кое-гдѣ попадались ветхія деревянныя лѣстницы, нидѣ были высѣчены ступеньки въ самой горѣ; но вдругъ все это пропало, и намъ пришлось сползать, просто, по камнямъ... наконецъ мы остановились у обрыва. Море было еще далеко. Я взглянулъ вверхъ: какъ купама темныхъ сосенъ висѣлъ въ воздухѣ бѣлый храмъ. Направо и налево выступали скалы, за живой рѣшеткой тополей. Я присѣлъ на пенъ и срисовалъ весь монастырь, какъ онъ мнѣ оттуда показывался. Потомъ мы стали опять подыматься. Тутъ только я повѣрилъ, что до моря верста.

Бурка моя оставалась въ стѣняхъ большаго каменнаго дома, гдѣ были кельи монаховъ. Я зашелъ за ней, но надѣть ее уже не могъ и привязалъ въ торока.

Мы поѣхали въ Камышь; на дорогѣ, въ одной лощинѣ, встрѣтили челокѣкъ десять музыкантовъ какого-то драгунскаго полка: они шли скорымъ шагомъ и навгрывали разные марши.

Вотъ Камышевскія батареи и чудесный ровъ, которымъ я снова полюбовался. Вотъ и палатки Турокъ. Мы отдали лошадей тому же онъ-баши и отправились пѣшкомъ въ городъ.

Какъ-то естественно прежде всего попадаешь въ *улицу Славы*. Влѣво отъ нея идетъ еще нѣскольکو улицъ. Иные дома оторвались въ поле и тамъ уже мѣшаются съ палатками.

Дома Камыша — это не дома для житья, а лавки или балаганы для торговли, большею частью некрашенныя. Камышъ — родъ Макарья въ ярмарку. Вы видите ряды бѣлѣющихъ вытѣсокъ съ яркими черными булавками. Нѣтъ дома безъ вытѣски. Вы идете, и вамъ медькаютъ въ глаза разные товары: головы сахару, въ извѣстной голубой бумагѣ; посуда, ряды бутылочекъ; сабли, шпоры, ботфорты, — все это вмѣстѣ, почти нераздѣльно. Вотъ магазинъ оетамповъ. Вотъ разные иллюстраціи, желтыя и зеленыя книжки, на которыя такъ и бросается глазъ, и тутъ же зеркала, гребни, щетки для усовъ, ликёры и портеръ... Глаза разбѣгутся: такая пестрота, блескъ, разнообразіе, а купить, кромѣ вина да сахару, нечего: все это слишкомъ средней руки. Между тѣмъ, цѣны довольно изрядныя. Когда вы станете расплачиваться — наполеондорами, нашими червонцами или какой хотите золотой монетой — вамъ сдадутъ всякими деньгами: французскими, англійскими, сардинскими, русскими, испанскими, турецкими. Нашъ цѣлковый принимается въ четыре франка и въ большомъ ходу.

Между лавками попадаются часто рестораны и кафѣ. Ихъ чуть ли не столько же, сколько лавочекъ. Улица пестрѣетъ разнообразнымъ населеніемъ, звучатъ всевозможные языки; гремятъ телеги, несутся дилижансы. Вотъ стали у какой-то зеленой гостиницы, съ большими окнами, съ занавѣсками; кучи французскихъ офицеровъ сидятъ на балконѣ, за маленькими столиками. Въ окна видны накрытые столы, ряды ножей, вилокъ, блестящій хрусталь, обои, зеркала, картины въ золотыхъ рамахъ, — все какъ надо, хоть бы въ городѣ; а тутъ, напротивъ, черезъ улицу, опять чисто лагерное, или ярмарочное строеніе: сѣрый досчатый балаганчикъ съ мотками ярденелей и нѣсколькими головами сахару. Какіе-то рожны стоятъ у дверей: тележки, не тележки; торчатъ оглобли; на поляхъ улицы развѣхались два огромныя колеса. Кучи ящиковъ сло-

жены тутъ же; ~~запах~~ запаха какнхъ-то бочекъ, кадусекъ, досокъ... двѣ убитыя крысы выброшены изъ лавки и никто ихъ не убираетъ... Вдругъ турецкій разговоръ влетѣлъ вамъ въ уши: по деревянному тротуару вазятъ прямо на васъ толпа Турокъ, топая и крича... Пробѣжали какіе-то Жидки, выдающіе себя сію же минуту своей жидовской физиономіей. Вотъ скачетъ франтъ Англичанинъ на чудесномъ конѣ. Чтѣ за конь! Блеститъ и сіяетъ лондонскій салогъ у всадника... Вотъ мчится кабриолетъ и за нимъ цѣлая кавалькада разноумудряныхъ Англичанъ... Прошли пять-шесть Французовъ въ синихъ шинеляхъ и въ красныхъ брюкахъ. А это чтѣ? Двѣ сѣрыя русскія шинели! И потянуло васъ къ нимъ, и хочется переколчить нѣсколько словъ, и они уставились на васъ и смотрять, вѣрно, съ тѣми же мыслями... Но ваше вниманіе обращено уже на даму, которая ѣдетъ верхомъ рядомъ съ офицеромъ. Дама сидитъ по-мужски: ноги въ стремена. Офицеръ, красивый собою, кокетливо напуталъ на шею какой-то неформенный шарфъ...

Я просилъ Пишдъ указать мнѣ лучшую гостиницу. Онъ рекомендовалъ одну, на улицѣ *Наполеона*, куда заѣзжаютъ обыкновенно иностранцы. Мы вошли въ комнату съ ситцевыми обоями, съ бѣлымъ полотнянымъ потолкомъ, весьма ловко устроеннымъ. Нѣсколько небольшихъ столиковъ были заняты Англичанами: мы насилу нашли себѣ мѣсто. Мнѣ подали преискурантъ: я читалъ, читалъ и ничего не могъ понять, кромѣ *котлетъ*. Пришлось распорядиться этимъ дѣломъ Пишдъ. Онъ потребовалъ супу, воловановъ, какой-то рыбы, называемой *тюрбдъ*, бистексу и бордо. Подавали довольно скоро, и все изготовлено было недурно. Особенно мнѣ понравилась рыба *тюрбдъ*. Вся эта исторія стоила 15 франковъ 20 сантимовъ. Вотъ счетъ, который представилъ мнѣ *garçon* послѣ обѣда:

Pour 2 personnes :

Pain	fr.	1	20
Vin	—	2	—
Potage	—	2	—
Beefsteak	—	3	—
Turbot	—	3	—
Vol-au-vent	—	4	—

Потомъ мы пошла въ театр¹⁾. Уже стемнѣло. По главнымъ улицамъ зажглись фонари. У театра толпилась куча солдатъ. Въ дверяхъ стояли двое часовыхъ съ ружьями; въ корридорѣ опять двое, дальше еще. Всюду ружья и штыки. Мы взяли съ Лидо билеты въ первыя мѣста, по пяти франковъ. Представленіе уже началось. *х*

Странно охватываетъ васъ этотъ блескъ бронзовыхъ лампъ, подъ большими стеклянными колпаками, этотъ громъ оркестра, разноцвѣтные мундиры, европейскій порядокъ. Невольно подумаешь, что за годъ съ небольшимъ, на этомъ самомъ мѣстѣ было пустое, дикое поле, шумѣлъ вѣтеръ и раздавался крикъ морской одинокой чайки...

Но въ звукахъ оркестра мнѣ слышались звуки войны, и траурное покрывало нависывалось для меня въ нѣвыя минуты на весь этотъ блескъ и сіяніе...

Театръ былъ полонъ. Посрединѣ, надъ сценой, горѣлъ въ золотѣ гербъ Франціи, съ орломъ и буквой N. Офицеры сидѣли кто въ шинели, кто въ сюртукѣ. Офицеръ, пробѣжавшій по городу съ амазонкой, рисовался въ томъ же неформенномъ шарфѣ. Двое дежурныхъ офицеровъ, одинъ въ партерѣ, другой въ ложѣ, были оба въ полной формѣ, съ подвязаннымъ къ воротнику знакомъ. Кромѣ того въ ложахъ видѣлись три-четыре

¹⁾ Въ Севастоп. Альбомѣ рисунковъ 28-й.

жандарма, которые внимательно смотрѣли за солдатской публикой, наполнявшей заднюю часть театра. Солдаты въ антрактахъ сильно шумѣли. Иногда раздавался пискъ, провозносились какія нибудь слова, слышалась топотня ногами. Двое жандармовъ сейчасъ являлись изъ ложъ и живо подхватывали шапку. Весь театръ обращался въ ту сторону; потомъ все утихало по прежнему. Впрочемъ, эта шаловливая публика слѣдила за кодомъ пьесы внимательно и откликалась каждому слову.

Солдаты сидѣли въ шапкахъ. На нѣкоторыхъ офицерахъ тоже были шапки. Въ оркестръ, за музыкантами, сіяла мѣдная каска пожарнаго, который обязанъ также быть въ театрѣ.

Въ одной ложѣ я замѣтилъ какихъ-то премудреныхъ дамъ...

Пьесы были тѣ, которыя намъ назвалъ паканунѣ директоръ: *Les deux aveugles*, *Le Caporal et la Payse* и, сверхъ того, *Une mauvaise nuit est bientôt passée* и *Le chapeau d'un horloger*.

Все это въ лагерномъ духѣ и пересыпано такими каламбурами, какихъ не услышишь ни въ одномъ театрѣ. Актеры сносны. Между ними мнѣ понравились особенно двое: М. Pinson и М. Ludovic. Изъ актрисъ играющая лучше другихъ — М-me Palmerine.

Театръ кончился въ 11 часовъ слишкомъ. Въ улицѣ *Славы* свѣтилось еще нѣсколько огоньковъ. Я зашелъ въ одну ресторацію выпить чашку кофе ¹⁾. Большая зала, обитая ситцемъ, была полна народомъ, преимущественно солдатами. Все это сидѣло за маленькими столиками, у которыхъ верхнія доски были изъ сѣраго мрамора. Всѣ столы ресторана были мраморные и одинъ въ одинъ, какъ на заказъ. У стѣны, на поло-

¹⁾ Эта ресторація называлась *Au bel air, café spectacle* — въ Севастопольскомъ Альбомѣ рисунковъ 29-й.

винѣ комнаты, за прилавкомъ, сидѣла полная и румяная мамзель и что-то шила. Прилавокъ былъ уставленъ множествомъ бутылочъ, образовавшихъ около мамзели родъ ограды. За мамзелею, у самой стѣны, возвышался большой шкафъ до потолка, также полный бутылочъ. По залу бѣгалъ маленький, жиденькій Французикъ, въ свромъ короткомъ пальто, въ сврыхъ брюкахъ и башмакахъ; на головѣ у него была черная шапочка безъ козырька, которую я никакъ не сумѣю описать. Точь въ точь такіа шапочки носятъ запросто австрійскіе солдаты. Французикъ былъ хозяинъ ресторана. Онъ самъ подбѣжалъ къ намъ съ кофейникомъ, поставилъ на столъ двѣ чашки, тлжелыя, какъ бомбы, и налилъ кофею. Сливочъ, разумѣется, не спрашивай. Сухарей я тоже не могъ добиться. Противъ меня, черезъ комнату, на стѣнѣ, была нарисована большая картина, кажется на картонѣ, и такъ искусно приклеена иди пришта къ обоямъ, что совершенно съ ними сливалась. Она изображала толпу французскихъ солдатъ съ трубачимъ впереди трубачемъ. Подъ картиной была такая подпись: *Du moment où on nous a dit de faire de la musique, la danse ne pouvait pas tarder à recommencer.* За спиной у меня оказалась соответствующая этой живописи, изображавшая какихъ-то матросовъ передъ моремъ, гдѣ торчало изъ воды нѣсколько мачтъ, и внизу была подпись:

— *C'est tout d'même fichant de trouver la besogne toute faite; 108 batiments de coulés... en voilà des gâtes-métiers!*

Мы заплатили за 4 чашки кофею 70 коп. серебромъ и пошли. Надо было выбираться. Служители гасили безъ церемоніи лампы и свѣчи и ставили вверхъ ножками стулья въ кучу.

— Куда жь дѣваться въ такую темь? спросилъ я у Пино: давайте почевать въ Камышъ!

— Давайте!

— Кудажь ятти?

— Пойдемъ въ *гостинницу для иностранцевъ*, на улицѣ Наполеона: тамъ есть номера.

Мы пошли по тихимъ и спящимъ улицамъ. Ворота гостинницы были заперты; но только-что мы стукнули, какъ явился какой-то человекъ, въ ночномъ костюмѣ, и сначала не хотѣлъ было отпереть, но мы объяснили, что мы заблужденные люди, что я Русскій, — и ворота отворились. Намъ указали номеръ — маленькую комнату, съ необходимыми ситцевыми обоями, со столомъ, стуломъ, зеркаломъ и двумя кроватями, и подали стеариновую свѣчу. Все было обыкновенно, исключая кроватей. Кровати были необыкновенныя — двухъ-этажныя, въ родѣ морскихъ, такъ что подъ одной помѣщалась другая. У меня въ нижнемъ этажѣ не было никого; но у Писо кто-то храпѣлъ. Я раздѣлся и легъ подъ одеяло, какое послала судьба — сѣренькое, фланелевое. Подушки и простыня были чисты. ✓

На другой день поутру я услышалъ пѣніе пѣтуха. Ему отвѣчали еще пять-шесть отдаленныхъ. Веселый солнечный лучъ ударилъ въ окошко. Я вспомнилъ, что у насъ Свѣтлое Воскресенье, и вотъ гдѣ пришлось мнѣ его встрѣтить, одному, самому съ собой!.. Немного погода проснулся и Писо. Мы стали одѣваться, спросили кофею, расплатились и вышли. Ночевка и кофею стоили 2 р. 50 к. серебромъ.

Было часовъ 8. Городъ начинать шевелиться...

Черезъ полчаса мы уже неслись на своихъ коняхъ въ Главную квартиру. Турецкій овъ-баши насилу согласился принять отъ меня деньги за лошадей и проводника, говоря, что это бездѣлица, что ему будетъ заплачено штабомъ; но я упрямилъ-таки взять. Вышло очень немного: за трехъ лошадей, съ 5-ти часовъ вечера до 8-ми утра другаго дня, за обѣдъ я ужинъ проводника — 8 франковъ, то есть, на наши деньги, 2 р. сер.

Мы пріѣхали въ Главную квартиру часовъ въ 11, прямо къ завтраку. Это была моя послѣдній завтракъ съ офицерами Главнаго штаба французской арміи. Срогъ моего отпуска кончился и надо было вспомнить о Бадчисарѣ. Лошадь мою не разсѣдывали. Я тутъ же простился съ Берто и его товарищами, откланялся начальнику штаба, сѣлъ на своего казачаго конька и пустилъ его рысью въ Балаклаву. Пипо и Татаринъ командированы были со мной до Черной рѣчки.

Я увидѣлъ тоже движеніе по дорогѣ, въ Кадыкъсѣ¹⁾ и Балаклавѣ. Мы заѣхали въ гостиницу *Королевы Викторіи*. Она отдѣлана была не многимъ лучше французскихъ гостиницъ въ Камышѣ. По стѣнамъ висѣли превосходныя гравюры, изображавшія подвиги Англичанъ въ Крыму. Англія, между прочимъ, страна гравюръ. Чуть что случилось — и уже готова изящѣйшая гравюра. Почти во всѣхъ углахъ сидѣли англійскіе офицеры; всѣ они привѣтствовали насъ поклономъ. Все шло такъ хорошо: такъ весело глядѣла гостиница; живо бѣгали и цокали шары по бильяру.

Я уже думалъ потребовать прейскурантъ и приготовлялся его не понимать, какъ вдругъ подошелъ хозяинъ и объяснилъ намъ, что обѣдъ кончился, и ничего нѣтъ, а что мы можемъ найти закуски тамъ-то, у мадамъ такой-то. Я разочаровался въ пышныхъ стеклахъ, обояхъ и гравюрахъ гостиницы, носившей такое громкое имя. Мы отправились на другой конецъ Кадыкъсѣ, вошли въ одинъ угольный домъ: биткомъ набиты

¹⁾ Деревенька Кадыкъсѣ, выставленная такъ на всѣхъ картахъ и давшая имя новому англійскому Кадыкъсѣ... не правда-ли, какъ неловко?.. называлась въ Севастополѣ съ давнихъ поръ просто — Кадыковна.

воѣ комнаты! Французы, Англичане, Сардинцы... Я увидѣлъ прилавокъ, заставленный разными закусками, пирожками всѣхъ видовъ, всякимъ печенбемъ, и хотѣлъ было протянуть руку за пирожкомъ, какъ это дѣлается у насъ, попросту безъ затѣй, въ странѣ безграничной довѣрчивости и простодушія; но Пяшѣ, примѣтивъ мое движеніе, остановилъ меня и объяснилъ, что это будетъ здѣсь странно, что надо сѣсть, крикнуть гарсона (то есть быть имъ усмотрѣну) и спросить, чего задумается.

— Да это лишніа перемоніа!

— Лишніа или не лишніа, но здѣсь такъ заведено...

Мы спросили супу, воловановъ и бѣстексу и заплатили за это почти тоже самое, что и въ Камышѣ; хотѣли потомъ пройти по лавкамъ, но ихъ уже закрывали, кажется, по случаю праздника. Только шла еще продажа мелочей подъ навѣсомъ.

Пяшѣ предлагалъ мнѣ пройти въ мѣсто этого по задней, закулисной части Кадыкѣя, проникнуть въ такіе переулки, какихъ нигдѣ не видало и не слышано; но, едва заглянувъ въ нихъ, мы сейчасъ же наткнулись на шайку пьяныхъ Англичанъ и воротились назадъ.

Я увидѣлъ на одной площадкѣ большую толпу народа, стоявшую кружкомъ, гдѣ было нѣсколько парадныхъ англійскихъ всадниковъ. Мнѣ захотѣлось узнать, что тамъ дѣлается. Сѣвъ на лошадь и подѣхавъ ближе, я увидѣлъ, что въ серединѣ кружка играютъ сардинскіе музыканты. Въ окружавшей ихъ толпѣ я замѣтилъ нашего казака.

— Ты какъ здѣсь? спросилъ я его.

— Съ Мекензіевой, ваше благородіе! ¹⁾

— Поѣдешь назадъ?

¹⁾ Тамъ у насъ долго стояли войска, охранявшія прежде дорогу въ Бахчисарай.

— Какъ же, сейчасъ назадъ, только въ Балаклаву рубашку куплю.

— Поѣдемъ вмѣстѣ: я тоже ѣду туда.

— Поѣдемъ, ваше благородіе, только позвольте рубашку купить.

— Съѣди, купи.

Казаки поскакали въ Балаклаву и черезъ пять минутъ прилетѣлъ назадъ.

— Вотъ я готовъ, ваше благородіе!

Мы поѣхали вчетверомъ. Казака удивляло, что Писо такъ хорошо говорить по нашему. Сначала, въ первыхъ попыткахъ, онъ говорилъ ему *ваше благородіе*, но потомъ сталъ всматриваться и, казалось, не доумѣвалъ, что это: офицеръ или какой другой. Не хотѣлось удалому казаку ошибиться. Опъ подѣхалъ ко мнѣ потихоньку, когда я немного отсталъ, и, наклонясь, спросилъ шопотомъ: «благородные?» и моргнулъ глазами на Писо.

— Благородные! отвѣчалъ я.

Казаки успокоились.

Мы скоро подѣхали къ Федюхинымъ. Писо показалъ мнѣ мѣсто, до котораго доходила наша 7-я дивизія 4-го августа. Долго не было видно той горы, гдѣ стоялъ нашъ главнокомандующій въ началѣ боя.

Мы ѣхали ровной и широкой дорогой. Впередѣ была гора, завятая Пиемонтцами, и она-то заслоняла собою Черную рѣчку и ту гору, которой я искалъ. Я увидѣлъ нѣсколько ядеръ, разбросанныхъ въ полѣ: это наша память, оставленная здѣсь въ разныя битвы. Мы проѣхали еще съ версту, и передъ нами раздвинулось ущелье: влѣво мелькнулъ каменный мостъ, извѣстный Pont de Traktir, и все знакомое мнѣ по воспоминавіямъ битвы 4 августа стало являться мало по малу. Толпы французскихъ солдатъ подымались отъ рѣчки ущельемъ, навстрѣчу

намъ, съ ведрами воды. У рѣчки было ихъ еще больше. Дойдя до моста, я расклаваясь съ Писо и пустился съ моимъ казакомъ дальше. На мосту стоялъ французскій часовой; а за мостомъ уже видѣлись наши палатки — палатокъ пять-шесть. Французскіе аванпосты смѣшались съ нашими. Здѣсь обыкновенно смотрять билеты проезжающихъ.

— Ты какъ же проѣхалъ? спросилъ я у казака.

— Мнѣ вездѣ дорога, ваше благородіе! Мнѣ тутъ зачѣмъ ѣхать? нешто броду мало? Шаркнулъ тамъ подь Чоргуномъ — вотъ тебѣ и билетъ!

Мы скоро проѣхали черту, гдѣ стояли наши батареи въ день битвы на Черной рѣчкѣ. Тихо было кругомъ; только въ сторонѣ слышѣлъ на телегѣ какой-то Турокъ, кажется, также нарочья въ бродъ по-казацки. Ни о чемъ не думалъ онъ, какъ только о томъ, чтобы переправиться и быть скорѣе въ Балаклаву. Ничего не говорили ему эти горы, похожія для него на всякія другія горы; но передо мною столько встало группъ и отдѣльныхъ образовъ... Вѣроятно, и спутникъ мой, казакъ, также бывшій въ битвѣ, вспоминалъ что нибудь такое. Онъ безпрестанно поворачивался и оглядывалъ окрестность. Невыразимо любопытно и пріятно было мнѣ проѣзжать этими мѣстами и осматривать каждый кустъ, каждый холмикъ. Здѣсь и мнѣ когда-то выпала своя доля неизбежнаго боеваго страу и того одурающаго, молодецкаго чувства, которое даетъ только битва и котораго не купить ни на какія деньги. Я ѣхалъ тихо тою самою дорогой, гдѣ мы ѣхали тогда, приближаясь къ сраженію. Нѣсколько лошадиныхъ остововъ бѣгло по холмамъ. Попадались французскія ядра. Вотъ нашъ нижній перевязочный пунктъ. Здѣсь уже не стало вдеръ и остововъ; но я замѣтилъ въ сторонѣ чью-то могилу и крестъ. Вотъ наконецъ и спускъ съ Мекензіевой, о которомъ мы спорили съ Давнѣ. Два Англичанина мчались съ горы навстрѣчу намъ. Высоко, на краю

Мекензіевыхъ вершинъ, чернѣли наши батареи и кое-гдѣ виднѣлись орудія, вытянувъ надъ балкой свои длинныя шеи и отчурливо начертываясь въ воздухѣ. Нѣсколько солдатъ стояли наверху, смотря на дорогу. Странно: привычка видѣть столько дней синія шинели Французовъ одѣвала для меня издали и нашихъ въ тотъ же синій цвѣтъ... но вотъ наши землянки и палатки; вотъ наша русская рѣчь! Праздникъ собралъ въ кружки солдатъ, и въ серединѣ этихъ кружковъ раздавалась единственная русская пѣсня... Здорово, ребята!.. Я почувствовалъ себя дома...

Казакъ взялъ вѣтвь, а я продолжалъ путь прямо по горамъ, и черезъ нѣсколько часовъ вѣзжалъ въ Бахчисарай, уже начинавшій засыпать. Было темно и тихо, только журчали одни вѣчно бьющіе, не засыпающіе фонтаны...

Ш.

Сѣверная сторона Севастополя. — Иванъ Григорьевичъ Рудневъ. — Нахимовская гичка. — Малаховъ курганъ. — Доки. Черная рѣчка. — Инкерманъ. — Церковь Папы Климента Римскаго. — Возвращеніе. — Пароходъ! Андія. — Прощай Севастополь!

Черезъ вѣсколько дней Штабъ Крымской арміи долженъ былъ перейти изъ Бахчисарая въ Одессу. Часть офицеровъ шла походомъ, а часть отправлялась на пароходѣ Андіи, изъ Севастополя. Я принадлежалъ къ числу послѣднихъ и пріѣхалъ на Сѣверную сторону за день до отхода Андіи, бросившей якорь близъ Михайловской батареи.

Было пусто и грустно на Сѣверной. Хотѣлось повидать многихъ. Сколько лицъ приходило на память при взглядѣ на эти мѣста... а между тѣмъ никого не было. На пространствѣ земли отъ Михайловской батареи къ Сѣверному укрѣпленію, и дальше, гдѣ такъ недавно двигались и кипѣли густыя массы народу, воровъ и лошадей, теперь мелькали два-три матроса

или солдата. У базара впрочемъ было еще кое-какое движеніе. Этогъ пунктъ оставался попрежнему довольно населеннымъ.

Перебирая мысленно равныя имена, я вспомнилъ Ивана Григорьевича Руднева, командира «Херсонеса» и спросилъ объ немъ у матросовъ Михайловской батареи. Матросы отвѣчали, что Иванъ Григорьевичъ живетъ въ Сѣверныхъ баракахъ и я тотчасъ пошелъ его отыскивать.

И бараки глядѣли не такъ, какъ прежде, далеко не такъ. Это были только остовы знакомыхъ мнѣ барачковъ, безъ крышъ, безъ оконъ. Домъ, гдѣ помѣщался когда-то Штабъ, глядѣлъ на меня, ободранный и сквозящій, напоминая множество лицъ и провзшествій...

Всѣ бараки смотрѣли одинаково. Я долго не могъ понять, гдѣ же тутъ пріютится такой любитель благоустроенной жизни и всякихъ удобствъ? Но Иванъ Григорьевичъ вносилъ съ собою жизнь и удобства всюду, гдѣ только поселился.

Пройдя до Панеостовой балки, то есть до послѣднихъ барачковъ, я все таки не видалъ ничего, кромѣ развалинъ, и не встрѣчалъ нигдѣ пароду. Все было мертво и пустынно. Домикъ станціи, гдѣ я принималъ когда-то первыя Севастопольскія впечатлѣнія, но чуя на овсѣ, домикъ, нѣкогда самый оживленный — стоялъ точно также, какъ и другія, безъ крыши и безъ оконъ, отдѣльно, на бугрѣ, лишенный примыкавшихъ къ нему когда-то заборовъ и конюшенъ. Все это пошло на Бельбекскіе и другіе госпитали.

Наконецъ, направо, у самой Панеостовой балки, я увидѣлъ привѣтную красную крышу. Насупротивъ, у другаго барака, пристроена была досчатая конюшня; я заглянулъ: тройка сытыхъ коней добирала овесъ. Тутъ же, въ углу, стояла деревянная статуя женщины, украшавшая когда-то яту князя Барятинскаго «Ольвию», на которую я смотрѣлъ съ фрегата

Коварны цѣлые полгода ¹⁾. Опять воспоминанія!.. Я радъ былъ Ольвию, какъ старой знакомкѣ.

Что жъ говорить о встрѣчѣ съ живымъ добрымъ пріятелемъ, если Севастополь умѣлъ придавать особенное значеніе даже всему безжизненному! *У.*

Нечего говорить и о томъ, что комнаты Ивана Григорьевича дышали порядкомъ и всякими удобствами. Вездѣ было множество разной мебели; въ гостиной стояла даже рояль; на стѣнахъ висѣли картины. Судите, какое впечатлѣніе должно было производить все это тащъ, среди развалинъ, когда зналъ, что за стѣной, украшенной обоями и картинами, нѣтъ ровно ничего, кромѣ пустаго поля, покрытаго камнями и осколками бомбъ.

А когда мы сѣли за ужинъ, явились такіа блюда, которымъ всякій обрадовался бы даже въ столицѣ. Я не могу забыть до сихъ поръ чудовый окорокъ ветчины, телятину и куличъ, привезенный козынну изъ Одессы, на пароходѣ «Англія». Сервизъ былъ знакомый, Херсонесскій. Иванъ Григорьевичъ спасъ со своего парохода послѣднюю тарелку.

Я ночевалъ у добраго пріятеля. На другой день, послѣ чаю, опъ далъ мнѣ свою гичку съѣздить на Малаховъ, котораго и не успѣлъ осмотрѣть, живя у Французовъ. И гичка была знаменитая: она принадлежала Нахимову. Я съ наслажденіемъ и съ новыми безчисленными воспоминаніями взялся за веревки руля, которыя много разъ бывали въ рукахъ незабвеннаго адмирала.

Гребцы, настоящіе, «характерные» гичешные гребцы (у Ивана Григорьевича не характерныхъ и не водилось) замахнули

¹⁾ Яхта Ольвія стояла вблизи отъ Коварны, подъ мыскомъ, на которомъ досѣ построена батарея № 22. Эту батарею можно видѣть въ Севастоп. Альбомѣ, на рисункѣ № 31.

вслами, утонувъ разомъ въ гичкѣ и потомъ вынырнуть опять — и птица-лодка понеслась по тихой и пустынной бухтѣ.

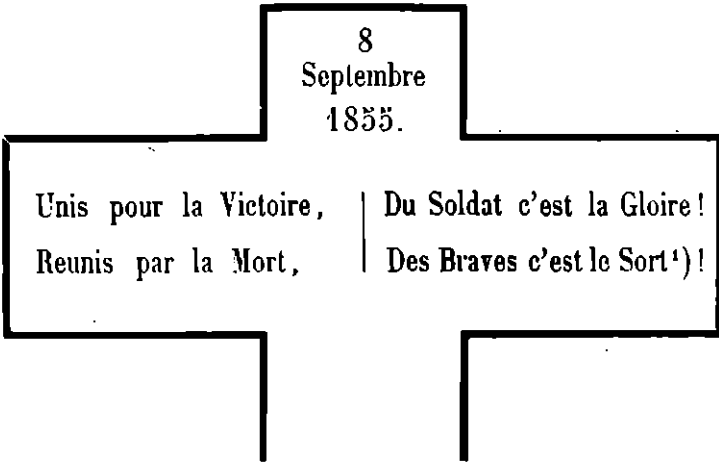
Мы пристали въ Аполлоновой балкѣ, гдѣ уцѣлѣли еще остатки прежней пристани. Это мѣсто, вообще, измѣнилось немного. На берегу, вокругъ водопроводныхъ арокъ, валялись по прежнему ядра, бомбы, осколки, всякій соръ. Но между русскимъ тряпьемъ, оставшимся нетронутымъ, въ разныя ямахъ, со дня сдачи Севастополя, — видѣ глядѣло и французское красное сукнецо и торчали изъ грязи поношенные башмаки заува, подбитые гвоздями.

По лѣвую руку, за арками водопровода, тянулась въ гору траншея, обнесенная турями, вѣроятно имѣвшая соединеніе съ Малаховымъ курганомъ. Эту траншею Французы вывели уже по занятіи города, начавъ въ концѣ сентября и кончивъ въ первыхъ числахъ октября.

Я поднялся въ гору и потомъ повернулъ по известной улицѣ къ заставѣ, мимо трактира «Ростовъ на Дону.» Въ немъ одною было движеніе: стоялъ какой-то французскій караулъ. Сквозь закопѣлыя стекла нижняго этажа мелькала сивія шинели французскихъ солдатъ и блестяя шляпа. Въ остальные дома были пусты и разрушены. На перекресткахъ, у нашихъ buttockъ, стояли англійскіе гвардейцы, въ своихъ красныхъ кафтанахъ и въ медвѣжьихъ шапкахъ, молодецъ къ молодцу.

Вотъ и поле побойщъ, сейчасъ за заставой, уже знакомое читателямъ изъ прежнихъ моихъ описаній. Оно не измѣнилось ничуть. Развѣ прибавилось ядеръ и осколковъ. Бѣлостопкая церковь была разбита совсѣмъ. Дошки направо и у подножія Малахова представляли кучи мусору и глины. А вотъ и онъ, священный въ лѣтописяхъ курганъ! Я поднялся на него известной прямой дорогой. Онъ глядѣлъ, какъ и всѣ другіе разбитые бастионы: осыпшіе валы, полузасыпанные рвы. Въ одномъ изъ нихъ, налѣво отъ Горжи, стоялъ большой деревянный

крестъ, выкрашенный черной краской, и на немъ была такая надпись:

Я насилу-насилу пашель дорогу къ башнѣ, отъ которой удѣлялъ только нижній этажъ, гдѣ на ту пору помѣщался французскій караулъ. Изъ-за одного бугра торчали ружья, составленныя въ кѣссы, съ навѣшенными на нихъ сумками, совершенно по нашему. На самой башнѣ, или правильнѣе, на ея остаткахъ, стоялъ домикъ, служившій прежде убѣжищемъ для тѣхъ, кто смотрѣлъ за телеграфомъ; пестрѣла наша русская будка, вѣялъ трехъ-цвѣтный флагъ и ходилъ часовой ²).

Я прошелъ мимо его на ту сторону кургана, поднявшись по тропинкѣ между бывшихъ блиндажей Хрулева и Лазарева, и

¹) Быть зводно для победы и вновь соединиться смертію — вотъ слава солдата, вотъ участь храбрыхъ!

²) У Французовъ, по занятіи кургана, 27 августа 1855. былъ тотчасъ устроенъ тамъ, телеграфъ. — Башню въ такомъ положеніи, какъ я описалъ сію минуту, можно видѣть въ Севастоп. Альбомѣ, рисункъ 33-й.

потомъ перейдя черезъ ровъ по сапернымъ французскимъ лѣстницамъ, вѣроятно оставшимся послѣ 27-го августа, спустился къ ближайшимъ непріятельскимъ садамъ. Я насылу изъ отыскалъ : все было засыпано, такъ что едва остался слѣдъ.

На всемъ пространствѣ этой части кургана, этого очень пологого ската ¹⁾, мнѣ безпрестанно попадались подѣ ноги мѣшки съ землей, выросше въ грунтъ до такой степени, что ихъ нельзя было пошевелить. Кругомъ пестрѣли мелкіе красневыкіе цвѣты, въ родѣ астры, какъ будто выросше изъ крови. Всюду валялось множество пуль, картечи и осколковъ.

Я прошелъ отсюда въ докп. Подлѣ морскихъ магазиновъ было сильное движеніе народу, преимущественно Англичанъ ²⁾. Они складывали въ морскіе магазины разныя вещи, находимыя въ домахъ и на улицахъ. Все это потому принималъ пароходъ, стоявшій въ доковой бухтѣ, противъ бывшаго у насъ перевалочнаго пункта. Нѣсколько фуръ и телегъ подвозили туда всякое добро. Иногда шестерка дюжихъ коней, цугомъ, по двѣ въ рядъ, тащила просто по землѣ, на цѣпахъ бревно, или тяжелую полосу желѣза. Случалось, что цѣпи лопались, сидѣвшій на переднемъ концѣ Французъ, непременно въ синей шинели и въ красной фескѣ, соскакивалъ, бранился, прилаживалъ желѣзные построжки — и тяжелая полоса опять бороздила землю и глухо звенѣла по мостовой.

Я дошелъ до шлюзовъ и увидѣлъ разрушеніе. Надо признаться, доки были взорваны отлично. Все мѣсто отъ шлюзовъ

¹⁾ Онъ никакъ не круче подъема въ Московскій кремль у Боровицкихъ воротъ.

²⁾ Корабельная называлась *Англійской стороной* и потому въ ней стояли англійскіе караулы. Французы оставили себѣ часть караульи только одинъ Мазаховъ. Южная сторона Севастополя носила названіе *Французской*.

до конца представляло огромную чашу, полную камнями и бревнами, которые какой-то богатырь встряхнул пѣсколько разъ и перемѣшалъ, но такъ, что не выскочило вонъ ни одного камушка, и ни одного не осталось въ берегахъ. Это истинный chef d'oeuvre между взрывами ¹⁾). Неподалеку отъ шлюзовъ, глядя на изъ каменныхъ волнъ обломки парохода Первазь-Бахри, когда-то чинившагося въ докахъ. Красиво подымалась труба и часть колесъ. Зеленѣвшій по ту сторону берегъ, съ развалинами казармъ, придавалъ еще болѣе эффекта картинѣ. Поэзія спорила съ тяжелымъ впечатлѣніемъ...

Я воротился въ гичку другой дорогой, мимо Павловской батареи. Всюду видѣлись красные часовые въ своихъ величавыхъ шапкахъ.

Времени было еще довольно и мнѣ вздумалось съѣздить на развалины Инкермана.

Отъ Аполлоновой балки до Черной рѣчки слишкомъ 3 версты, но мы летѣли такъ быстро, что я не замѣтилъ, какъ гичка изъ широкой бухты очутилась въ узкихъ берегахъ, покрытыхъ камышами. Попутный вѣтеръ позволялъ поставить парусъ. Проѣхавъ съ полверсты, мы увидѣли небольшой деревянный мостикъ, на которомъ опять ходилъ красный часовой. Нѣсколько Французовъ и Англичанъ, офицеровъ и солдатъ, въ перемежку съ нашими матросами, ловили улочкой рыбу, спрятавшись въ камыши. Какія-то бѣлыя красивыя лягушки, въ три цвѣтка, качались надъ осокой. Мы спустили парусъ, уложили мачту въ гичку и проѣхали подъ мостъ. Сдѣлавъ еще съ полверсты, я велѣлъ причалить къ берегу и вышелъ.

¹⁾ Въ послѣдствіи, гораздо позже, нежели написаны эти строки, я узналъ, что взрывъ доковъ произведенъ не такъ легко, какъ кажется. Доки взрывались постепенно, для чего было подведено, въ разное время, пѣсколько десятковъ минъ.

По правую руку высались крайнія уступы Сапунь-горы, крутыя обрывами, среди которых чернѣли мѣстами древнія пещеры, похожія на дѣла на гнѣзда птицъ. Къ нимъ уже давно не было подхода: подмоги и ступени рухнули Богъ вѣсть когда и лежали внизу сѣрыми обломками.

Направо, далеко, видѣлись пологія горы, гдѣ стоялъ когда-то нашъ лагерь. Немного далѣе выступала Мекензиева гора, а прямо противъ меня чернѣла отвѣсно, въ видѣ огромнаго треугольника, Инкерманская скала, также изрытая пещерами, между которыми, посрединѣ, была древняя церковь съ балкономъ, висѣвшимъ въ воздухѣ.

Я пошелъ къ этой скалѣ по зеленому лугу, изрѣзанному кое-гдѣ мелкими ручьями, и подойдя, поднялся вверхъ по каменнымъ ступенямъ. Старая Инкерманская башня, хранимая столькими вѣками, рухнула въ одинъ годъ подъ грозой войны. Я видѣлъ ее въ началѣ осады еще совершенно цѣлой, а теперь едва могъ узнать. Взглянувъ съ высоты на бѣлыя Феодушины горы, столько памятныхъ намъ и Французамъ, я сошелъ опять внизъ и поднялся другими ступенями въ церковь, гдѣ, по преданію, служилъ некогда папа Климентъ Римскій, сосланный сюда въ заточеніе. Церковь представляла небольшую комнату, высѣченную въ скалѣ. Новый иконостасъ, престолъ и двери, которыя вели на балконъ, видный снизу, — были пробиты пулями. Въ одномъ мѣстѣ, въ стѣнѣ, даже зашло ядро. Вѣроятно французскіе штурмеры, сидѣвшіе обыкновенно по ту сторону рѣки, думали, что въ церкви есть народъ, и потому стрѣляли въ нее часто. На задней стѣнѣ алтаря, подъ потолкомъ, былъ высѣченъ крестъ, сохранившійся очень хорошо. Не смотря на нѣсколько новыхъ предметовъ: образовъ и утвари, отъ церкви все-таки вѣсть дрепцостью. Внизу у дверей, повѣшена кружка для добродѣтельныхъ дѣтелей и приставленъ караулъ изъ нашихъ солдатъ. Они сказывали мнѣ, что Франгузы и Англи-

чане часто приходятъ изъ-за рѣчки и кладутъ въ кружку деньги. Въ книжкѣ для записыванія именъ жертвователей я увидѣлъ много иностранныхъ фамилій. На стѣнахъ также было чрезвычайно много надписей, свидѣтельствующихъ, когда и кто посѣщалъ церковь.

На обратномъ пути моемъ къ Сѣвернымъ баракамъ приснулъ дождикъ. Къ счастью плыть было по теченію, и я скоро очутился въ гостепріимномъ пріютѣ Ивана Григорьевича. Мы закусили и простились. Я ночевалъ на пароходѣ.

На другой день, 21 апрѣля, часа въ 3, зашумѣли колеса, подымая пѣнистую волну.

Прощай Крымъ! Прощай незабвенный Севастополь! Я влѣзь на кожухъ и долго смотрѣлъ въ сторону исчезающаго города...

Май — іюнь. 1856.

Одесса.

ОСОБЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ.

**РУССКАЯ АРМІЯ ВЪ КРЫМУ,
СЪ МАРТА 1855 ГОДА ДО КОНЦА ОСАДЫ.**

Главнокомандующій генералъ-адъютантъ князь Горчаковъ.
Начальникъ Главнаго штаба генералъ-адъютантъ Коцебу.
Дежурный генералъ генералъ-лейтенантъ Ушановъ 2-й.
Начальникъ артиллеріи генералъ-лейтенантъ Сергпутовскій.
Начальникъ инженеровъ генералъ-лейтенантъ Бухмейеръ.
Генералъ-квартирмейстеръ генералъ-лейтенантъ Бутурлинъ.
Наказной атаманъ казачьихъ полковъ генералъ-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ.

2-Й ПѢХОТНЫЙ КОРПУСЪ.

Командующій корпусомъ начальникъ 4-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Шепелевъ.

Дивизіи.	Полки и батареи.	Батальоны.	Орудія.
<p style="text-align: center;">4-Я ПѢХОТНАЯ ДИВИЗИЯ.</p> <p>Начальникъ генералъ-лейтенантъ Шепелевъ.</p>	<p>1-я бригада: Бѣлозерскій и Олонецскій пѣхотные полки.</p> <p>2-я бригада: Шлессельбургскій и Ладожскій егерскіе.</p> <p>1-я и 2-я батареинныя батареи 4-й артиллерійской бригады. (2-я, въ Августѣ 1855, выведена въ Николаевъ.)</p>		

Дивизіи.	Полки и батареи.	Батальоны.	Орудія.
<p>5-я пѣхотная дивизія. Начальникъ генералъ - лейтенантъ Вранквѣнъ.</p>	<p>1-я бригада. Великаго князя Владимира Александровича и Возогодскій пѣхотные.</p> <p>2-я бригада. Костромской и Галицкій егерскіе.</p> <p>3-я батареинная батарея 5-й артиллерійской бригады.</p> <p>4-я и 5-я легкія 5-й артилл. бригады. (объ въ Августѣ выведены въ Николаевъ).</p>		
<p>6-я пѣхотная дивизія. Начальникъ генералъ - лейтенантъ Бвльгардтъ.</p>	<p>1-я бригада. Муромскій и Нижегородскій пѣхотные.</p> <p>2-я бригада. Пивзовскій и Симбирскій егерскіе.</p> <p>4-я батареинная батарея 6-й артилл. бригады.</p> <p>7-я и 8-я легкія 6-й артилл. бригады.</p>	<p>12</p> <p>..... 12</p> <p>..... 24</p> <p>2-й стрѣлковый бат.</p> <p>2-й саперный бат.</p>	

8-Й ПѢХОТНЫЙ КОРПУСЪ.

Командиръ: генералъ отъ кавалеріи Реадъ. Потомъ генералъ отъ артиллеріи Сухожанетъ.

Дивизіи.	Полки и батареи.	Батальоны.	Орудія.
<p>7-я ПѢХОТНАЯ ДИВИЗІА. Начальникъ генералъ-лейтенантъ Ушаковъ 3-й.</p>	<p>1-я бригада. Смоленскій и Могилевскій пѣхотные.</p> <p>2-я бригада. Витебскій и Полоцкій егерскіе.</p> <p>1-я и 2-я батареинныя батареи 7-й артиллер. бригады.</p> <p>1-я и 2-я легкія 7-й артил. бригады.</p> <p>5-я резервная 7-й артиллерійской бригады.</p>	16	
<p>8-я ПѢХОТНАЯ ДИВИЗІА. Начальникъ генералъ-адъютантъ князь Урусовъ.</p>	<p>1-я бригада. Забалканскій и Полтавскій пѣхотные.</p> <p>2-я бригада. Александропольскій и Кременчугскій егерскіе.</p> <p>3-я батареинная батарея 8-й артил. бригады.</p> <p>3-я, 4-я и 5-я легкія 8-й артил. бригады.</p>	16	

Дивизіи.	Полки и батареи.	Батальоны.	Орудія.
9-я ПѢХОТНАЯ ДИВИЗИЯ. Начальникъ генералъ - майоръ Лысенко.	1-я бригада. Елецкій и Стѣвскій пѣхотные. 2-я бригада. Брянскій и Ериванскій егерскіе. 4-я батареинная батарея 9-й артл. бригады. 6-я, 7-я и 8-я легкія 9-й артл. бригады.	16 3-й стрѣлковый батальонъ. 3-й саперный батальонъ.	

4-Й ПѢХОТНЫЙ КОРПУСЪ.

Командиръ: генералъ-адъютантъ графъ Остенъ-Сакенъ.

Дивизіи.	Полки и батареи.	Батальоны.	Орудія.
10-я ПѢХОТНАЯ ДИВИЗИЯ. Начальникъ генералъ-лейтенантъ Свямкинъ.	1-я бригада. Екатеринбургскій и Тобольскій пѣхотные. 2-я бригада. Томскій и Колыванскій егерскіе. 1-я и 2-я батареинныя батареи 10-й артл. бригады. 1-я и 2-я легкія 10-й артл. бригады.	12 	- 24 24

Дивизіи.	Полки и батареи.	Батальоны.	Орудія.
<p>11-я ПѢХОТНАЯ ДИВИЗІА. Начальникъ генералъ-лейтенантъ ПАВЛОВЪ.</p>	<p>1-я бригада. Селенгинскій и Якутскій пѣхотные.</p> <p>2-я бригада. Охотскій и Камчатскій егерскіе.</p> <p>3-я батареинная батарея 11-й артл. бригады.</p> <p>3-я, 4-я и 5-я легкія 11-й артл. бригады.</p>	<p>8</p>	
<p>12-я ПѢХОТНАЯ ДИВИЗІА. Начальникъ генералъ-лейтенантъ Липранди. Потомъ генералъ-лейтенантъ МАРТИНАУ.</p>	<p>1-я бригада. Азовскій и Днѣпровскій пѣхотные.</p> <p>2-я бригада. Украинскій и Одесскій егерскіе.</p> <p>4-я батареинная батарея 12-й артл. бригады.</p> <p>6-я, 7-я и 8-я легкія 12-й артл. бригады.</p>	<p>16</p> <p>4-й стрѣльцовый батальонъ. 4-й саперный батальонъ.</p>	

5-й ПѢХОТНЫЙ КОРПУСЪ.

Командиръ: генералъ-адъютантъ Лидерсъ. Потомъ
генералъ-адъютантъ Коцебу.

Дивизіи.	Полки и батареи.	Батальоны.	Орудія.
14-я ПѢХОТНАЯ ДИВИЗІЯ. Начальникъ генералъ-лейтенантъ Моллеръ. Потомъ генералъ-майоръ Бѣлявцевъ.	1-я бригада.	44	
	Волынской и Минской пѣхотные.		
	2-я бригада.	12	
	Подольской и Житомирской егерские.		
	3-я батареинная батарея 14-й артил. бригады.	16	
	3-я и 4-я легкія 14-й артил. бригады.		
15-я ДИВИЗІЯ была въ то время на Кавказѣ, а 15-я оставалась при Южной арміи, въ Бессарабіи и послѣ въ Новороссіи.			

6-Й ПѢХОТНЫЙ КОРПУСЪ.

Командиръ: генералъ отъ инфантеріи князь Горчаковъ.
Потомъ генералъ-лейтенантъ Липранди.

Дивизія.	Полки и батареи.	Батальоны.	Орудія.
<p>16-я ПѢХОТНАЯ ДИВИЗІЯ. Начальникъ генералъ-лейтенантъ Жабокрицкій, потомъ генералъ-лейтенантъ Репенкамидъ.</p>	<p>1-я бригада. Владимірскій и Суздальскій пѣхотные.</p>	8	
	<p>2-я бригада. Углицкій и Великаго князя Михаила Николаевича егерскіе.</p>		
	<p>1-я и 2-я батарейныя батареи 16-й артиллерійской бригады. (2-я батарейная была въ Крыму только двѣ недѣли, въ октябрь 1855).</p>	24
	<p>1-я и 2-я легкія 16-й артл. бригады.</p>	24

Дивизіи.	Полки и батареи.	Батальоны.	Орудія.
<p>17-я ПѢХОТНАЯ ДИВИЗІЯ. Начальникъ генераль-лейтенантъ ВЕСЕЛИТСКІЙ.</p>	<p>1-я бригада. Московскій и Бутырскій пѣхотные.</p> <p>2-я бригада. Лейбъ-егерскій Бородинскій и Тарутинскій егерскіе.</p> <p>3-я батареинная батарея 17-й артл. бригады.</p> <p>3-я, 4-я и 5-я легкія 17-й артл. бригады.</p>	<p>8</p> <p>.....</p> <p>6-й стрѣлк. батальонъ. 6-й саперн. батальонъ.</p>	<p>24</p>

Дивизиі.	Полки и батареи.	Эскадроны.	Орудія.
<p>6-я ЛЕГКАЯ КАВАЛЕРІЙСКАЯ ДИВИЗІЯ. Начальникъ генераль-лейтенантъ Ланской.</p>	<p>Гусарскій грессъ-герцога Саксенъ-Веймарскаго. Гусарскій Великаго князя Николая Максиміановича. 19-я и 20-я коннолегкі батареи 1-й конноартиллерійской дивизиі.</p>	<p>16</p> <p>.....</p>	<p>16</p>
<p>7-я РЕЗЕРВНАЯ ПЕХОТНАЯ ДИВИЗІЯ. Командующій генераль-майоръ Поповъ.</p>	<p>При объѣхъ три артиллерійскія батареи.</p>		
<p>18-я РЕЗЕРВНАЯ ПЕХОТНАЯ ДИВИЗІЯ. Командующій генераль-майоръ Липскій.</p>			

ГРЕНАДЕРСКИЙ КОРПУСЪ:

Командиръ: генераль-адъютантъ Плаутивъ.

Дивизиі.	Полки и батареи.	Батальоны.	Орудія.
<p>2-я ГРЕНАДЕРСКАЯ ДИВИЗИЯ.</p> <p>Начальникъ генералъ-лейтенантъ ЖЕРКОВЪ.</p>	<p>1-я бригада.</p> <p>Его Величества короля Нидерландскаго и принца Евгенія Виртембергскаго.</p> <p>2-я бригада.</p> <p>Лейбъ - гренадерскій Екатеринославскій Его Величества и Гроссъ-Герцога Фридриха Мекленбургскаго.</p> <p>3-я и 4-я батареинныя батареи 2-й гренадерской артиллерійской бригады.</p> <p>3-я и 4-я легкія и 8-я облегченная (нынѣ 6-я облегченная) 2-й гренадерской артил. бригады.</p>		

Дивизіи.	Полки и батареи.	Батальоны.	Орудія.
<p>7-я ГРЕНАДЕРСКАЯ ДИВИЗИЯ. Начальникъ генералъ-лейтенантъ Крыловъ.</p>	<p>1-я бригада. Великаго князя Николая Николаевича и генералъ-фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго.</p> <p>2-я бригада. Генералиссимуса князя Италийскаго, графа Суворова-Рымнинскаго, и Великаго князя Александра Александровича.</p> <p>5-я и 6-я батареиныя батареи 3-й гренадерской артиллерійской бригады.</p> <p>5-я, 6-я легкія и 8-я легкая (нынѣ 9-я облегченная) 3-й гренадерской артиллер. бригады.</p>	<p>Гренадерскій стрѣлковый батальонъ.</p>	

Дивизиін.	Полки и батареи.	Эскадроны	Орудія.
<p>7-я КИТАЙСКАЯ НАВАЛЕРІЙСКАЯ ДИВИЗИЯ. Начальникъ генералъ-лейтенантъ Бвзобразовъ.</p>	<p>1-я бригада. Уланскіе: Великаго князя Михаила Николаевича и принца Фридриха Виртембергскаго.</p> <p>2-я бригада. Гусарскіе: Великаго князя Константина Николаевича и Его Величества короля Виртембергскаго.</p>		
<p>РЕЗЕРВНАЯ УЛАНСКАЯ ДИВИЗИЯ. Начальникъ генералъ-лейтенантъ баронъ Корфъ. Потомъ генералъ-адъютантъ князь Радзивилъ.</p>	<p>1-я бригада. Уланскіе: эрцъ-герцога Австрійскаго Леопольда и Ново-архангельскій.</p> <p>2-я бригада. Уланскіе: Великой княгини Екатерины Михайловны и принца Александра Гессенскаго.</p> <p>26-я конно-легкая батарея 2-й конно-артиллерійской дивизиі.</p> <p>12-я конно-легкая батарея.</p>	<p>32</p> <p>..... 8</p> <p>..... 8</p>	

2-Й РЕЗЕРВНЫЙ КАВАЛЕРІЙСКІЙ КОРПУСЪ.

Командиръ: генералъ отъ кавалеріи Шабельскій.

Дивизіи.	Полки и батареи.	Эскадроны и сотни.	Орудія.
1-я ДРАГУНСКАЯ ДИВИЗІЯ. Начальникъ генералъ - адъютантъ графъ Ржевускій.	Лейбъ-Драгунскій Его Величества; драгунскіе Великихъ князей Константина Николаевича и Михаила Николаевича и 1-й Уральскій казачій полкъ.	30 эскадроновъ и 6 сотень.	
2-я ДРАГУНСКАЯ ДИВИЗІЯ. Начальникъ генералъ-лейтенантъ Монтезоръ.	Драгунскіе: принца Эммануила Гессенскаго, Рижскій и Финляндскій, и 2-й Уральскій казачій полкъ.	30 эскадроновъ и 6 сотень.	
Резервная бригада 3-й, 4-й и 5-й легкихъ кавалерійскихъ дивизій. Начальникъ генералъ-лейтенантъ Рыжовъ.	Сводный маршевый резервный уланскій и таковой-же гусарскій полки. 9-й, 22-й, 30-й, 42-й, 53-й, 55-й, 56-й, 57-й, 60-й, 61-й, 65-й и 67-й Донскіе казачьи полки.	1-й конно-піонерный дивизионъ. 12 эскадр. 69 сотень.	

Дивизія.	Полки и батареи.	Батальоны.	Орудія.
	2-я и 3-я Донскія казачья батареи.	16
	4-я Донская резервная батарея.	8
	Своиыи Черноморскій казачій полкъ.	4 сотни.	
		5-й и 15-й Черноморскіе линейные батальоны.	
		2-й, 5-й, 6-й, 8-й и 9-й Черноморскіе казачьи батальоны.	
	Конно - легкой Черноморской батареи.	4
		1-й эскадронъ лейбъ-гвардіи Черноморскаго дивизіона.	
		Греческій Балаклавскій батальонъ.	
		Таврическій и Керченскій гарнизонные полубатальоны.	
		4-й эскадронъ жандармскаго полка.	

Кромѣ того, въ Крыму находились слѣдующія ополченія :

1) *Курское ополченіе*. Командующій: генералъ-майоръ Бѣлевцевъ. Въ этомъ ополченіи заключались дружины: 39) Фатежская — командиръ майоръ Корецкій. 40) Курская — полковникъ Васильевъ. 41) Курская — генералъ-майоръ Толмачевъ. 42) Тимская — майоръ Бунинъ (стояла около Сарабулата). 43) Щигровская — майоръ Черемисиновъ. 44) Старо-оскольская — майоръ Кокурановъ, (на Мекензѣевой горѣ). 45) Старо-оскольская — князь Голицынъ. 46) Корочинская — майоръ Звеглицевъ (около Бахчисарая). 47) Обоинская — майоръ Фонъ-Аммерсъ. 48) Бѣлгородская — подполковникъ Рѣдвинъ. 49) Гривворонская — подполковникъ Трифоновъ (прибыла первая въ Севастополь, 1-го Юля 1855). 50) Суджинская — майоръ Выдовъ. 51) Львовская — майоръ Изъѣдниковъ. 52) Рыльская — подполковникъ Сафоновъ, (оба номера 51 и 52 на Бельбекѣ). 53) Дмитріевская — подполковникъ Сигаревъ. 54) Путивльская — дѣйствительный статскій совѣтникъ Степановъ (въ Симферополѣ). 55)...

Сначала, дружины: 45-я, 47-я и 48-я поставлены на Сѣверной сторонѣ, въ кремальерныхъ батареяхъ, а 49-я на 10-мъ бастионѣ; и отъ каждой взъ 17-ти дружинъ отправлено по разнымъ бастионамъ отъ полтора ста до двухсотъ человекъ.

Въ день штурма 27-го августа были: 47-я на Малаховомъ. 48-я на 1-мъ и 2-мъ бастионахъ. 49-я на 2-мъ бастионѣ. 43-я на 3-мъ бастионѣ. 39-я и 41-я на Графской площади. 40-я между 3-мъ и 4-мъ бастиономъ. 53-я между 3-мъ бастиономъ и Малаховымъ курганомъ. 45-я оставалась на работахъ въ кремальерной линіи на Сѣверной сторонѣ.

Въ дружинѣ считалось всѣхъ чиновъ 1,120 человекъ. По всѣхъ 17-ти дружинахъ Курскаго ополченія было до 18-ти тысячъ человекъ.

2) *Тульское ополченіе* (приведено по сдачѣ Севастополя генералъ-лейтенантомъ княземъ Голицынымъ, выведено генералъ-адъютантомъ княземъ Мешниковымъ). Въ немъ были слѣдующія дружины: 80) Бѣлевская — майоръ Озеровъ. 81) Тульская — майоръ Меринскій. 82) Алексинская — полковникъ Бартельсонъ. 83) Каширская — майоръ Муромцевъ, (всѣ эти номера между Бахчисараемъ и Севастополемъ). 84) Бѣремовская — майоръ Масловъ, (подъ Еническомъ). 85) Богородицкая — генералъ-майоръ Лыбенковъ и потомъ майоръ Лядыженскій, (на Чонгарскомъ мосту). 86) Новосильская — майоръ Зыбинъ, (подъ Еническомъ). 87) Крапивинская — полковникъ Чернавкинъ, (въ Дуванкѣ). 88) Чернская — майоръ Сухотинъ, (подъ Еническомъ). 89) Веневская — полковникъ Норовъ. 90) Епифанская — подполковникъ Муравьевъ, (оба номера между Бахчисараемъ и Севастополемъ).

Была часть *Калуужскаго*, стоявшая въ Θεодосіи и часть *Орловскаго* ополченія, (55, 56, 59, 60, 63, 64, 65 и 66-я дружины, кои были прикомандированы къ гренадерамъ.)

. ФРАНЦУЗСКАЯ АРМІЯ СЪ 1/19 МАЯ 1855 ДО КОНЦА ОСАДЫ.

Главкомадующій Пеллессье. Начальникъ его штаба генералъ Мартенпре. Начальникъ всей артиллеріи генералъ Тири.
Начальникъ инженеровъ генералъ Ніель.

1-й КОРПУСЪ.

Корпусный командиръ генералъ де Салль.—Начальникъ штаба генералъ Ривѣ (убить 27 августа). Начальникъ артиллеріи генералъ Лебѣфъ. Начальникъ инженеровъ Триппѣ, потомъ Далемъ.

Дивизіи.	Бригады.	Номера линейныхъ полковъ.	Батальоны.	Сколько батальоновъ.	Орудія.	Роты саперъ.
1-я дивизія д'Отмара.	1-я бригада Ніюля.	19,26	5-й стр.	5	6	1 р.
	2-я бригада Бретона (убить 27 августа.)	39,74	4	6	
2-я дивизія Левальяна.	1-я бр. Кустона.	24,42	9-й стр.	5	6	1 р.
	2-я Дювала; Де Ламоттъ- Ружа; Тро- шю.	46,80	4	6	
3-я дивизія Патѣ.	1-я бригада Берѣ.	28,98	6-й стр.	5	6	1 р.
	2-я бригада Базена.	1-й и 2-й иностран. лег.	6	0	

Дивизиі.	Бригады.	Номера линейных полковъ.	Батальоны.	Сколько батальоновъ, или эскадроновъ.	Орудія.	Роты саперъ.
4-я дивизія Буд.	1-я бригада Фомё; Ле- февра.	18,79	10-й стрѣл.	5	6	1 р.
	2-я бригада Дюваля; дела Рокетта.	14,43	4	6	
Кавалерій- ская дивизія Морриса.	1-я бригада Кассаньоля.	1-й и 3-й	аэрик. егерей.	8	6	
	2-я бригада Дюва; Фера- ля.			2й- и 4-й		
	Въ половинѣ августа при- были полки.)	30,35
Кромѣ того при корпусѣ артиллеріи 24						

У Французовъ, въ линейномъ полку 3 батальона, въ зуавскомъ 2 батальона. Комплектъ въ ротѣ 123 ч., въ батальонѣ обыкновенно 8 ротъ, въ Крыму нѣрѣдко было по 6-ти ротъ. Подъ конецъ осады, по увѣренію плѣнныхъ, въ ротѣ считалось

отъ 60 до 80 ч., въ батальонъ отъ 360 до 480. Възявъ среднее въ роткахъ, будетъ 70, а въ батальонахъ 420. — 2 полка составляютъ бригаду; 4 полка — дивизию.

Въ кавалерійскомъ полку 4 эскадрона. Комплектъ въ эскадронъ 125 ч. Въ полку 500. Къ концу осады въ эскадронъ считалось 100, въ полку 400 человекъ.

2 - й корпусъ.

Корпусный командиръ генералъ Боскэ. — Начальникъ штаба де-Линьерсъ. — Начальникъ артиллеріи генералъ Бёре. — Начальникъ инженеровъ генералъ Фросоаръ.

Дивизіи.	Бригады.	Номера полковъ.	Батальоны.	Число батальоновъ, въ которыхъ артиллерія.	Орудія.	Роты саперъ.
1-я дивизія Кавробера; Брюа; Макъ- Магона.	1-я бригада Эспинаса; полковника Декана.	1-й зуав. 7-й лин. <small>(идетъ впередъ на Малаковъ, 27 августа 1855).</small>		6	6	1 р.
	2-я бр. Вишюа.	20, 27 лин.	1-й стр.	4	6	
2-я дивизія Каму.	1-я бригада Вишюена.	3-й зуавск. 50 лин.	алжир. стрѣлк.	7	6	1 р.
	2-я бригада Вержé.	6, 82 лин.	2-й стр.	5	6	

Дивизиі.	Бригады.	Номера полковъ.	Батальоны.	Число батальоновъ, или взводовъ.	Орудія.	Роты саперъ.
3-я дивизиі Мерана (убить 6 іюня). Фощё.	1-я бр. Лаваранда (убить 27 мая).	2-й зуав. и 4-й морской.	19-й стрѣлк.	6	6	1 р.
	2-я бригада Фальн.	95,97	4	6	
4-я дивизиі Дюлака.	1-я бригада Сепъ-Поля (убить 27 августа).	57,85	17 стр.	5	6	1 р.
	2-я бр. Биссона (убить 27 авг.)	10,61	4	6	
5-я дивизиі Брюнэ (убить 6 іюня); де Ламоттъ- Ружа.	1-я бригада Кьера; полк. Дюирэ; ген. Бурбаки.	86,100	4-й стр.	5	6	1 р.
	2-я Лафопъ-деВильерса; полк. Пикара.	49,91	4	6	

Дивизіи.	Бригады.	Номера полковъ.	Эскадроны.	Число вѣдѣн.	Орудіа.	Роты саперъ.
Кавалерійская дивизія д'Альонвилья.	1-я бригада	1-й и 4-й гусарскіе.	8	6	1 р.
	2-я Шампена. бригада.	6-й и 7-й драгунскіе.	8	6	
Кромѣ того артиллерія при корпусѣ						30

РЕЗЕРВНЫЙ КОРПУСЪ.

Корпусный командиръ генералъ Реньо-де-Сенъ-Жанъ-д'Анжели. — Гербильонъ.

Дивизіи.	Бригады.	Номера линейныхъ полковъ.	Батальоны.	Число вѣдѣн, для вѣдѣн.	Орудіа.	Роты саперъ.
1-я дивизія Гербильона.	1-я бригада Моргенà.	47,53	14-й ст.	5	6	1 р.
	2-я бригада Клера.	62,73	4	6	
2-я дивизія д'Орелля.	1-я бригада Монтенара.	9,32	7-й стр.	5	6	1 р.
	2-я Перренъ-Жонкьё; Маролля.	15,96	4	6	

Дивизіи.	Бригады.	Номера полковъ.	Батальоны.	Число батальоновъ, для вѣдѣрованія.	Орудій.	Роты саперъ.
Гвардейская дивизія Меллинѣ.	1-я бригада Урика.	1-й и 2-й зуав. волт.	7	6	1 р.
	2-я бр. Понтевѣ.	1-й и 2-й грех. стрѣл.	7	6	
	Кавалерійская бриг. Фортона.	6-й и 9-й кирассир.	16	6	
Кромѣ того артилерія					24	

АНГЛІЙСКАЯ АРМІЯ.

Главкомандующій лордъ Рагланъ; потомъ генералы Симпсонъ;
Кодрингтонъ.

Дивизіи.	Бригады.	Номера полковъ.	Число батальоновъ.
1-я пѣхотная дивизія Колинъ-Кемпбеля.	1-я бриг. Рокби;	9
	Горна. 2-я Камерона.	
2-я пѣх. дивизія Пеннефетера; Бернара; Марк-Гама;	1-я бр. Троллопа;	41, 47, 49	7
	Варрена. 2-я Токьюра; Виндгама.	30, 35, 95	

Дивизіи.	Бригады.	Номера полковъ.	Число бат. или эскадр.
3-я пѣх. дивизія Ингланда; Эйра.	1-я бригада Бер- нара; Бардова. 2-я Эйра; Троллопа. 4,28,36	10
4-я пѣх. дивизія Джонъ-Кемпбеля (уб. 6 іюня); Бентлика.	1-я бр. Макер- сона. 2-я Геррета.	20,21,46	7
Легкая пѣх. див. Броуна; Бюллера; Кодрингтона.	1-я бр. Кодринг- тона; Шилла. 2-я Бюллера; Штраубензен.	7,19,23 33,77,78	10
Кавалер. дивизія Сперлета.	1-я бр. Педжета. 2-я Годге.	5 полковъ гусар. улан. и драгунъ. 7 полковъ драгунъ.	24 эскадр.
Орудій 60..			

У Англичанъ, по словамъ пѣхотныхъ, въ пѣхотной дивизіи 10 полковъ, въ полку 1 батальонъ, въ батальонѣ 8 ротъ. Комплектъ въ ротѣ 100 чел., въ батальонѣ 800. Къ концу осады въ полку считалось около 550 чел.

САРДИНСКАЯ АРМІЯ.

Главнокомандующій Альфонсъ делья-Мармора.

Дивизіи.	Бригады.	Число батал. или эскадроповъ.
1-я пѣхотная дивизія Дурандо.	1-я бригада Фанти. 2-я Чіашьдини.	10
2-я пѣхотная дивизія Тротти.	1-я бр. Монтеверджо. 2-я Моллара.	10
	Резервная бр. Жаллье и одинъ полкъ кавалеріи (600 ч.)	5 4
Артиллеріи 36 батарей.		

Арміи до 15 тысячъ.

У Сардинцевъ въ полку по одному батальону, въ батальонѣ 4 роты; комплектъ въ ротѣ 125 чел.; въ батальонѣ 500. Къ концу осады считалось въ ротѣ до 90 ч.; въ батальонѣ 360 ч.

Примѣчаніе. Въ этихъ спискахъ чины дивизионныхъ и бригадныхъ генераловъ вездѣ опущены. Если же бригадой командовалъ полковникъ, то чинъ его обозначенъ. «Дивизія Капробера; Брѣя; Макъ-Магона» — означаетъ, что этою дивизіею командовали послѣдовательно генералы: Капроберъ, потомъ Брѣя и наконецъ Макъ-Магонъ. То же и въ бригадахъ.

ТУРЕЦКАЯ АРМІЯ.

Главнoкомандующій Омеръ-Паша.

4 дивизіи:

Решидъ-Паша.

Османъ-Паша.

Измаилъ-Паша.

Менекли-Паша. (Египетская)..

Всего до 28 тысячъ.

Всей арміи у союзниковъ было въ одно время около 160 тыс.

РАПОРТЪ МАРШАЛА ЦЕЛИССЬЕ

ВОЕННОМУ МИНИСТРУ О ВЗЯТИИ СЕВАСТОПОЛЯ.

Главная квартира Севастополь,
2/18 сентября, 1855.

Честь имѣю представить вашему превосходительству подробный рапортъ о взятіи Севастополя, что было уже мною донесено вкратцѣ, депешей отъ 11 числа.

Часъ приступа казалось насталъ. На лѣвомъ нашемъ флангѣ осадныя работы приблизились уже довольно давно къ Мачтовому и Центральному бастіонамъ на 40 и на 30 метровъ¹⁾. На правомъ флангѣ наши подступы, двинутые быстро подъ защитою артиллерійскаго огня, открытаго 5/17 августа, подошли на 25 метровъ къ исходящему углу Малахова кургана и Малаго реданта²⁾. Артиллерія наша состояла изъ ста дѣйствующихъ батарей, имѣя въ совокупности 350 орудій на лѣвомъ и 250 на правомъ флангѣ. Англичане, задержанные въ работахъ упорнымъ каменнымъ грунтомъ, подошли не ближе 200 метровъ къ Большому реданту³⁾, противъ котораго вели свои апроши.

1) Мачтовый и Центральный бастіоны у насъ — 4-й и 5-й. Метръ равняется аршину и пяти вершкамъ съ небольшимъ; на вершинѣ почти 22 вершка.

2) 2-й бастіонъ.

3) 3-й бастіонъ.

Съ нѣхъ стороны дѣйствовало 200 орудій. Русскіе съ-чю время задержали снади Малахова вторымъ снади (артиллерійскія снади) и вторымъ снади слѣдовало по-дѣлать до-дѣлать снади (артиллерійскія снади), снади-гательная армія¹⁾ неприятеля была совершенно разбита 10-го августа, на Черной рѣкѣ, вѣ-дѣно было съ-дѣлать снади предположить, что снади неприятель Русскіе не-дѣлать и не-отвѣтаетъ вторично атаковать нашу Боденшюльскую позицію, гдѣ мы укрѣпились еще сильнѣе и конечно могли отразить всякое покушеніе противника.

Въ слѣдствіе всего этого было соглашено между мной и генераломъ Симпсономъ штурмовать Севастополь. Главный начальникъ артиллеріи, а равно и главный начальникъ осадныхъ работъ были съ нами одного мнѣнія. Днемъ приступа мы назначили 8-е сентября.

Должно было атаковать неприятеля на вѣ-дѣ главныхъ пунктахъ его обширной оборонительной линіи, дабы досрочно-дѣлать ему направить всѣ свои силы противъ главной, избранной нами точки приступа, а также слѣдовало нанести поражение и самому городу, гдѣ Русскіе построили мостъ для переправы арміи на Сѣверный берегъ. Генералъ де-Салль съ 1-мъ корпусомъ, усиленнымъ бригадою Сардинцевъ, которыхъ содѣйствіе предложилъ мнѣ генералъ де-ла-Морра, — долженъ былъ атаковать неприятеля съ лѣваго фланга. Въ центрѣ, противъ Большаго реданта имѣли дѣйствовать Англичане; наконецъ, на правомъ флангѣ, предназначено вести атаку генералу Боскѣ противъ Малахова кургана и Малаго реданта, — главныхъ исходящихъ пунктовъ Корабельной.

¹⁾ Такъ Французы называли постоянно наши войска, стоявшія на Мекензійской горѣ и вообще на Сѣверной сторонѣ, хотя для насъ это была одна и таже армія, что на Южномъ.

Диспозиція для этихъ атакъ были слѣдующія: на лѣвомъ флангѣ дивизія Леваляна (2-я дивизія 1-го корпуса; бригада Кустона: 9-й стрѣлковый батальонъ, подъ командой майора Рожье; 21-й линейный, — подполковникъ Виллереть; 42-й линейный — подполковникъ де-Маллетъ. Бригада Трошо: 46-й линейный — подполковникъ Лебанеръ; 80-й линейный — полковникъ Латеррадъ), имѣвшая дѣйствовать противъ Центрального бастиона и его донесовъ, была помѣщена въ передовыхъ паралеляхъ. Направо отъ нея находилась дивизія д'Отмара (1-я дивизія 1-го корпуса; бригада Шоля: 5-й стрѣлковый батальонъ — майоръ Гарнье; 19-й линейный — полковникъ Гиньяръ; 26-й линейный — полковникъ де Сорбьеръ. Бригада Бретона: 39-й линейный — полковникъ Коминьянъ; 74-й линейный — полковникъ Гюйо-де-Леспаръ), которая должна была, вслѣдъ за движеніемъ дивизіи Леваляна, овладѣть горжей Мачтоваго бастиона и окружающихъ его батарей. Бригада Сардинцевъ, подъ начальствомъ генерала Чіальдини, помѣстясь рядомъ съ дивизіей д'Отмара, должна была атаковать правый флангъ сказаннаго бастиона. Наконецъ дивизія Буа (4-я дивизія 1-го корпуса; бригада генерала Лефевра: 10-й стрѣлковый батальонъ — майоръ Гимаръ; 18-й линейный полкъ — полковникъ Дантеъ; 19-й линейный — полковникъ Гренье. Бригада генерала де-ла-Рокетта: 14-й линейный — полковникъ Негрь; 43-й линейный — полковникъ Брутта) и дивизія Патэ (3-я дивизія 1-го корпуса; бригада Бёре: 6-й стрѣлковый батальонъ — майоръ Фермье де-ла-Превоте; 28-й линейный — полковникъ Лартигъ; 98-й линейный — полковникъ Консель-Дюменьяль. Бригада Базена: 1-й полкъ Иностраннаго легіона — Мартено-де-Кордю; 2-й полкъ Иностраннаго легіона — полковникъ де-Шабрьеръ) служили резервомъ дивизіи Леваляна. Сверхъ того, на случай непредвидѣнныхъ измѣненій битвы на упомянутомъ флангѣ, я приказалъ дви-

путью из Кампана и состоять въ распоряженіи генерала де Салля: 30-му и 36-му линейнымъ полкамъ, которые были помещены на сѣверо-западной оконечности этого вѣдья, подѣржали съ этой стороны наши дѣла.

Впередѣ Карабасовой, какъ я уже сказалъ, были итака должны были принять три направленія: сѣверо на Малахова и его редантъ; справа на Малый редантъ, и въ центрѣ на Туртину, которая соединяетъ эти два верна. Малаховъ курганъ былъ очевидно самымъ главнымъ пунктомъ этой части рубскихъ укрѣпленій. Занятіе его влекло за собой абсолютное уничтоженіе остальныхъ оборонительныхъ пунктовъ; въ слѣдствіе чего, къ войскамъ, которыми командовалъ генералъ Боскэ, я присоединилъ всю пѣхоту Императорской гвардіи.

Атака Малахова кургана была поручена генералу Магону (1-я дивизія 2-го корпуса; 1-я бригада полковника Декана: 1-й зуавскій полкъ — полковникъ Коллино, и 7-й линейный — полковникъ Деванъ. 2-я бригада генерала Виуа: 1-й стрѣлковый батальонъ — майоръ Гамбье; 20-й линейный — полковникъ Орианъ; 27-й линейный — полковникъ Адамъ), который имѣлъ въ резервѣ бригаду Вишеска изъ дивизіи Каму (3-й зуавскій полкъ — полковникъ Деларъ; 50-й линейный — полковникъ Никола и адмиралскій стрѣлковый батальонъ — полковникъ Розъ) и 2 батальона гвардейскихъ зуавовъ — полковникъ Жанненъ.

Атака Малаго реданта предоставлена была генералу Дюлаку (4-я дивизія 2-го корпуса; бригада Сень-Поля: 17-й стрѣлковый батальонъ — майоръ де-Ферюссакъ; 87-й линейный — полковникъ Дюпон; 88-й линейный — полковникъ Жаваль. Бригада Биссона: 10-й линейный — майоръ де-Ланотри; 61-й линейный — полковникъ де-Таксисъ). Въ резервѣ у него бригада Мароля изъ дивизіи д'Орелля (15-й линейный — полковникъ Геренъ и 96-й линейный — полковникъ Малербъ)

и гвардейскій стрѣлковый батальонъ — майоръ Корнюлье-де-Люсиньеръ. Наконецъ генералъ де-Ламоттъ-Ружъ (бригада Бурбаки: 4-й стрѣлковый батальонъ — майоръ Клиншанъ; 86-й линейный — полковникъ де-Бертъе; 100-й линейный — полковникъ Матьё. Бригада полковника Пикара: 91-й линейный — полковникъ Пикаръ; 49-й линейный — полковникъ Кергуеръ) велъ атаку въ центрѣ, на Куртину, имѣя въ резервѣ гвардейскіе востигереры (полковники Монтеръ и Дуэ) и гвардейскіе гренадеры (полковники Бланшаръ и Дальтонъ), подъ прямымъ начальствомъ гвардейскаго дивизионнаго генерала Меллане, коему были подчинены бригадные генералы Понтеве и Фалье.

Для помѣщенія сихъ войскъ наши траншеи были раздѣлены на три части, изъ которыхъ каждая должна была содержать въ своихъ передовыхъ линіяхъ почти цѣлую дивизію, а резервы должны были занять частію старыя наши траншеи, частію овраги Корабельный и Килевой¹⁾. Необходимо было имѣть въ виду, чтобы сборъ этихъ войскъ не былъ замѣченъ непріятелемъ: въ слѣдствіе чего коммуникаціонныя линіи, ведущія къ передовымъ плацдармамъ, осмотрѣны съ надлежащимъ вниманіемъ, и всюду, гдѣ только войска могли быть открыты, гребень бруствера достаточно возвышенъ, дабы сдѣлать проходъ совершенно безопаснымъ.

На обонихъ флангахъ атакъ находились команды саперъ и артиллеристовъ, съ шанцевымъ инструментомъ, чтобы слѣдовать во главѣ каждой атакующей колонны. Саперы, прикрываемые особеннымъ авангардомъ, должны были наводить мосты, для чего было произведено нѣсколько предварительныхъ маневровъ, а самые материалы для мостовъ были заготовлены

¹⁾ Дюковъ оврагъ и Килонъ-баллу.

впереді первой линіи тракшей. Артиллеристы имѣли при себѣ все необходимое для этихъ дѣйствій, какъ-то: молоты, расклевки и другія инструменты, для расклевывать орудія, смонтировать подвѣшеть, и обрѣзать ихъ, если будетъ возможно; при этомъ имѣли при себѣ: Сперанъ того, что въ войнѣ перевозятъ: фатальныя инструменты: свѣчки, свѣчки, свѣчки, свѣчки команды въ короткихъ лопаткахъ, которые имѣли при себѣ въ зарядной сумкѣ: эти команды употребляли переходы, зарыли ры, переносили траверсомъ, сажая въ землю все начальныя работы, столь важныя въ первое изнѣженіе.

Наконецъ было поставлено нѣсколько полевыхъ батарей въ такихъ мѣстахъ, откуда онѣ, въ случаѣ надобности, могли немедля открыть огонь и принять участіе въ общемъ дѣйствіи. На лѣвомъ флангѣ одна такая батарея заняла самую ближайшую къ непріятелю выемку, со своими уносными лошады и артиллеристами, которые имѣли при себѣ все подлежащее снаряды. Двѣ другія батареи 1-й дивизіи должны были держаться на батареѣ Клошетоу. Последняя, 4-я батарея, расположилась влѣво отъ нашихъ госпиталей. На правомъ флангѣ артиллерійскій резервъ, въ 24 полевыхъ орудія, долженъ былъ размѣститься такимъ образомъ: 12 орудій дивизионныхъ на старой Ланкастерской батареѣ и 12 гвардейскихъ на редутѣ Викторіи. Рабочіе, поставленные въ известныхъ пунктахъ, должны были, когда потребуется, устроить проѣздъ для упомянутой артиллеріи.

Первая бригада дивизіи д'Ореля расположена была такъ, чтобы отразить движеніе непріятеля противу Инкерманскихъ отдогостей, имѣя въ помощь себѣ все батареи и редуты, находящіяся на этомъ протяженіи.

Сзади всѣхъ поименованныхъ линій генералъ Гербилювъ охранялъ нашу позицію на Черной, будучи готовъ ежеминутно

дооружить пѣхоту, посадить на коней кавалерію и двинуть артиллерію.

Въ подкрѣпленіе ему я велѣлъ спуститься туда же кирасирской бригадѣ генерала Фортона. Генералъ дельга-Мармора былъ предувѣдомленъ обо всѣхъ этихъ распоряженіяхъ. Что же касается до генерала д'Алловиана, онъ долженъ былъ, въ ночь съ 7-го на 8-е сентября (съ 26-го на 27-е августа) выступить изъ Байдарской долины и сосредоточить свои войска подлѣ Крѣдскаго моста, на случай, если бы вспомогательная русская армія стала угрожать намъ съ этого пункта.

Вслѣдствіе обоюднаго соглашенія съ генераломъ Симпсономъ, мы рѣшили начать приступъ въ полдень. Этотъ часъ представлялъ многія выгоды: онъ давалъ намъ надежду напасть на непріятеля въ расплохъ. И еслибы вспомогательная армія отважилась отбивать занятые нами верки, она не могла бы совершить этого до заката солнца. Вообще, какой бы ни былъ результатъ нашихъ атакъ, у насъ оставалось до слѣдующаго утра довольно времени, чтобы сдѣлать необходимыя распоряженія.

Съ ранняго утра 8-го сентября, артиллерія нашего лѣваго фланга (которая еще 5 сентября, на разсвѣтѣ, открыла сильный огонь), начала громить непріятеля. Батареи праваго фланга помогали ей съ равной энергіей, имѣя однакоже въ виду дѣйствовать во время пригтовляемаго штурма.

Къ 8-ми часамъ было взорвано передъ Центральнымъ бастиономъ двѣ мины, каждая во 100 килограммовъ пороху, и тогда же, впереди Малахова, поднято на воздухъ три фугаса въ 1.500 килограммовъ пороху, дабы пробить русскія подземныя галлерей.

Овладѣніе курганомъ и окрестными ему батареями должно было упредить всѣ наши дѣйствія этого дня: другія атаки под-

чинялись ему необходимо. Въ слѣдствіе чего мы условились съ генераломъ Симпсономъ, чтобы Англичане двинулись на Большой редутъ не иначе, какъ послѣ даннаго отъ насъ сигнала, когда я уверюю, что мы стоимъ на Маломъ твердомъ ногою. Равно и генералъ де-Салль не долженъ штурмовать въ одну сторону, а иначе, какъ увидимъ, другая имѣетъ сигнала.

Но задолго до полудня вся война была въ предвѣдѣнныхъ имъ мѣстахъ, въ совершенномъ порядкѣ, а также и всѣ другія распоряженія приведены въ исполненіе. Генералъ де-Салль былъ тоже готовъ. Генералъ Босие находился на своемъ боевомъ посту, въ 6-й параллели; а я прибылъ съ генералами: Тирн (начальникомъ артиллеріи) Ніелемъ (начальникомъ инженеровъ) и Мартемпре (начальникомъ моего штаба) на редутъ Брансъонъ ¹⁾, избранный мною на этотъ день мѣстомъ Главной квартиры.

Часы были свѣрены. Въ полдень ровно всѣ наши батареи прекратили огонь, дабы возобновить его еще усилѣннѣе противу резервовъ непріятели. По знаку своихъ военачальниковъ, дивизіи: Макъ-Магона, Дюлака и де-Ламоттъ-Рума вышли изъ траншей. Барабанщики и гарнисты проиграли «вступленіе», и съ крикомъ — *да здравствуетъ Императоръ!* повтореннымъ тысячу разъ на всѣхъ линіяхъ, наши храбрые солдаты кинулись на непріятели. Это была истинно торжественная минута!

1-я бригада дивизіи Макъ-Магона: 1-й зуавскій полкъ впереди всѣхъ, потомъ 7-й линейный, имѣя лѣво отъ себя 4-й стрѣлковый батальонъ, — бросился на лѣвый флангъ и на исходящій уголъ Малахова. Ширина и глубина рва, и вышина эскарпа замедляютъ движеніе нашихъ войскъ, однако же они смѣло

¹⁾ Бывшій Камчатскій.

достигли неприятельских парпетовъ; Русскіе схватились съ ними на мургаиъ и, по недостатку ружей, бьются лопатами, кирками, камнями, банными и всѣмъ, что попадетъ подъ руку. Произошла одна изъ тѣхъ кровавыхъ стычекъ, въ которой только неудержимая стремительность нашихъ людей могла дать перевѣсъ надъ противникомъ. Солдаты вскочили въ укрѣпленіе, отбѣсали Русскихъ, старавшихся не уступать имъ ни шагу, и скоро знамя Франціи завышалось надъ Малаховымъ, съ тѣмъ, чтобы не опуститься.

На правомъ крылѣ и въ центрѣ, съ тѣмъ же стремленіемъ, которое разрушило всѣ преграды и даже отбросило неприятеля, дивизіи Дюлака и де-Ланеттъ-Руша, увлекаемая своими предводителями, овладѣли Маламъ редантомъ и Куртиной, пробившись даже до 2-й оборонительной линіи Русскихъ: Мы одержали верхъ на всѣхъ пунктахъ, какиа только атаквали. Но этотъ первый, блестящій успѣхъ, стоилъ намъ очень дорого: пораженный большимъ осколкомъ бомбы въ правый бокъ, генералъ Боске долженъ былъ оставить поле битвы. Я поручилъ командованіе войсками генералу Дюлаку, который имѣлъ дѣятельнаго помощника въ лицѣ генерала де-Линьерса, начальника штаба 2-го корпуса.

Саперы, находившіеся при атакующихъ колоннахъ, начали немедля свою работу: засыпали рвы, устраивали переходы, наводили мосты. Вторая бригада генерала Макъ-Магона двинулась быстро на Малаховъ, чтобы подкрѣпить бывшія тамъ войска. Я подалъ условленный знакъ Англичанамъ для атаки Большаго реданта и немного спустя, другой, генералу де-Саллю, для атаки города.

Англичане должны были пробѣжать 200 метровъ подъ убійственнымъ огнемъ картечи. Это пространство тотчасъ покрывалось убитыми и ранеными. Однакоже атакующая колонна достигла до каицталіа укрѣпленія, спустилась въ ровъ, имѣвшій

конецъ. Въ послѣдствіи французскіе войска Русскія, находившійся на западномъ берегу на островѣ Фиделитъ. Тамъ, послѣ сраженія съ нашими войсками, французскіе англіискіе, оставивъ въ рукахъ нашихъ войска, оставили оружіе и бѣжали. Французскіе войска, оставивъ оружіе, оставили насъ въ продолженіи двухъ часовъ; Англичане рѣшились оставить Редантъ, въ полной увѣренности, что непріятель не осмѣлится насъ преслѣдовать.

На лѣвомъ флангѣ, по данному сигналу, колонны дивизіи Левальяна, предводимыя генералами Кустонемъ и Троню, бросились на лѣвый флангъ Центрального баціона и его лѣвый дивертъ. Несмотря на градъ пуль, ядеръ и картечи, послѣ жестокой и живой схватки, сраженіе и побѣдительно окончилось. Солдаты восторженно кричали: «Впередъ!» и «одолѣвъ все препятствіе, мы проникли въ оба укрѣпленія». Не противясь, скрытый за траверсами, стоявшими послѣдствительно одинъ за другимъ, держался тѣсно. Убийственный ружейный огонь былъ направленъ со всѣхъ возвышеннаго пуштова; фронтальныя орудія другихъ верковъ и полевая артиллерія, разставленная кругомъ во многихъ мѣстахъ, извергали картечь и камни нашихъ. Генералы Кустонъ и Троню, будучи тотчасъ ранены, принуждены были сдать командованіе. Генералы Риве и Бретонъ были убиты. Множество морваннскихъ фураговъ замедляли наше стремленіе; наконецъ прибывшее въ непріятель сильное подкрѣпленіе заставило наши войска очистить занятые ими верки и ретироваться къ ближайшимъ плацдармамъ.

Намъ батарея этого фланга, направленныя искусно генераломъ Лебёежъ, которому адмиралъ Риго-де-Женуиль помогъ, какъ и всегда, самымъ дѣятельнымъ образомъ — раздѣляли свой огонь соответственно ходу дѣла и принудили

Русских скрыться за ихъ парашюты. Генераль де-Салль, выдвинувъ впередъ дивизию д'Отшара, приготовился тѣмъ временемъ къ другой рѣшительной атакѣ, но мы уже утвердились на Малаховѣ и потому я приказалъ войскамъ лѣваго фланга остаться на своихъ мѣстахъ.

Однакоже Русскіе долго и съ необыкновенной энергіей защищали Малаховъ.

При помощи батарей Дома-Крестомъ (de la Maison en Croix)¹⁾, полевой артиллеріи, занимавшей выгодные пункты, а также батарей Сѣвернаго берега и подошедшихъ пароходовъ, непріятель осыпалъ насъ картечью и всевозможными снарядами, сильно окустожая наши ряды. Пороховой погребокъ одной изъ батарей Малахова взлетѣлъ на воздухъ, увеличивъ наши потери и скрывъ на мгновеніе орла 91-го линейнаго полка. Множество офицеровъ, начальствующихъ отдѣльными частями и субалтернъ-офицеровъ были перебиты или переранены. Генералы Сень-Поль и Мароаль пали со славою, а генералы Меллине, Понтеве²⁾, и Бурбаки тяжело ранены во главѣ своихъ колоннъ. Три раза дивизія Дюлака и де-Ламоттъ-Ружа занимали Малый редантъ и Куртину и три раза отступали передъ страшнымъ огнемъ артиллеріи и сильными массами войскъ. Однако двѣ полевыя батареи, стоявшія въ резервѣ на Ланкастерской, спустились въ галопъ, перерѣзали траншеи и смѣло ставъ въ полувьстрѣлъ отъ непріятеля, принудили удалиться русскія войска и пароходы. Часть сказанныхъ двухъ дивизій, поддержанная гвардіей, которая въ этотъ день покрыла себя неуязвимою славою, помѣстилась влѣво отъ Куртины, откуда непріятель не могъ уже ея выбить.

Въ продолженіи этихъ схватокъ на правомъ крылѣ и въ

¹⁾ Оборонительная казарма 1-го бастиона.

²⁾ Черезъ нѣсколько дней умеръ.

центр, Русскіе употребляли всё усилія, чтобы овладѣть снова Малаховымъ. Это укрѣпленіе, родъ земляной цитадели въ полтораста метровъ ширины, вооруженное 62-ми орудіями разныхъ калибровъ, отличаетъ собою холмъ, который господствуетъ надъ центромъ Корабельной, беретъ во флангъ и въ тылъ Большой реданъ, отстоитъ отъ Южной пристани на 200 метровъ и угрожалъ не только единственному мосту, гдѣ корабли могли держаться на якоряхъ, но и единственному пункту отступленія Русскихъ: мосту, который они провели съ Южной стороны на Сѣверную.

И потому, въ первые часы этой борьбы двухъ арій, Русскіе возобновляли много разъ свои наступательныя дѣйствія, но генералъ Манъ-Магель, получая постепенно подкрѣпленія: сперва бригаду Валуа, той же дивизіи, потомъ гвардейскихъ зуавовъ, резервъ Вашиона и наконецъ часть гвардейскихъ волтижеровъ, — могъ устоять противъ всѣхъ атакъ: непріятель былъ постоянно отражаемъ и мы всякій разъ одерживали верхъ. Русскіе рѣшились сдѣлать послѣдній отчаянный приступъ: трижды бросались они огромными массами на горку укрѣпленія и трижды принуждены были ретироваться, понесши невѣроятныя потери.

Послѣ этой окончательной поштыи, которая прекратилась въ 5 часовъ вечера, непріятель, казалось, отступилъ отъ этой части города и только его батареи продолжали вплоть до ночи посылать къ намъ разные снаряды, не причиняя войскамъ почти никакого вреда.

Отряды саперъ и артиллеристовъ, которые во время боя, или храбро сражались, или стремительно исполняли свое назначеніе, — тотчасъ принялись за дѣло, подъ руководствомъ своихъ офицеровъ, дабы кончить начатыя ими работы внутри укрѣпленія.

По приказанію моему, генералы Тирі и Нюель, послали

генераловъ Бёре и Фроссара (начальника артиллеріи и начальника инженеровъ 2-го корпуса), сдѣлать всё необходимымъ распоряженіемъ для прочнаго и окончательнаго удержанія за нами Малахова кургана и занятаго части Куртлыны, чтобы имѣть возможность отразить ночную атаку непріятеля, еслибы она случилась, и уничтожить утромъ Малый редантъ, батарею Дома-Крестомъ, и остальные части этой линіи русскихъ верковъ.

Но эта предусмотрительность оказалась безплодною: непріятель, потерявъ надежду обрѣчь Малаховъ, рѣшился на крайность: онъ оставилъ городъ.

Солнце встало и осветило развалины, которыми представилась намъ горадо ужаснѣе, нежели мы воображали: послѣдніе русскіе корабли, стоявшіе на рейдѣ, были затоплены, мостъ завороченъ; непріятель сохранилъ только пароходы, которые перевозили отставшихъ и нѣсколькихъ эвакуированныхъ, старавшихся распространять огонь въ улицахъ несчастнаго города. Но скоро эти небольшія кучки обрѣлись, а равно ушли и пароходы, ища спасенія въ малыхъ бухтахъ Сѣвернаго берега. Севастополь былъ нашъ.

Такъ кончилась эта знаменитая осада, продолженіи которой вспомогательныя войска непріятелей были разбиты дважды въ открытомъ полѣ; и въ которой средства обѣихъ сторонъ, атакующей и осажденной, достигли колоссальныхъ размѣровъ. Атакующая армія имѣла въ разныя времена около 800 орудій, кои сдѣлали болѣе 1,600,000 выстрѣловъ, а наши траншеи, вырытыя въ 336 дней, со времени открытія траншеи, въ твердой скалистой почвѣ, на протяженіи 80 километровъ (20 лье) были исполнены подъ неумолимымъ огнемъ городскихъ батарей и при непрестанныхъ стычкахъ съ непріятелемъ, днемъ и ночью.

День 8 сентября, въ который арміи союзниковъ одержали верхъ надъ арміей почти равной имъ въ числѣ, не отрѣзанной

отъ сообщеній, защищенной сильными верями, подъ покровительствомъ болѣе нежели 1,100 орудій, провъ батарей флота и стѣнницъ; имѣвшей позади себя многочисленныя резервы, — остается навсегда помнить то, что только могутъ выдержать храбрыя, обученныя и приспособленныя къ войскамъ войска.

Мы потеряли въ этотъ приступъ убитыми: генераловъ 5, старшихъ офицеровъ 240, субалтернъ-офицеровъ 116, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ 4,489; раненными: генераловъ 4, старшихъ офицеровъ 20, субалтернъ-офицеровъ 224, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ 4,259; контуженными: генераловъ 6; безъ вѣсти пропавшими: старшихъ офицеровъ 2, субалтернъ-офицеровъ 8, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ 1,400. Всего въ строю вышло 7,551.

Эти потери очень велики; многіе между ними заслуживаютъ особеннаго сожалѣнія; но все-таки онѣ менѣе страшны, нежели надо было ожидать.

Всѣ войска, отъ генерала до солдата, съ честью исполнили свой долгъ. Наша армія, которую Императоръ можетъ гордиться, истинно достойна своего отечества. Я буду ходатайствовать о наградахъ многимъ; много чиненъ представлю на вниманіе вашего превосходительства. Но здѣсь не мѣсто входить объ этомъ въ подробности.

Флоты адмираловъ Лайонса и Брюа должны были приблизиться ко входу въ Севастопольскій рейдъ и вспомоствовать дѣйствіямъ войскъ и батарей, но послѣдніе крѣпкій порть-остъ, безопаснѣйшій насъ даже и на сушѣ, воспрепятствовали имъ сняться съ якоря. Одиѣ только англійскія и французскія бомбарды могли дѣйствовать, нанося большой вредъ городу и его береговымъ фортамъ. Какъ и всегда, храбрыя и отважныя моряки выказали себя искусными не менѣе сухопутными

артиллеристовъ и направляли свои выстрѣлы съ замѣчательной быстротой и мѣткостью.

Англійская армія отличалась свойственнымъ ей одушевленіемъ. Она приготовила вторичную атаку, которая безъ сомнѣнія восторжествовала бы надъ всѣми неожиданными препятствіями, какія встрѣтила первая, но занятіе Малахова позволяло устранить эту уже излишнюю атаку.

Къ концу дня, какъ я это предчувствовалъ, мы увидѣли тянущіся по мосту линіи войскъ, переходившихъ на Сѣверный берегъ. Вскорѣ пожаръ, вспыхнувшій во многихъ мѣстахъ, разрышилъ послѣднія недоумѣнія. Я хотѣлъ было двинуть войска, чтобъ занять мость и отрѣзать Русскимъ отступленіе, но осажденный, уходя, сталъ взрывать всѣ свои верки, пороховые погреба, здавія и разныя заведенія. Эти взрывы могли бы намъ сильно повредить и потому намѣреніе мое осталось неисполненнымъ. Я удержалъ войска на мѣстѣ; ожидая, пока явится день и озаритъ картину опустошенія.

Бригада Сардинцевъ подъ командой Чіальдини, которой содѣйствіе такъ благосклонно предложилъ мнѣ генералъ дела-Мармора для подкрѣпленія 1-го корпуса, — выдержала со стойкостью старыхъ войскъ самый страшный огонь, сосредоточенный на нашихъ траншеяхъ. Пьемонтцы горѣли желаніемъ вступить въ бой. Но атака Мачтоваго бастіона уже не имѣла мѣста и потому было невозможно удовлетворить храброму порыву этихъ войскъ.

Какъ всегда, наши и непріятельскіе раненные получили самую скорую помощь, надлежащій уходъ и всѣ необходимыя попеченія. Благодаря отличному устройству нашихъ госпиталей, усердію и искусству состоявшихъ при оныхъ лицъ, мы спасли значительное число храбрыхъ.

Въ заключеніе моего рапорта, не могу не упомянуть, какъ много я обязанъ въ настоящихъ обстоятельствахъ, а равно

и во всѣхъ другихъ, генералъ-майору Гугу-Розу и подполковнику Джоржу-Фолею, уполномоченнымъ комиссарамъ ея Британскаго величества, при главнокомандующемъ Французской арміи, имѣвъ съ ними безпрестанныя сношенія, вслѣдствіе нашихъ совмѣстныхъ дѣйствій съ главнокомандующимъ Англійскими войсками Джемсомъ Слипсономъ.

Главнокомандующій маршалъ А. Пелиссье.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ СТАТЬИ АКАДЕМИКА ПИРОГОВА:

«Историческій обзоръ дѣйствій Крестовоздвиженской общины сестеръ попеченія о раненныхъ и больныхъ, въ военныхъ госпиталяхъ Крыма и Херсонской губерніи, съ 1-го декабря 1854 года по 1-е декабря 1855 года.»¹⁾

Служеніе сестеръ Крестовоздвиженской общины началось съ 1-го декабря, 1854, въ Симферополѣ, куда прибыло изъ С.-Петербурга *1-е отдѣленіе*, состоявшее изъ 28 сестеръ, подъ управленіемъ главной начальницы Стаховичъ. Онѣ причислись къ госпитальному порядку подъ руководствомъ академика Пирогова.

Около 20 декабря сестры занемогли и были смѣнены сердобольными вдовами, прибывшими къ тому времени изъ Одессы. 4 сестры умерли отъ тифозной горячки.²⁾

23 декабря нѣсколько сестеръ, подъ управленіемъ помощницы главной начальницы, Лоде, отправилась въ Бахчисарай, для служенія при тамошнемъ военномъ госпиталѣ, но и здѣсь всѣ онѣ переболѣли тифозною горячкою и одна умерла.³⁾

13 января, 1855, явилось на Южной сторонѣ Севастополя *2-е отдѣленіе* сестеръ, подъ управленіемъ старшей сестры

1) Морской Сборникъ 1856, № 4, и Русскій Инвалидъ 1856, №№ 62 и 63.

2) Шерлингъ, Аленина, Ждановская, Эрбергъ.

3) Лашкова.

Меркуровой. Онѣ дежурили днемъ и ночью на главномъ перевязочномъ пунктѣ (бывшемъ сначала въ Дворянскомъ Собраніи, а потомъ въ Инженерномъ домѣ, съ конца генваря до 4-е марта, а съ этого числа опять въ домѣ Собранія), въ Николаевской батарее и въ нѣсколькихъ частныхъ домахъ, гдѣ находились госпитали, при чемъ сестры раздѣлились на перевязывающихъ, аптекаршей и хозяйекъ. Первыя помогали докторамъ при перевязкахъ, приготовляли бинты и другія перевязочныя средства. Вторыя — надзирали за правильнымъ отпускомъ лекарствъ и получали въ свое распоряженіе медикаменты, коихъ изготовленіе не терпитъ отлагательства. Третья наблюдали за бѣльемъ и вообще за содержаніемъ больныхъ.

17 генваря, 1855, прибыло въ Севастополь *3-е отдѣленіе* сестеръ, подъ управленіемъ старшей сестры Бакуниной, и занималось въ продолженіи недѣли, уходомъ за больными на Сѣверной сторонѣ, а потомъ переправилось на Южную, гдѣ соединилось съ сестрами 2-го отдѣленія.

Оба отдѣленія размѣстились на слѣдующихъ пунктахъ:

- 1) Въ Инженерномъ Домѣ (главный перевязочный пунктъ).
- 2) Въ Николаевской батарее.
- 3) Въ домѣ Орловскаго, и
- 4) Въ домѣ Гущина, гдѣ находились смертельно-раненные и гангренозные. Сестры, посвятившія себя на столь опасную и тяжелую службу, были: Григорьева, Голубцова, Грибоѣдова и Богданова 2-я.

Около 10 февраля занемогли почти всѣ сестры, служившія въ Севастополѣ, и двѣ изъ нихъ умерли отъ тифозной горячки ¹⁾).

21 февраля прибыло изъ Симферополя *1-е отдѣленіе*,

¹⁾ Кузнецова и Протопопова.

съ начальницею Стаховичъ и помѣстилось въ Сѣверныхъ баракахъ, считаясь, по времени приѣзда *4-мъ отдѣленіемъ*.

Въ срединѣ марта занятъ былъ для больныхъ офицеровъ Екатерининскій Дворецъ, куда отражена одна сестра милосердія.

28 марта прибыли сестры *5-го отдѣленія*, подъ надзоромъ сестры Будбергъ, и приступили къ занятіямъ въ Михайловской батарее и въ Корабельной слободкѣ.

Послѣ этого сестры переходили въ разные пункты, по мѣрѣ надобности.

По отъѣздѣ Пирогова (въ маѣ 1855) община подчинена начальнику гарнизона графу Остенъ-Сакену.

Въ юнѣ образовался офицерскій госпиталь въ 4 номерѣ батареи, на Сѣверной сторонѣ, куда отправлено двѣ сестры, съ главнымъ врачомъ, докторомъ Тарасовымъ.

Въ началѣ іюля устроился госпиталь на Бельбекѣ, гдѣ жило нѣсколько сестеръ.

Въ госпиталѣ Сѣвернаго укрѣпленія находилась одна сестра.

Въ лагерномъ госпиталѣ на Инкерманскихъ высотахъ помѣщалось 11 сестеръ.

Кромѣ того, въ это время 5 особыхъ отрядовъ общины состояли при госпиталяхъ въ разныхъ городахъ Крыма и Новороссіи: въ Бахчисараѣ (7 сестеръ), въ Симферополѣ (5 сестеръ), въ Перекопѣ (3 сестры) и нѣсколько въ Херсонѣ и въ Николаевѣ.

По оставленіи Южной стороны Севастополя, дѣятельность сестеръ сосредоточилась на Инкерманскихъ высотахъ, подъ управленіемъ старшей сестры Чупати, и на Бельбекѣ, подъ управленіемъ начальницы Стаховичъ.

Въ половинѣ сентября, вслѣдствіе перемѣщенія госпиталей, сестры перѣехали въ Бахчисараѣ и Симферополь. На

Бельбекѣ осталось только три, подъ руководствомъ одной изъ нихъ Ливской ¹⁾).

Въ это же время, по разстроенному здоровью Стаковичъ, главное начальство ввѣрено Высокой Покровительницей сестеръ начальницъ Одесскихъ сердобольныхъ вдовъ, Хитрово, съ званіемъ сестры-настоятельницы. Тогда же прибыло изъ С.-Петербурга нѣсколько новыхъ сестеръ, подъ надзоромъ старшей сестры Карцевой.

Академикъ Пироговъ, снова пріѣхавшій въ Крымъ, въ началѣ сентября, опять принялъ общину въ свое распоряженіе. Имъ учреждено *транспортное отдѣленіе* сестеръ, подъ начальствомъ старшихъ: Бакуниной, Медвѣдовой и Травниной. Двѣ или три сестры, подъ надзоромъ старшей, имѣя при себѣ запасъ медикаментовъ, перевязокъ, а также чай и сахаръ, отправлялись при транспортахъ съ больными, до городовъ: Перекопа, Берислава и Екатеринослава. Такихъ поѣздокъ совершено ими болѣе шести.

Въ концѣ 1855 года сестры перѣехали въ Россію.

¹⁾ Оставались тамъ до 1856 года.

СПИСОКЪ СЕСТРАМЪ МИЛОСЕРДІЯ КРЕСТО- ВОЗДВИЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ.

1-е Отдѣленіе.

(Въ Симферополѣ, съ Декабря 1854.)

1. Стаховичъ (начальница
Общины).	15. Глѣбова.
2. Шперлингъ.	16. Хольмбергъ.
3. Аленна.	17. Гродницкая.
4. Ждановская.	18. Дарсонвиль.
5. Эрбергъ.	19. Домбровская.
6. Лодѣ.	20. Дружиппа.
7. Василенко.	21. Сельстремъ.
8. Лашкова.	22. Иллеръ.
9. Степанова.	23. Лсбедева.
10. Васильева.	24. Павлова.
11. Гордынская.	25. Барцевская.
12. Антипова.	26. Смирнова 1-я.
13. Балашова.	27. Смирнова 2-я.
14. Борисова.	28. Тидеманъ.
	29. Никитина.

30. Долголенкова.

31. Ашикина.

32. Саватьева.

33. Сапрановская.

34. Инокния Ушакова.

Изъ этого отдѣленія сестры: Лодѣ, Василенко, Лашкова, Степанова и Васильева перѣехали въ концѣ декабря въ Бахчисарай; а остальные, въ концѣ февраля, — въ Севастополь, гдѣ составили 4-е отдѣленіе, какъ уже сказано въ извлеченіи. Къ нимъ въ апрѣль мѣсяцъ присоединились вновь-прибывшія сестры:

1. Ремизова.

2. Николаева.

3. Пожидаева.

2-е Отдѣленіе.

(Въ Севастополѣ.)

1. Старшая сестра Меркурова.

2. Богданова 1-я.

3. Вигилянская.

4. Назимова.

5. Шимкевичъ.

6. Липская.

7. Залебедская.

8. Крупская.

9. Снявская.

10. Григорьева.

11. Кузнецова.

12. Протопопова.

13. Голубцова.

Въ юль мѣсяцъ, къ сему отдѣленію, на Бельбекъ, прибыли сестры:

1. Алферова.

2. Болгова.

3. Матковская.

4. Попова 1-я.

5. Попова 2-я.

6. Стратонуло.

7. Аксенова.

8. Дунда.

9. Липсинова.

10. Астлянова 1-я.

11. Астафьева 2-я.	15. Филимонова.
12. Вахрамьева.	16. Шульцъ.
13. Жигарева.	17. Красильникова.
14. Някина.	

3-е Отдѣленіе.

1. Старшая сестра Баку-
нина.	4. Этель.
2. Богданова 2-я.	5. Куткина.
3. Тракина.	6. Някина.
	7. Грибоѣдова.

5-е Отдѣленіе.

1. Старшая сестра Буд-
бергъ.	11. Анше.
2. Бабикина.	12. Медвѣдова.
3. Башмакова.	13. Мятельская.
4. Бышева.	14. Мещерская.
5. Благовѣщенская.	15. Надежина.
6. Блюмеръ.	16. Петрова.
7. Вигренъ.	17. Селяванова.
8. Глицельманъ.	18. Старченко.
9. Грабаричъ.	19. Чупати.
10. Леонова.	20. Краузе.

Въ концъ юля прибыли въ Переконгъ сестры:

1. Старшая сестра Рома-
новская.	3. Медвѣцкая.
2. Боделова.	4. Матковская.

Въ Херсонъ и Николаевъ находились:

1. Старшая сестра Щедрина.	18. Булгарова.
2. Курбатова.	19. Носенкова.
3. Дмитриянова.	20. Мильшина.
4. Никсичъ.	21. Ковалева.
5. Пустозерова.	22. Кирова.
6. Аверкіева.	23. Главачъ.
7. Пономарева.	24. Бѣлоускова.
8. Наставина.	25. Яроцкая.
9. Данилевская.	26. Измайлова 2-я.
10. Набокова.	27. Фокина.
11. Богданова 3-я.	28. Ермолаева.
12. Николенкова.	29. Логниова.
13. Предялва.	30. Гусева.
14. Тимошенко.	31. Рудовская.
15. Якушева.	32. Короткова.
16. Малѣева.	33. Штвина.
17. Вальтеръ.	34. Дозорова.
	35. Виноградова.

Въ концъ сентября прибыли въ Симферополь:

1. Старшая сестра Карцева.	3. Непеніе.
2. Малышева.	4. Пржевалинская.

**СПИСОКЪ ВРАЧАМЪ,
ЗАНИМАВШИМСЯ РАНЕННЫМИ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.**

Главное управление Медицинской части.

- 1) Генераль-штабъ-докторъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Шрейберъ.
- 2) Помощникъ его статскій совѣтникъ Цятовичъ.
- 3) Исправляющій должность главнаго хирурга коллежскій совѣтникъ Райскій.
- 4) Главный хирургъ Южной арміи статскій совѣтникъ Рудницкій.
- 5) Правитель канцеляріи генераль штабъ-доктора изъ медиковъ Борисовъ.
- 6) Старшій докторъ Главной квартиры надворный совѣтникъ Эйхвальдъ.

Главный перевалочный пунктъ.

(Прибывшіе изъ Россіи и занимавшіеся постоянно).

- 1) Академикъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Проговъ.
- 2) Лекаръ Обершнллеръ.
- 3) Лекаръ Хлѣбниковъ.
- 4) Титулярный совѣтникъ Тарасовъ.

- 5) Коллекскій ассессорь Кадё.
- 6) Докторъ медицины операторъ и акушеръ Пабо.
- 7) Лекаръ Бекверсъ.
- 8) Докторъ медицины Ребергъ.
- 9) Медико-хирургъ надворный совѣтникъ Тюринъ.
- 10) Московскаго п. полка батальонный лекаръ Добровъ.

(Мѣстные изъ флота и занимавшіеся временно.)

- 11) Рождественскій.
- 12) Младшій врачъ 42 флотскаго экип. лекаръ Сибиряковъ.
- 13) Земинъ.
- 14) Новиковъ.
- 15) Вальтеръ (полковой).
- 16) Дмитровъ (вольно практикующій).
- 17) Туннепсадъ. } Американцы.
- 18) Дрѣщперъ. }

Николаевская батарея.

- 1) Профессоръ хирургіи коллеж. совѣтн. фонъ-Гюббенеть.
 - 2) Піотровскій.
 - 3) Шелома.
 - 4) Миштольдъ.
 - 5) Левицкій.
 - 6) Сброжекъ.
 - 7) Пржиборскій.
 - 8) Стефановскій.
 - 9) Пастуховъ.
 - 10) Ульрихсонъ.
 - 11) Вяоровскій.
 - 12) Бѣлявскій (умеръ въ Севастополѣ).
- } Морскіе.
- } Полковые.

Павловскій мысокъ.

- 1) Падворный совѣтникъ Дземишкевичъ.
- 2) Падворный совѣтникъ Неводовскій.
- 3) Павловскій (морской.)

Домъ Гуцина.

- 1) Лекарскій помощникъ коллеж. регистрат. Калашниковъ.

При дивизіяхъ и полкахъ, поступавшихъ на означенные пункты, состояли свои медики, но такъ-какъ поля безпрестанно черешѣяая мѣста, то и невозможно съ-точностію означить всѣхъ полковыхъ врачей, кто и когда изъ нихъ находится на извѣстномъ пунктѣ.

Кромѣ того было болѣе ста прусскихъ и американскихъ врачей и до 30 хорошихъ русскихъ фельдшеровъ, изъ коихъ могу наименовать двухъ: Никитина и Дятко, состоявшихъ при главномъ перевязочномъ пунктѣ.

СПИСОКЪ СЕВАСТОПОЛЬСКИМЪ КУПЦАМЪ,

ТОРГОВАВШИМЪ ВЪ ГОРОДЪ И ПОТОМЪ НА СЪВЕРНОЙ, ВО
ВРЕМЯ ОСАДЫ. ¹⁾.

1. Витчинкина — краснымъ товаромъ.
2. Гахъ — краснымъ товаромъ.
3. Поповъ — бакалей.
4. Коломейцевъ — галантерейнымъ товаромъ и офицерскими вещами.
5. Кефеля — краснымъ товаромъ ²⁾.

НА СЪВЕРНОМЪ БАЗАРЪ.

ПЕРВЫЙ КВАРТАЛЬ:

1. Пяклоръ — трактиръ.
2. Артамоновъ — галантерейными вещами.

¹⁾ Этотъ списокъ доставленъ мнѣ старшимъ гозаномъ (равниномъ) Караимскаго общества въ Крыму, С. А. Бенимомъ, котораго гостепріимный домъ посѣщается всими путешественниками, бывающими въ Чуфуть-Калѣ — небольшомъ мѣстечкѣ близъ Бахчисарая. О Чуфуть-Калѣ и почтенномъ хранителѣ его древностей, Бенимѣ, я упоминалъ нѣсколько разъ въ моихъ «Севастопольскихъ письмахъ» — Москвитянинъ 1855, Сентябрь, страница 139 и Ноябрь, страница 111.

²⁾ Эти пятеро оставили городъ только за нѣвлю до послѣдняго штурма.

3. Мортухай Айвазъ — бакалей.
4. Ефуда Рофѣ — краснымъ товаромъ.
5. Ефуда Мѣчри — бакалей.
6. Сима Сопакъ — бакалей.
7. Абрамъ Кефѣли — краснымъ товаромъ.
8. Абрамъ Шѣпшалъ — краснымъ товаромъ.
9. Исаакъ Шѣпшалъ — краснымъ товаромъ.
10. Образцовъ — шапошнымъ товаромъ.
11. Старчиковъ — бакалей.

ВТОРОЙ КВАРТАЛЬ:

1. Бороха Кушлю — бакалей.
2. Шдѣме Казазъ — краснымъ товаромъ.
3. Шамойль Айвазъ — краснымъ товаромъ.
4. Мошѣ Оксузъ — гаантерейнымъ товаромъ.
5. Орловскій — бакалей.
6. Марковъ — трактиръ.
7. Бурназъ — трактиръ.
8. Кухтинъ — трактиръ.
9. Кашинъ — бакалей.
10. Крыжановскій — бакалей.
11. Мошѣ Прикъ — краснымъ товаромъ.
12. Эмануиль Лѣви — бакалей.
13. Смакопуло — бакалей; имѣлъ также пекарню.
14. Гушинъ — трактиръ.
15. Дучемко — бакалей.
16. Поповъ — винами.
17. Илья Чевке — табакомъ.
18. Иосифъ Кефѣли — табакомъ.
19. Эзра Боручукъ — табакомъ.

20. Чикинъ — бакалей.
21. Томасъ — трактиръ.
22. Соловьевъ — бакалей.
23. Серебрянниковъ — бакалей. (Онъ-же старшина).
24. Ной Эмельдегъ — красныиъ товаромъ.
25. Яковъ Соферъ — бакалей.
26. Гвоздокъ — бакалей.
27. Тарасовъ — бакалей.
28. Пикинъ — бакалей.

С П И С О КЪ

*всѣмъ батарейнымъ командирамъ Малахова кургана
съ начала осады до конца.*

1) На батарее въ 5 орудій, стоявшихъ на башнѣ, командовалъ капитанъ морской артиллеріи Лосевъ, а комендантомъ въ башнѣ былъ полковникъ Арцыбашевъ. (Умеръ.)

2) На батарее въ 6 орудій, направо отъ башни — лейтенантъ Сенявинъ. Послѣ него капитанъ-лейтенантъ Швенднеръ 3-й (убить). Потомъ лейтенантъ Озерскій (умеръ отъ ранъ). За нимъ мичманъ Костомаровъ и наконецъ лейтенантъ баронъ Гейкинъ.

3) На батарее Корнилова — лейтенантъ Маркьяз де-Траверсѣ; потомъ мичманъ Шкоттъ; послѣ него капитанъ морской артиллеріи Станиславскій (убить), за нимъ капитанъ-лейтенантъ Григорашъ, потомъ капитанъ-лейтенантъ Лазаревъ, лейтенантъ Никифоровъ и наконецъ лейтенантъ баронъ Гейкинъ. (Командовалъ въ одно время двумя батареями: этой и предыдущей).

4) На слѣдующей батарее до Горжи — мичманъ Жидковъ.

5) Направо отъ башни — капитанъ-лейтенантъ Кацадагури (умеръ) и лейтенантъ Свѣшниковъ, потомъ капитанъ-лейтенантъ Явленскій; послѣ него лейтенантъ Шмидтъ 2-й. При немъ стала устроиваться Тыльная оборона и ею завѣдывалъ

также Шмядъ. Въ послѣдствіи эта батарея раздѣлялась на двѣ: ближе къ Гласису, Штурмовая, въ 5 орудій, коими командовалъ въ августѣ артиллеріи поручикъ баронъ Драхенфельсъ. Батареей ближе къ Рогаткѣ командовалъ лейтенантъ Панюровъ. Онъ же командовалъ подъ-коонецъ Тыльной обороной.

Ѹ) На Гласисной батарее, (которая образовалась впереди башни, по разрушеніи послѣдней) — капитанъ-лейтенантъ Явленскій (умеръ); за нимъ лейтенантъ Юрьевъ (убитъ); потомъ мичманъ (подъ-коонецъ осады лейтенантъ) Лесли.

4-е Отдѣленіе.

МАЛАХОВЪ КУРГАНЪ.

(Объясненія въ плану.)

а) *Батарея Панфилова* — въ 3 орудія на Камчатку. Командиръ лейтенантъ Панюровъ. Пунитъ, куда прежде всего ворвался непріятель 27-го августа 1855.

б) *Штурмовая*, въ 5 орудій, вдоль Рогатки. Командиръ поручикъ полевой артиллеріи 12-й легкой бригады, баронъ Драхенфельсъ.

сс) *Гласисъ*, въ 5 орудій: 2 ближайшія къ предыдущей по Камчаткѣ и по Марин; 2 за тѣмъ по Камчаткѣ, и одно по принцу Альберту (Англійская 24-хъ орудійная). На этой же батарее, справа, стояли 4 полевыхъ орудія на барбетахъ — командиръ лейтенантъ Лесли. Н — мѣсто, гдѣ раненъ Нахимовъ.

д) *Правый передній фасъ*, въ 5 орудій, по принцу Альберту и Доковому оврагу. Командиръ лейтенантъ баронъ Гейкинъ. Тутъ же стояла вправо 5-ти пудовая мортира — γ.

е) *Корнилова батарея*, въ 9 орудій, по 9-ти орудійной
Т. II.

Английской, что противъ 3-го бастиона. Командиръ лейтенантъ баронъ Гейкинъ. † мѣсто, гдѣ раненъ адмиралъ Корниловъ.

г) *Батарея Жидкова*, въ 4 орудія, по 9-ти орудійной Английской, командиръ лейтенантъ Жидковъ.

gg) *Правый задній фасъ*, въ 5 орудій, по 3-му бастиону внутрь. Командиръ тотъ-же лейтенантъ Жидковъ.

h) *Капониръ*, въ 3 орудія, по Английской атакѣ. Командиръ лейтенантъ Жидковъ.

iiii) *Левый задній фасъ или Тыльная оборона* въ 17 орудій: 2 ближайшія къ горжѣ по 2-му бастиону и по мѣстности. Одно за тѣмъ фланкировало ровъ. 4 слѣдующія по 2-му бастиону и по мѣстности. Тутъ же стояло 2 фальконета. Одно за тѣмъ по Селенгинскому редуту. Два по Камчаткѣ и тутъ же стояла старая, треснувшая 5-ти пудовая мортира, изъ которой иногда стрѣляли Французскими снарядами — 8. Наконецъ 7 орудій по 2-му бастиону и Селенгинскому редуту. Командиръ лейтенантъ Панфиловъ, тотъ же, который командовалъ сосѣдней батареей въ 3 орудія.

Кромѣ того предполагалось вывезти, въ случаѣ нужды, одно орудіе въ горжу, которое тутъ и стояло за брустверомъ — F.

Внутреннія части кургана.

А) Башня. 1) Блиндажъ Лесли, Лазарева, Иванова и другихъ. к) Блиндажъ Буссау. m) Ходъ въ потерну. n) Блиндажъ Карпова. o) Траверсъ. p) Небольшой пороховой погребъ, пудовъ на полтора, и рядомъ съ нимъ блиндажъ для нѣсколькихъ человекъ. г) Блиндажъ. e) Другой ходъ въ потерну. t) Блиндажъ. u) Небольшой пороховой погребъ, пудовъ на пол-

тораета, и рядомъ съ нимъ траверсъ. w) Мостикъ черезъ ровъ. Этотъ мостикъ, а также и другой — x) безпрестанно разбивали бомбы. y) Блиндажъ, и рядомъ съ нимъ траверсъ. β) Траверсъ. E) двойная сапа для проѣзда троецъ. λ) Блиндажъ. μ) Главный боевой погребъ. ρ) Блиндажъ. σ) Траверсъ. στ) Блиндажъ. φ) Помѣщеніе доктора и перевязочный пунктъ. Тутъ же была Пракосья Ивановна Грасова. Рядомъ за досками блиндажъ. ψ) Блиндажъ. ω) Блиндажъ и рядомъ съ нимъ траверсъ. αα) Главный пороховой погребъ на 800 пудовъ. Рядомъ съ нимъ траверсъ. ρρ) Траверсъ. қ) Траверсъ. v) Траверсъ. α) Траверсъ. λλ) Барбетъ для полевого орудія.

BD. Батарея Никифоровъ 12 орудій, для штурма. Взъво MN — 4 полевыхъ орудія черезъ барбетъ; 2 двухъ-пудовыхъ мортиры и 6 полу-пудовыхъ мортиръ.

P) 2 5-ти пудовыхъ мортиры. Командиръ лейтенантъ Никифоровъ.

Rs) Редантъ, 3 орудія: одно по Камчаткѣ и два для штурма. Командиръ прапорщикъ конной артиллеріи Постяковъ.

Ровъ на курганѣ, вообще, до 3-хъ сажень глубины. Ширины, внизу, $1\frac{1}{2}$ сажени. Брустверь, круглой мѣрой, до 8-ми футовъ въ вышину. Въ толщину около 20 фут. Въ Горжѣ свободно проѣзжала тройка. — На банкетахъ могло помѣститься до 3-хъ тысячъ человекъ.

ВТОРАЯ ЛИНИЯ.

ZZ) Было прорѣзано 11 амбразуръ: 9 для штурма и 2 для стрельбы по двойной неприятельской сапѣ передъ 2-мъ басті-

ономъ, но орудій успѣли поставить только три — 1, 2, 3. Брустверь имѣлъ ступеньки для стрѣлковъ. Толщина насыпи футовъ 20, высота 12, ровъ 3. Между орудіями 3 сажени. уу) 4 полевыхъ орудій. ух) Предполагалась потеряна. ЕЕЕЕ) Полевыхъ орудій по Жерве-батареѣ и Доковому оврагу; считалось всего на-все 14 полевыхъ орудій.

О П Е Ч А Т К И.

ТОМЪ II.

	Напечатано.	Должно читать.
Стран.	строка.	
50	последняя онъ ¹⁾ ,	онъ ²⁾ ,
55	первая всего	своего
68	св. 11 не ходить.	не ходить.
146	— 4 него	него